946

М.Ф. ЧЕРНОВ

ФРАЗЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
атындағы
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

М. Ф. ЧЕРНОВ

ФРАЗЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Глубокоуважаемому Геннадию от автора М. Чернов 28.07.86

Научный редактор доктор филологических наук Л. П. Сергеев

ЧЕБОКСАРЫ
ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

ББК 46. 2
Ч 49

Печатается по постановлению Ученого Совета Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор Н. П. Петров, кандидат филологических наук А. Е. Горшков

ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

Ч $\frac{4602000000-122}{M\ 136(03)-85}$ без объявл.—85

© Чувашское книжное издательство, 1985 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фразеология как раздел языкознания имеет значительные успехи как в исследовании общих проблем фразеологической теории, так и в изучении устойчивых словесных комплексов конкретных языков. Тем не менее мы сегодня не можем сказать, что в науке о языке существует единая, до конца последовательная фразеологическая теория, решена основная, ключевая проблема фразеологии — проблема ее предмета. Совершенно ясно одно: от научно последовательного и объективно точного раскрытия сущности фразеологизма зависит успешная разработка всех других вопросов, связанных с устойчивыми, несвободными, сочетаниями слов. На наш взгляд, отсутствие единого мнения лингвистов о фразеологизме объясняется сложностью его как объекта исследования.

Тюркская фразеология, как и фразеология других языков,— интенсивно разрабатываемая отрасль тюркологии. Фразеологическим единицам ряда тюркских языков (азербайджанского, башкирского, казахского, татарского, узбекского) посвящены крупные монографические исследования. Интерес к фразеологической проблематике в тюркском языкознании все возрастает.

Монография «Фразеология современного чувашского языка» представляет собой первый опыт научного описания фразеологии чувашского языка. Цели и задачи в ней ограничены кругом основных теоретических проблем названной отрасли науки о языке. К ним относятся: установление дифференциальных признаков фразеологизма и определение на этой основе его сущности; определение фразеологического состава и структурно-семантических типов фразеологических единиц чувашского языка; функциональная и структурно-семантическая характеристика фразеологизмов.

В нашем исследовании не рассматриваются, в частности, такие важные вопросы, как полисемия и синонимия в сфере фразеологии чувашского языка, как образование, стилистическая дифференциация фразеоло-

гизмов и др. Считаем, что названные вопросы являются вторым слоем фразеологической проблематики изучаемого языка.

Материалом для научного анализа и обобщения послужили произведения чувашской художественной и публицистической литературы, произведения устного поэтического творчества. Широко привлечены лексикографические источники, прежде всего 17-томный «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина. Значительным подспорьем явилась словарная картотека Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР.

Предлагаемое вниманию читателей исследование является дальнейшим развитием на материале чувашского языка фразеологической теории академика В. В. Виноградова и его последователей. В его основу положено учение выдающегося языковеда об основных типах лексических значений слова, о фразеологической связанности и фразеологических единицах, о внутренних законах связи слов и словесных значений, управляющих процессами фразообразования. Книга не претендует на исчерпывающее освещение всех вопросов и проблем, поставленных в ней. Тем не менее, нам кажется, что теоретические положения и выводы, выдвинутые в работе, могут оказать определенную помощь в решении общетеоретических проблем фразеологии.

Книга состоит из трех глав (кроме введения и заключения). В первой из них раскрывается сущность фразеологизма, на основе установления типов связанности слов определяется фразеологический состав чувашского языка. Вторая — посвящена самому многочисленному структурно-семантическому типу фразеологизмов — фразеологическим сочетаниям. В третьей главе подробно характеризуются идиоматические сочетания, или идиомы-фразеологизмы, их семантико-грамматические разряды.

Автор приносит глубокую и искреннюю благодарность ответственному редактору, доктору филологических наук профессору Л. П. Сергееву, рецензентам доктору филологических наук профессору Н. П. Петрову, кандидату филологических наук А. Е. Горшкову, также кандидатам филологических наук В. И. Котлееву, И. П. Павлову, оказавшим своими замечаниями и советами большую помощь в работе над книгой.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение фразеологии в отечественном языкознании началось с конца XVIII в. Так, еще М. В. Ломоносов, составляя план словаря русского литературного языка, отмечал, что в нем должны найти место «российские пословия», «фразесы» и «идиоматизмы»[1].

В XVIII—XIX вв. фразеология привлекала внимание лингвистов главным образом как объект лексикографии. Специальные исследования, посвященные фразеологии, появились лишь в 30-е годы XX в. Впервые в истории языкознания вопрос о фразеологии как о лингвистической дисциплине был поставлен видным советским языковедом Е. Д. Поливановым. Он отмечал, что лексика изучает индивидуальные лексические значения слов, морфология — формальные значения слов, синтаксис — формальные значения словосочетаний. «И вот возникает потребность,— пишет Е. Д. Поливанов,— в особом отделе.., который был бы соизмерим с синтаксисом, но в то же время имел бы в виду не общие типы, а индивидуальные значения данных конкретных словосочетаний — подобно тому как лексика имеет дело с индивидуальными (лексическими) значениями данных слов. Этому отделу языкознания я и уделяю наименование фразеология (другой, предлагавшийся для этого значения термин — идиоматика)»[2].

Возникновение фразеологии как лингвистической

---

[1] Подр. об истории изучения фразеологии см. в след. раб.: *Архангельский В. Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. Изд-во Ростовск. ун-та, 1964; *Кунин А. В.* Английская фразеология. М., 1970; *Ройзензон Л. И.* Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1973.

[2] *Поливанов Е. Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928, с. 60—61.

дисциплины в русском языкознании относится к 40—50-м годам нашего столетия и связано с именем академика В. В. Виноградова[3].

Учение языковеда о фразеологических единицах и основных типах лексических значений слова имело и имеет до сих пор непреходящее значение для теории лексикологии вообще, фразеологии в частности. Не менее важное значение имеют намеченные им пути и аспекты дальнейшего исследования фразеологии[4].

Последние три десятилетия нашего века ознаменовались интенсивной разработкой проблем теории фразеологии многих языков; собран и введен в научный оборот огромный фразеологический материал, на основе которого написан целый ряд кандидатских и докторских диссертаций, опубликованы монографические исследования.

Значительный вклад в развитие фразеологической теории внесли известные лингвисты Б. А. Ларин, А. Е. Ефимов, С. И. Ожегов, Н. Н. Амосова, О. С. Ахманова, В. Л. Архангельский, Л. И. Ройзензон, Ю. А. Гвоздарев, А. В. Кунин, В. Л. Жуков, Н. М. Шанский, А. И. Федоров, И. И. Чернышева, А. И. Молотков, В. Н. Телия, Ю. Ю. Авалиани, Ю. А. Рубинчик и др.

Большие достижения в области исследования фразеологии имеет и тюркологическая наука[5]. Накоплен значительный фразеологический материал. Он зафиксирован в двуязычных и толковых словарях. Все это дало большие возможности для изучения фразеологии тюркских языков. С. К. Кенесбаев создал выдающийся труд — первый толковый фразеологический словарь казахского языка[6], в котором получило наиболее полное

---

[3] *Виноградов В. В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины; *он же.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке; *он же.* Основные типы лексических значений слова.— В кн.: *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.

[4] *Виноградов В. В.* О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка.— В кн.: Мысли о современном русском языке. М., 1969, с. 5—23.

[5] *Чернов М. Ф.* Изучение тюркской фразеологии в работах советских тюркологов.— Советская тюркология. Баку, 1978, № 1, с. 85—95.

[6] *Кенесбаев* Ж. Казак тілінің фразелогиялық сөздігі. Алматы, 1977.

отражение фразеологическое богатство данного языка. Большую роль в развитии теории тюркской фразеологии сыграли труды С. К. Кенесбаева, С. Н. Муратова, Ш. У. Рахматуллаева, Г. А. Байрамова, Г. Х. Ахунзянова, З. Г. Ураксина и др.

В чувашском языкознании фразеология стала объектом специального исследования с 1970-х годов.

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
АТЫНДАҒЫ
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

ПРЕДМЕТ ФРАЗЕОЛОГИИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

1. Несвободные сочетания слов как предмет фразеологии

Язык — это иерархически организованная система относительно автономных, но взаимодействующих подсистем, состоящих из некоторого набора неразложимых с точки зрения данной системы элементов и правил их интеграции. Правила, или общие закономерности, интеграции значимых структурных единиц языка на всех уровнях его системы (морфема, лексема, предложение) существуют в виде структурно-семантических моделей различной сложности, в соответствии с которыми из ограниченного набора языковых единиц производится неограниченное количество их комбинаций[1].

В любом языке значимые языковые единицы преимущественно комбинируются в соответствии со структурно-семантическими моделями, свойственными тому или иному его уровню. Эти модели выступают как основные ячейки языковой системы. Чувашский язык, как и любой другой язык, обладает целой системой моделей, на основе которых свободно соединяются значимые единицы языка на каждом его структурном уровне. К числу таковых, например, относится словообразовательный тип «глагол (возвратный) + *-чак (-чĕк)*», содержащий типовое деривационное значение «лицо, склонное к какому-либо действию»; в рамках данной модели образуется незамкнутый ряд имен существительных со

[1] Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 92—93; *Серебренников Б. А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983, с. 5—35; *Солнцев В. М.* Язык как системно-структурное образование. Изд. 2-е, М., 1977, с. 11; *Мельничук А. С.* Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма.— В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970, с. 48—49.

значением лица: *мухтанчăк* (<*мухтан* «хвалиться» +*-чăк*) «хвальбишка, хвастун», *хуçкаланчăк* (<*хуçкалан* «кривляться» +*-чăк*) «кривляка, ломака», *сулланчăк* (<*суллан* «шататься, бродить» +*-чăк*) «бродяга», *йĕпленчĕк* (<*йĕплен* «придираться» +*-чĕк*) «придира», *сĕтĕрĕнчĕк* (<*сĕтĕрĕн* «бездельничать» +*-чĕк*) «бездельник» и т. п.

Известно, что полнозначные слова имеют модель смысловой связи, т. е. модель лексической и/или лексико-грамматической сочетаемости с другими словами. Если слово полисемантичное, то такая модель свойственна каждому его значению в отдельности. Так, например, глагольная лексема *çап* в значении «молотить, обмолачивать» сочетается со всеми именами существительными, обозначающими злаки, т. е. в языке существует модель лексико-грамматической сочетаемости «имя существительное, называющее какое-либо злаковое растение,— глагол *çап*». В рамках этой модели реализуется названное значение глагола *çап,* и образуется целый ряд соединений слов с этим глаголом, именными компонентами которых выступают существительные, обозначающие злаки: *ыраш çап* «молотить рожь», *тулă çап* «молотить пшеницу», *урпа çап* «молотить ячмень», *ясмак çап* «молотить чечевицу» и т. п.

Как показывают приведенные факты, важнейшим свойством моделей интеграции значимых единиц языка является их регулярность, т. е. повторяемость формально-семантических отношений между сочетающимися компонентами, которые проявляются в конкретных соединениях языковых единиц разной сложности.

Однако языковая система «никогда не бывает «правильной» полностью: она лишь стремится к равновесию, но никогда его по существу не достигает»[2]. В ней на всех структурных уровнях, наряду с соединениями значимых элементов, соответствующими правилам их интеграции, довольно широко встречаются образования, представляющие собой факты отступления от действующих в языке общих закономерностей сочетаемости языковых единиц или остающиеся в положении вне этих закономерностей. «В любом живом языке человечества,— пишет Р. А. Будагов,— имеются не только системные,

---

[2] Общее языкознание. Внутренняя структура языка, с. 52.

но и антисистемные тенденции и категории... Любой естественный язык, сохраняя свой системный характер, вместе с тем по самой своей природе не сводится и не может сводиться к сумме различных схем, будто бы определяющих его сущность и особенность его функционирования»[3]. Е. А. Земская, раскрывая сущность словообразовательного типа и отмечая, что образование новых слов главным образом происходит на основе формул, или схем, производных слов (словообразовательных типов), особо подчеркивает, «что какое-то количество слов (ничтожное по сравнению с общей массой слов) образуется вне словообразовательных типов — по образцу отдельных слов с нарушениями законов типового словообразования»[4].

Отступления от функционирующих в языке правил интеграции значимых единиц (или правил сложения смыслов) наблюдаются на всех уровнях языковой структуры. Как утверждают исследователи, они в наибольшей степени свойственны словам[5]. На уровне слова случаи «нарушения» законов интегрирования значимых элементов языка проявляются в виде несоответствий правилам словообразования и словоизменения. Так, например, в чувашском языке существует продуктивный тип словообразования «имя существительное + аффикс *-çă (-çĕ)*», в соответствии с которым образуются названия лиц по профессии или по роду деятельности: *хуралçă* (*<хурал* «охрана» *+-çă)* «охранник», *сунарçа* (*<сунар* «охота» *+-çа)* «охотник», *çĕвĕçĕ* (*<çĕвĕ* «портняжничество, портняжное ремесло» *+-çĕ)* «портной», *сутăçă* (*<сута* «торговля» *+-çă)* «торговец», *сăвăçă* (*<сăва* «стихотворение» *+-çă)* «поэт», *сухаçă* (*<суха* «пахота, вспашка» *+-çă)* «пахарь» и т. п.

---

[3] *Будагов Р. А.* Система и антисистема в науке о языке.— Вопросы языкознания. М. 1978, № 4, с. 3; См. еще: *Янко-Триницкая Н. А.* Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка.— Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Том XXVIII, вып. 5. М., 1969, с. 429—436.

[4] *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, с. 182—183.

[5] *Панов М. В.* О слове как единице языка.— В сб.: Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина, т. 51. Кафедра русского языка, вып. 5. М., 1956, с. 129—167; *Земская Е. А.* Указ. раб., с. 9—11, 217—220; *Милославский И. Г.* Производное как фразеологическая единица.— В кн.: Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. М., 1978, с. 40—48; и др.

Однако в ряду слов типа *сунарçă* «охотник», *çĕвĕçĕ* «портной» существительное *атăçă* (*<ата* «сапог» *+-çа*) «сапожник» отходит от деривационного значения, выраженного упомянутой моделью. Слово *атăçă* «сапожник» при полном соответствии его значения той модели, на основе которой оно возникло, означало бы «мастер по шитью и починке сапог». Однако данное слово выражает значение «мастер по шитью и починке обуви вообще». Как видно, слово *атăçă* «сапожник» содержит в себе нечто добавочное, единичное, не предсказанное моделью, в соответствии с которой образуется преобладающее число существительных со значением лица, деятеля. Лексическое значение существительного *атăçа* оказалось шире словообразовательного. Следовательно, слово *атăçă* «сапожник» существует в современном языке как факт «нарушения» системы.

Для современного чувашского языка характерна модель образования порядковых числительных «имя числительное количественное + аффикс *-мĕш*». На ее основе в ходе речевой деятельности создается бесчисленное множество порядковых числительных: *таватта-мĕш* (*<таватта* «четыре»*+-мĕш*) «четвертый», *çĕрмĕш* (*<çĕр* «сто»*+мĕш*) «сотый» и т. п. От некоторых же количественных числительных, а именно, от *виççĕ* «три», *таватта* «четыре» порядковые числительные могут образоваться и с помощью аффикса *-ăм (-ĕм)*: *виçĕм* (*<виçĕ* «три» *+-ĕм*) «третий», *таватăм* (*<тават +-ăм*) «четвертый». Не употребляются числительные *пилĕкĕм* «пятый», *ултăм* «шестой», *çичĕм* «седьмой» и т. д. Ввиду того, что существование *-ăм (-ĕм)* как форманта порядковых числительных не поддержано другими числительными, кроме *виççĕ* «три» и *таватта* «четыре», в чувашском языке не закрепилась модель образования порядковых числительных с компонентом *-ăм (-ĕм)*. Следовательно, формы числительных *виçĕм* и *таватăм* невозможно интерпретировать с точки зрения их соответствия определенному правилу. Компоненты *-ăм (-ĕм)* лишены свободы выбора основных морфем, они узуально как бы «привязаны» к двум числительным *виççĕ* «три» и *таватта* «четыре» и имеют несвободный, связанный, характер.

Нередко с уровнем слова связаны отступления от правил интеграции значимых единиц языка семантического характера. Они проявляются в том, что сочетаю-

щиеся компоненты утрачивают семантическую самостоятельность (лишаются свойственных им значений). Это порождает такое явление, которое в языкознании называется идиоматичностью. Сущность ее состоит в неразложимости значения единиц языка (слов, сочетаний слов, предложений) на значения единиц, вычленяемых в их формальном строении, и, соответственно, невыводимости значения целого из значений частей в данной их структурно-семантической связи. Каждое из языковых единств, компоненты которого подверглись десемантизации, или утратили семантическую самостоятельность, представляет собой единичное, немоделируемое образование. В единствах такого типа свобода выбора, или замены, компонентов исключается; если частично она возможна, то строго в пределах допустимой узуальной вариантности. Соединения единиц языка, подвергшихся десемантизации, существуют в нем лишь как несвободные комбинации. Например, слово *пуҫсăр* в значении «отчаянный, упрямый» (букв. без головы). Оно формально разложимо на составные части *пуҫ* «голова» и *-сăр* (передает значение русского предлога *без*), однако такое членение для понимания названного смысла ничего не дает. Если возьмем данное слово *пуҫсăр* в ряду слов *аласăр* «без руки, безрукий», *урасăр* «без ноги, безногий», *самсасăр* «без носа» и т. п., то выражаемое им значение было бы непонятно. Это объясняется тем, что в рассматриваемом случае *пуҫсăр* употребляется с таким значением, которое не вытекает из содержания каждой членимой части слова. В структуре данного слова компоненты утратили смысловую самостоятельность в связи с тем, что выражаемое им вторичное значение «отчаянный, упрямый» соотносится не с каждым компонентом в отдельности, а со словом как целостной единицей языка. Такое значение не выводится из значений составляющих частей слова, оно добавочно содержится в последнем. Итак, значение «упрямый, отчаянный», свойственное слову *пуҫсăр*, невозможно вывести по правилу, и носитель этого значения — *пуҫсăр* представляет собой уникальный факт языка, образовавшийся вне правил сочетаемости его элементов.

Все рассмотренные случаи отклонений от общих закономерностей соединения значимых единиц языка связаны непосредственно со словом, иными словами, ограничены рамками слова.

В чувашском языке, как и в других языках, довольно широко встречаются факты отклонений от правил соединения значимых элементов и в сфере сочетаний слов. Для примера возьмем глагол *тух* («выйти»)* в значении «прожить до какого-либо срока». Данный лексико-семантический вариант *тух* реализуется в строго определенном контексте, а именно при посредстве слов *çу* «лето», *çĕн* «новина, новый хлеб» в форме дательного пад.: *çăва тух* «дожить до лета» (букв. выйти в лето), *çĕнне тух* «дожить до новины, нового хлеба» (букв. выйти в новину или в новый хлеб). Такую ограниченность сочетаемости глагола *тух* в названном значении трудно мотивировать, она в языке узуально закреплена. В. В. Виноградов, имея в виду аналогичные факты в русском языке, отмечал: «При этом для такого ограничения как будто бы нет оснований в логической или вещной природе самих обозначаемых предметов, действий и явлений. Эти ограничения создаются присущими данному языку законами связи словесных обозначений»[6].

Немотивированная ограниченность сочетаемостной способности глагола *тух* в значении «прожить до какого-либо срока» — это свидетельство того, что в языке отсутствует модель смысловой связи этого глагола при выражении им упомянутого значения. Оно относится к категории несвободных, или связанных, значений, проявляется в строго определенном лексическом окружении.

В языке нередко наблюдаются случаи, когда круг слов, реализующих связанное значение, бывает сравнительно широким, хотя и строго фиксированным. Так, глагол *кай* («уйти») значение «лишиться чего-либо (названного в именной части)» вычленяет, сочетаясь с именами существительными *вăй* «сила», *хал* «сила», *сӳл* «сила, мочь», *ăн* «сознание», «память», *тăн* «сознание; память», *ăс* «ум», *сăн* «вид, облик, лицо», *тĕс* «лицо, вид» в форме исходного пад.: *вăйран (халтан, халран, сӳлтен) кай* «выбиться из сил» (букв. уйти из силы), *ăнтан (ăнран, тăнран) кай* «потерять сознание, память, лишиться сознания, чувства» (букв. уйти из сознания,

---

* В скобках указано основное номинативное значение слова.

[6] *Виноградов В. В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины, с. 159.

чувства), *асран кай* «лишиться ума, глупеть» (букв. уйти из ума), *санран кай* «потерять вид, побледнеть, выглядеть болезненным», *тĕсрен кай* «измениться в лице» (букв. уйти из вида). Способность глагола *кай* в значении «лишиться чего-либо» сочетаться с более широким кругом слов создает видимость того, что в языке существует модель смысловой связи *кай* при реализации им названного лексико-семантического варианта и приведенные сочетания слов с глагольным компонентом *кай* являются свободными сочетаниями слов. Однако так кажется лишь на первый взгляд. По существу, перечисленные соединения с стержневым словом *кай* не могут быть отнесены к категории свободных сочетаний слов, образованных реализацией фразеологически связанного значения «лишиться чего-либо», в языке мы не находим, в частности, такие, как *вай-халран кай* (букв. уйти из силы), *татархаран кай* (букв. уйти из силы), *сĕмрен кай* (букв. уйти из сознания), *нĕртен кай* (букв. уйти из вида, облика), хотя именные слова в данных сочетаниях относятся к той же семантический группе, что и существительные, вычленяющие у глагола *кай* значение «лишиться чего-либо». Следовательно, сочетания слов, образованные реализацией значения «лишиться чего-либо», присущего *кай,* как и предыдущие словесные соединения *çава тух* «дожить до лета», *çĕнне тух* «дожить до новины», представляют собой факты, стоящие вне системы действующих в языке правил интеграции лексических единиц. Этим обусловливается строгое ограничение свободы выбора компонентов в словесных соединениях рассматриваемого типа. Такие сочетания слов существуют в языке как готовые единицы.

В чувашском языке встречается значительное количество сочетаний слов, в которых вообще исключена замена компонентов. Так, например, в соединении слов *вĕлтрен тăрри* «крапивник» (букв. верхушка крапивы) ни один из компонентов не может быть заменен другим, замещение их, как правило, влечет за собой разрушение семантической структуры сочетания. Объясняется это тем, что с фактом действительности соотносится не каждый компонент в отдельности, а словесный комплекс *вĕлтрен тăрри* в целом. Он одновременно дает название определенному виду птицы и выражает значение «небольшая лесная певчая птица серовато-бурой

окраски с коротким хвостом», связанное с этим «кусочком» реального мира. Это значение-понятие не вытекает из смысла компонентов, составляющих данное соединение слов, оно свойственно всему сочетанию в целостном виде. Сочетание слов *вĕлтрен тарри* «крапивник» лишь по форме равнозначно изафету второго типа, по содержанию расходится с ним, представляя собой факт отклонения от правил комбинаторики лексических единиц. Поэтому в названном сочетании *вĕлтрен тарри* мы не можем определить отношения грамматической зависимости между компонентами и, следовательно, выделить определяемое слово и определение. Составное наименование *вĕлтрен тарри* «крапивник» — это такая структурная единица, строение и семантика которой не соответствуют правилам соединения значимых единиц языка на уровне сочетаний лексем, оно единичное, уникальное, немоделируемое языковое образование.

В сочетаниях типа *вĕлтрен тарри* значения компонентов деактуализированы, что привело к их полной десемантизации. В силу этого подобным соединениям слов свойственно только в виде цельной и монолитной единицы быть связанными с предметом объективной действительности, иначе говоря, их означающие (лексемы) репрезентируют определенный смысл лишь при совместном употреблении.

В несвободном сочетании *вĕлтрен тарри* «крапивник» не допускается замена компонентов. Однако в некоторых случаях все же возможна замена отдельных компонентов несвободных сочетаний рассматриваемого типа, но строго в пределах узуально закрепленной вариантности лексико-грамматического состава. Ср.: *аяк пĕрчисем суйла (шутла)* «пересчитать ребра (кости) кому-либо», *алла кĕр (лек, çаклан)* «попасться (попасть) в руки кого-либо».

Отклонения от правил интеграции значимых структурных единиц языка имеет место и на уровне предложений, хотя в меньшей степени, чем на уровне слова. Так, например, в чувашском языке бытует выражение *ури çине ĕне пусман-ха* «не изведал еще тяготы жизни» (букв. на его (ее) ногу еще корова не наступила). Здесь выделяются следующие случаи отклонения от системы: 1)компоненты лишены того системного, регулярного значения, какое характерно для них при обыч-

ном, свободном, употреблении; 2) ни один из компонентов не может быть заменен другим, ибо замена может нарушить семантическую структуру выражения; 3) выражение по своей семантике не соотносится с моделью двусоставного предложения, лишь по форме совпадает с нею. Итак, предложение *ури çине ĕне пусман-ха* в значении «не изведал тяготы жизни» выступает в языке как структурная единица, строение которой не соответствует правилам интеграции значимых элементов языка на уровне коммуникативных единиц.

Таким образом, в чувашском языке, как и в других языковых системах, свободным сочетаниям слов противопоставлены несвободные, которые существуют как готовые к употреблению образования и являются объектом фразеологии как раздела науки о языке.

2. Определение фразеологизма

Фразеологизмом, или фразеологической единицей, называется любое соединение слов, представляющее собой отступление от существующих в языке закономерностей интеграции лексем как значимых единиц языка, т. е. любое несвободное сочетание слов[7]. Совокупность несвободных сочетаний слов чувашского языка составляет фразеологию данного языка. Термин фразеология (от греч. phrásis — выражение и logos—слово, учение) употребляется еще в значении «раздел языкознания, изучающий фразеологизмы того или иного языка».

Фразеология чувашского языка — это раздел чувашского языкознания, изучающий фразеологический состав названного языка в его современном состоянии и историческом развитии.

Фразеологизмы, как и другие значимые структурные единицы языка, характеризуются комплексом дифференциальных признаков. Определяющим признаком фразеологизмов служит семантическая спаянность компонентов. Данное свойство у них проявляется или в виде односторонней смысловой зависимости одного компонента от другого, или в виде сквозной (двусторонней) смысловой взаимосвязанности компонентов. Так, в фра-

[7] См. подр.: *Чернов М. Ф.* К определению фразеологизма (на материале чувашского языка).— Советская тюркология. Баку, 1983, № 4, с. 62—73.

зеологизме *пурнăçа кĕр* «претвориться в жизнь» (букв. войти в жизнь) глагол *кĕр* («войти») семантически зависит от первого слова — существительного *пурнăç* «реальная действительность, жизнь»: он лишь совместно со словом *пурнăç* в форме дательного пад. ед. ч. выражает значение «претвориться в жизнь».

Аналогичную смысловую зависимость испытывает глагол *пут* при реализации им значения «целиком отдаться какому-либо чувству, занятию и т. п.» Оно проявляется в строго определенном лексическом окружении: *(пуçĕпех) ĕçе пут* «(с головой) уйти в работу», *ĕçке пут* «запьянствовать, предаться пьянству», *хуйха пут* «впасть в горе», *шухăша пут* «погрузиться в раздумье, в размышление», *ыйха пут* «погрузиться в сон»; невозможны сочетания *ĕмĕте пут* («погрузиться в мечту»), *кичеме пут* («погрузиться в тоску»).

В приведенных фразеологизмах наблюдается односторонняя семантическая зависимость компонентов. Она обусловлена синсемантичностью этих компонентов, т. е. отсутствием у них самостоятельного лексического значения. Способность обозначать (или называть) внеязыковые объекты и выражать значения, соотносимые с ними, связанные компоненты приобретают только при совместном употреблении с другими, так называемыми семантически опорными словами, круг которых жестко регламентирован нормой.

В языке часто наблюдаются еще такие фразеологизмы, которые характеризуются сквозной смысловой связанностью всех составляющих компонентов. Так, во фразеологической единице *çăкăр çĕрт* «жить напрасно, не принося пользы» (букв. хлеб гноить; русск. соотв. даром хлеб есть) все слова нерасторжимо связаны между собой, ибо здесь ни один из компонентов в отдельности не обладает тем значением, какое свойственно ему вне данного соединения слов, лишь словесный комплекс *çăкăр çĕрт* в целом обозначает «кусочек» действительности, с которым связано значение рассматриваемого фразеологизма. Характерной особенностью значения фразеологизма *çăкăр çĕрт* является целостная направленность на факт обозначаемой действительности.

У анализируемого сочетания *çăкăр çĕрт* «даром хлеб есть» и ему подобных признак раздельнооформленности отходит на задний план, на первое место выдвигает-

ся цельность выражаемого им смысла, соотнесенного с одним фактом действительности. «Хотя в строении фразеологических единиц,— пишет О. С. Ахманова,— и обнаруживается их составной характер, иными словами, хотя они и являются обычно мотивированными — основным критерием для отграничения их от словосочетаний в собственном или общем смысле этого термина является именно характер их соотнесения с действительностью. Можно сказать, что во фразеологической единице «цельность номинации» довлеет над структурной раздельностью: выделение признаков, характеризующих обозначаемый предмет, оказывается подчиненным его целостному обозначению»[8].

Таким образом, вследствие внутренней семантической спаянности компонентов фразеологизмов в одних случаях возникает определенное лексическое значение одного из этих компонентов, в других случаях — значение, присущее всему словесному комплексу в целом. Иначе говоря, результатом смысловой связанности компонентов в пределах соединений слов являются семантически связанные, или несвободные, сочетания двух типов: 1) несвободные сочетания слов, образуемые реализацией фразеологически связанного значения компонентов, и 2) несвободные сочетания слов, образованные реализацией такого значения, которое свойственно всему словесному соединению в целом.

Семантическая спаянность компонентов фразеологизмов предопределяет еще одну важную их особенность— устойчивое соотношение значения и средств его выражения, т. е. стабильность семантики, лексического состава и грамматического оформления. С константностью семантики и лексико-грамматической организации фразеологизмов связана другая их черта — воспроизводимость в речи. Фразеологические единицы существуют в языке как заранее сложившиеся комбинации слов, в ходе речевой деятельности они «извлекаются из памяти» в готовом виде.

Таким образом, фразеологизмы в ряду значимых структурных единиц языка выделяются целым комплексом дифференциальных признаков; они суть: 1) раздельнооформленность (состоят из двух или более словесных

[8] *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, с. 169.

компонентов), 2) семантическая спаянность компонентов (семантически несвободные сочетания слов), 3) устойчивость семантики и лексико-грамматических средств ее выражения и 4) воспроизводимость в речи.

Учитывая эти признаки, свойственные фразеологизму, можно дать ему следующую дефиницию: фразеологизм — это семантически несвободное сочетание слов, воспроизводимое в речи как готовая единица языка, характеризующаяся устойчивым соотношением значения и определенного лексико-грамматического состава.

3. Типы связанности слов

3.1. Способы вторичной номинации. Функции слов, связанные с опосредованным отображением внеязыковой действительности

В. В. Виноградов в качестве одного из важных направлений исследования проблем фразеологии выделил «путь изучения структуры разных видов значений слова с целью выделения таких категорий словесных значений, которые лежат в основе различных процессов фразообразования...»[9]. За последние годы четко определилась тенденция изучения фразеологии именно в аспекте намеченного В. В. Виноградовым пути. Так, заслуживают внимания труды В. Н. Телия, в которых фразеологический состав русского языка изучается с учетом фразообразующих свойств слова. Она внесла значительный вклад в развитие фразеологической теории В. В. Виноградова, органически соединив его учение о фразеологической связанности с теорией номинации[10].

Общеизвестно, что основной функцией слова является номинативная функция. Она у слов с точки зрения характера их соотнесенности с действительностью реализуется неодинаково. Большей частью слова непосредственно указывают на обозначаемые факты реального мира. В этом случае названная их функция автономная. Слова-названия, прямо связанные с «предмет-

---

[9] *Виноградов В. В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины, с. 119.

[10] *Телия В. Н.* Фразеология.— В кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 470—509; *она же.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981; *она* же. Вторичная номинация и ее виды.— В кн.: Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.

ным рядом», имеют свободное значение. Слова с автономной номинативной функцией — это первообразные, или первичные, номинации.

В любом языке протекает постоянный процесс пополнения номинативных средств. Он обычно происходит путем семантического переосмысления уже имеющихся в языке слов и образования у них новых значений. Так возникают вторичные номинации фактов реального мира. В зависимости от того, обладают или не обладают вторичные названия самостоятельной номинативной функцией, в сфере вторичной лексической номинации выделяются два противопоставленных способа обозначения фактов действительности.

Первый способ вторичной номинации состоит в том, что определенное слово, традиционно называющее один предмет (явление, процесс, свойство), используется для обозначения другого предмета (явления и т. п.), связанного с первым в том или ином отношении по смыслу (ср.: *вут* «пожар» — *вут* «пламя, огонь»). Первообразное слово, будучи использованным для выражения другого смысла, связанного с новым «кусочком» действительности, приобретает новое значение. И такое слово как носитель вторичного значения соотносится с внеязыковым «предметным рядом» самостоятельно, без посредства других слов, иначе говоря, слово с переосмысленным значением обладает самостоятельной номинативной функцией. Новые значения слов, созданные или создаваемые путем преобразования семантики первообразных слов, принято называть номинативно-производными.

Второй способ вторичной номинации заключается в том, что слово, обозначающее какой-либо предмет (явление, процесс, свойство), называет другой предмет (явление и т. п.) лишь при посредстве другого слова (или ряда других слов). При этом способе номинации возникновение нового смысла на основе переосмысления значения того или иного слова происходит под непосредственным воздействием так называемых семантически опорных, или ключевых, слов. Поэтому образовавшееся новое значение с фактами внеязыковой действительности соотносится не автономно, а косвенно. Слова, выражающие подобное значение, не обладают автономной номинативной функцией, значения, ими реализуемые, носят связанный характер.

Явление несвободы сочетаемости, точнее, образование несвободных сочетаний слов, или фразеологизмов, связано прежде всего с теми функциями слов, которые сопряжены с опосредованным отображением внеязыковой действительности.

В чувашском языке, как и в других языках, наблюдаются следующие основные функции слов, связанные с косвенным отображением реальной действительности[11]: 1) функция контекстуально обусловленной номинации (слово приобретает способность обозначать факт действительности в сочетании с одним определенным словом или рядом определенных слов, например, *хура çĕр* «глубокая, поздняя ночь» (букв. черная ночь), *нӳрĕ çын* «вялый человек» (букв. влажный человек), *шултра çын* «не в меру развязный в речах человек» (букв. крупный человек), *йыта вилĕмĕ* «собачья смерть», *сар (ылтăн) кĕркунне* «золотая осень»); 2) строевая функция (слово выполняет функцию, аналогичную функции словообразовательных морфем, например, *ас тыт* «надумать»; «решиться», *хĕне кай* «впасть в продолжительную (хроническую) болезнь», *(халхана) тăм илтер* «обморозить (уши)», *вай ил* «окрепнуть, набраться сил», *хапăл ту* «приветствовать», «проявлять гостеприимство», *упа катки* «крупный муравей» (букв. медвежий муравей), *сивĕ çу* «топленое масло» (букв. холодное масло), *симĕс эрех* «водка» (букв. зеленое вино), *хĕрлĕ кашман* «свекла»; 3) функция совместной номинации (с фактом действительности соотносится сочетание слов в целостном виде, иными словами, сочетание слов всем своим составом направлено на один «кусочек» реального мира, например, *тăм çамка* «глупый, глупец» (букв. глиняный лоб), *йыта хăвала* «собак гонять», *пуçтарса хур* «убить, прикончить кого-либо» (букв. собирая положить), *хуп турттар* «крепко спать» (букв. лубок возить).

Нередко одно и то же слово может приобретать различную функциональную значимость в зависимости от характера семантики сочетания слов, в составе которого оно употребляется. Так, к примеру, лексема *хура* «черный» в сочетании *куç хури* «зрачок» выполняет функцию контекстуально обусловленной номинации, в соединении же слов *хура кăрăç* «черный груздь» реали-

[11] *Телия В. Н.* Фразеология, с. 487.

зует строевую функцию, образуя составное наименование, в этой же функции выступает *хура* «черный» в словесных соединениях *хура кăмпа* «чернушка» (букв. черный гриб), *хура çăкăр* «черный хлеб», *хура çĕлен* «гадюка» (букв. черная змея); в таких же сочетаниях слов, как *хура хырăм* «подуст» (букв. черный живот), *хура ылтăн* «нефть» (букв. черное золото), *хура кара* «темная вода» (болезнь глаза) компонент *хура* выступает в качестве составной части словесных соединений, характеризующихся слитным значением.

Названные функции слов, обусловленные опосредственной связью с внеязыковой действительностью, вызывают определенные сдвиги в семантике слов и порождают тот или иной тип их связанности. В соответствии с выделенными функциями косвенной номинации и определяются типы связанности слов.

3.2. Связанность слов, вызванная функцией контекстуально обусловленной номинации

Результатом названного типа связанности слов являются две разновидности несвободных сочетаний слов: 1) несвободные сочетания, в составе которых связанные значения слов сохраняют семантическую связь с другими несвязанными (свободными) значениями данных слов, и 2) несвободные сочетания, в которых связанные значения выступают как омонимичные по отношению к другому (или к другим) значению (значениям) слов.

Выделенные разновидности несвободных сочетаний слов объединяет один общий признак — зависимость семантики одного из компонентов от узуально закрепленного лексического окружения, иначе говоря, контекстуальная обусловленность значения одного из двух слов. Однако между названными группами несвободных словесных соединений имеются и различия.

Несвободные сочетания, образуемые реализацией связанного значения многозначного слова. Значения слов, проявляющиеся в сочетании со строго определенными словами, т. е. «в узкой сфере семантических отношений»[12], принято называть фразеологически связанны-

---

[12] *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова, с. 186.

ми. Данный тип значения слов охватывает прежде всего связанные значения многозначных слов. «Вокруг многозначного слова,— пишет В. В. Виноградов,— группируется несколько фразеологических серий. Большая часть значений слов фразеологически связана. Иметь разные значения для слова чаще всего значит входить в разные виды семантически ограниченных фразеологических связей. Значения и оттенки значения слова большей частью обусловлены его фразовым окружением»[13]. Связанные значения многозначных слов В. Н. Телия квалифицирует как лексически связанные деривационные значения[14]. Подобные значения, с одной стороны, противопоставляются свободным значениям многозначного слова, с другой, тем значениям слов, которые не могут быть определены как производные и реализуются лишь в фиксированном сочетании слов (*хура çакăр* «черный хлеб», *шура мунча* «баня по-белому»). Первое противопоставление показывает, что ограничение сочетаемости слова со связанным значением не зависит от характера семантики сочетающегося слова, а обусловлено узусом словоупотребления (лексически ограниченная сочетаемость, или лексическая связанность), второе противопоставление отражает то, что реализуемое в определенном лексическом окружении значение является результатом полисемии (деривационная связанность).

Известно, что смысловое содержание слова определяется его собственно знаковым значением, парадигматической значимостью и конкретным смыслом, проявляющимся в синтагматической цепи (регулярная синтагматическая значимость). Два или более значений считаются значениями одного и того же слова, если между ними существует определенная семантическая связь, несмотря на то, что данное многозначное слово обозначает различные предметы, иначе говоря, между разными значениями полисемантичного слова существует отношение производности (деривационные отношения). То, что значения многих слов связаны с различными предметами или явлениями, выражается в особенностях сочетаемости определенного слова с другими словами. Сочетаемость отдельных значений полисеман-

[13] Там же, с. 176.
[14] *Телия В. Н.* Фразеология, с. 480, 497.

тичных слов обусловливается индивидуальной семантикой слова. Так, лексико-семантический вариант «начаться», свойственный глаголу *кай* («идти»), предполагает его сочетаемость с именами существительными, обозначающими состояние погоды. Поэтому названное значение *кай* реализуется в модели его смысловой связи «существительное в дательном пад.— глагол *кай»: (çанталăк) йĕпене кайрĕ* «начались дожди» (букв. погода пошла в дожди), *йĕпе-сапана кайрĕ* «началась непогода» (букв. пошла в непогоду), *сивве кайрĕ* «начались холода», *çумăра кайрĕ* «начались дожди», *уяра кайрĕ* «начались солнечные (ясные) дни», *шăрăха кайрĕ* «началась засуха». Эти сочетания слов в отличие, скажем, от соединений типа *вăрмана кай* «пойти в лес», *хулана кай* «пойти в город» являются семантически ограниченными, ибо глагольный компонент *кай* в данном конкретном значении вступает в смысловую связь со словами лишь определенного семантического разряда, а именно с именами существительными, характеризующими состояние погоды. Сочетания типа *вăрмана кай* «пойти в лес», с одной стороны, и типа *йĕпене кай,* с другой, различаются между собой тем, что первые образованы реализацией значения незамкнутой, вторые— замкнутой модели смысловой связи глагола *кай.* Таким образом, сочетаемостная способность отдельных значений многозначного слова предопределяется самим смысловым содержанием слова.

Однако нередко в чувашском языке ограничения на сочетаемость того или иного значения слова накладываются не семантическим содержанием слова, а языковым узусом, в соответствии с которым смысл слова проявляется в строго определенном лексическом окружении. Такое значение называется лексически связанным. Например, прилагательное *хура* «черный» реализует лексически связанное значение «достигший высшего предела», сочетаясь со словами *кĕр (кĕркунне)* «осень», *çĕр* «ночь»: *хура кĕр (кĕркунне)* «глубокая (поздняя) осень», *хура çĕр* «глубокая (темная) ночь». Невозможны сочетания *хура каç* «черный вечер», *хура хĕл* «черная зима».

Круг слов, реализующих лексически связанное значение «дикий» (находящийся в первобытном, природном состоянии), свойственное имени существительному *кайăк* («птица») сравнительно широк, но узуально ог-

раничен, т. е. упомянутое значение имеет связанный характер. Оно наблюдается в следующих сочетаниях: *кайак кавакал* «дикая утка» (букв. птица утка), ср.: *хир кавакалĕ* «дикая утка» (букв. степная утка); *кайак хур* «дикий гусь» (букв. гусь птица); *кайак чăхă* (диал.) «цесарка», *кайак сысна* «кабан»; *кайак çын* «дикарь», ср. *кайăкла çын* «дикарь». В приведенном ряду невозможны сочетания слов: *кайак качака* «дикая коза», ср.: *хир качаки* «дикая коза», «косуля; ср. идиоматические сочетания: *кайак лаша* «осел», *кайак вакар* «зубр».

Каждое отдельное свободное значение многозначного слова, как правило, актуализируется в контексте. Семантически реализуемое слово вместе со словами указательного минимума составляет системный семантический контекст. Слово с лексически связанным значением в сочетании с семантически ключевыми словами также образует семантический контекст. Поэтому трудно определить границу между свободными значениями полисемантичного слова и лексически связанными значениями слова, так как «любое производное» номинативное значение проявляется в контексте. Так, лексико-семантический вариант глагольной лексемы *кур* «смотреть, наблюдать» относится к категории свободных значений (обладает самостоятельной номинативной функцией), характеризуется свободной сочетаемостью. Ср.: *кино кур* «смотреть кино», *спектакль кур* «смотреть спектакль», *туй кур* «смотреть свадьбу» и т. п. Что же касается значения «быть в каком-либо состоянии (по значению существительного)», присущего глаголу *кур*, то оно наблюдается лишь в фиксированных сочетаниях слов: *тăкак кур* «быть в убытке», *услам кур* «быть в барыше», *чыс кур* «быть в почете». Названное значение *кур* выступает как лексически связанное, а приведенные сочетания — как несвободные сочетания слов.

Слова с лексически связанным деривационным значением обладают свойством обозначать факты действительности, поэтому значение названного типа входит, вместе с другими лексико-семантическими вариантами, в систему значений полисемантичного слова. Однако соединения слов, в которых вычленяются лексически связанные деривационные значения слов, являются несвободными, ибо реализация номинативной функции

одного из компонентов возможна лишь в строго определенных словесных соединениях.

Несвободные сочетания, образуемые реализацией фразеологически связанного омонимического значения слова. Лексически связанное деривационное значение, как правило, сохраняет семантическую связь в каком-либо отношении с тем или иным свободным значением многозначного слова. Так, например, приведенное выше значение прилагательного *хура* «достигший высшего предела», наблюдаемое в несвободных соединениях слов *хура кĕр* «глубокая (поздняя) осень», *хура çĕр* «глубокая (темная) ночь», соотносится с номинативными (или номинативно-производными значениями) того же прилагательного *хура*, т. е. названное значение является одним из лексико-семантических вариантов полисемантичной лексемы *хура* «черный».

Теперь сопоставим значения прилагательного *çĕрĕк* «гнилой» в следующих двух сочетаниях слов: *çĕрĕк ача*—*çĕрĕк кампа*. В первом из них *çĕрĕк* реализует значение «плаксивый» (*çĕрĕк ача* «плаксивый ребенок, плакса»), во втором — значение «испорченный гниением» (*çĕрĕк кампа* «гнилой гриб»). Слово *çĕрĕк* в первом сочетании автономной номинативной функцией не обладает, выражаемое им значение «плаксивый» имеет связанный характер: проявляется лишь в сочетании со словом *çĕрĕк*. Словесное соединение *çĕрĕк ача* «плаксивый ребенок», образованное реализацией данного значения, принадлежит к числу несвободных сочетаний. Прилагательному *çĕрĕк* в сочетании *çĕрĕк кампа* «гнилой гриб» присуща самостоятельная знаковая функция, значение «гнилой», свойственное ему, свободное, семантически не ограниченное; ср.: *çĕрĕк кишĕр* «гнилая морковь», *çĕрĕк сухан* «гнилой лук», *çĕрĕк çырла* «гнилая ягода» и т. п. Сочетания слов, образуемые реализацией рассматриваемого значения, являются свободными. Таким образом, прилагательное *çĕрĕк* в устойчивом словесном комплексе *çĕрĕк ача* «плакса» реализует такое неповторимое в других случаях значение, которое омонимично значению «гнилой», выражаемому тем же прилагательным в соединениях типа *çĕрĕк кампа* «гнилой гриб».

В одних из анализируемых несвободных сочетаний связанный компонент проявляет свойственное ему значение, сочетаясь с единственно возможным словом, в других — употребляясь с узкой группой слов опреде-

ленного семантического разряда. Исходя из этого, несвободные словесные комплексы анализируемого типа разделяются на две группы: 1) несвободные сочетания, в которых компонент с фразеологически связанным значением сочетается с одним словом, и 2) несвободные сочетания, в которых компонент с фразеологически связанным значением сочетается с небольшим количеством семантически близких слов.

Первая группа несвободных сочетаний характеризуется тем, что здесь реализуется «уникальное, идиоматичное» значение слова при одном семантически опорном слове, имеющем свободное значение. Например: *уҫă лаша* «бойкая лошадь» (букв. открытая лошадь), *уҫă çыру* «открытое письмо», *çерçи апачĕ* «завтрак» (букв. воробьиная еда или воробьиный обед), *тип шар* «несчастье, происшедшее случайно; всякое несчастье» (букв. сухая беда), *шалкăм пурнăҫ* «жизнь, полная превратностей судьбы», *выҫă çил* «холодный ветер» (букв. голодный ветер), *ята çĕрт* «позорить, порочить, бесчестить», *ташша сӳ* «лихо плясать».

Вторая группа несвободных сочетаний описываемого типа образуется реализацией связанного значения одного из компонентов при узкой группе семантически ключевых слов. Например: *ташша ислет* «лихо плясать», *ыйха ислет* «долго, крепко спать»; *ташша çап (çаптар)* «вовсю плясать, плясать с азартом», *сăмах (халап) çап (çаптар)* «оживленно, увлеченно беседовать, разговаривать»; *хура пӳрт* «курная изба» (букв. черная изба), *хура мунча* «курная баня» (букв. черная баня); *шура пӳрт* «изба, топящаяся по-белому» (букв. белая изба), *шура мунча* «баня, топящаяся по-белому» (букв. белая баня).

Фразообразующим фактором и первой, и второй группы несвободных сочетаний слов рассматриваемого типа служит омонимичность (уникальность) значения одного из компонентов и проявление подобного значения при одном или нескольких семантически опорных словах.

Несвободные сочетания второй группы, на первый взгляд, сходятся с теми из них, в которых один из компонентов имеет лексически связанное деривационное значение, т. е. с несвободными сочетаниями слов, образуемыми реализацией связанного значения полисемантичного слова. В них также указательный минимум состо-

ит из нескольких, но ограниченного ряда семантически ключевых слов. Однако это сходство лишь внешнее. Во второй группе названных несвободных сочетаний, в отличие от сопоставляемых с ними несвободных соединений (1-ая разновидность описываемого типа связанности слов), фразообразующий компонент не является производным от других значений одного и того же слова.

3.3. Связанность слов, обусловленная их строевой функцией

К аналитическим конструкциям относятся сочетания слов, в которых один из компонентов выступает основным носителем семантики сочетаний, а другой—совмещает в себе семантическую и служебную функции. В отличие от аналитических структур — свободных соединений слов (например, *шатарт ту* «хрустнуть», *шампалт ту* «бултыхнуться», *служить ту* «служить», *звонить ту* «звонить» и т. п.) в аналитических конструкциях — несвободных сочетаниях, или фразеологизмах, компоненты, выполняющие строевую, или смыслообразующую, функцию, имеют связанное значение.

Фактором, определяющим образование несвободных сочетаний — аналитических структур, служит семантическая связанность значения одного из компонентов (слово реализует свое значение только при совместном употреблении с опорными, семантически ключевыми, словами) и осложненность значения слова морфологической функцией (сочетание в целом выполняет функцию определенной части речи). Поэтому данный тип связанности называется морфо-семантической связанностью[15].

Неодинакова степень грамматикализации (морфологизации) компонента, функционирующего в качестве служебного элемента. Исходя из этого, можно определить две группы сочетаний слов рассматриваемого типа: 1) сочетания слов, в которых служебный компонент десемантизирован и выступает лишь в строевой функции, и 2) сочетания слов, в которых служебный компонент одновременно выступает в строевой функции и сохраняет свойственное ему лексическое значение.

К первой группе относятся главным образом анали-

[15] *Телия В. Н.* Фразеология, с. 505.

тические структуры, представляющие собой глагольно-именные сочетания, где глагольный компонент выполняет функцию, аналогичную функции словообразовательных морфем. Например: *хĕне кай* «впасть в продолжительную (хроническую) болезнь», *вăрăма (вăраха, нумая) кай* «затянуться (о деле)», *ăс тыт* 1) «надумать» 2) «решиться», *уса пар* «дать (принести) пользу», *юп ту* 1) «одобрять; хорошо относиться к кому-либо» 2) «сочувствовать кому-либо», *доклад ту* «делать доклад, выступать с докладом» и др.

В рассматриваемой группе несвободных аналитических конструкций слово в связанном значении, по существу, совмещает в себе строевую функцию и функцию контекстуально обусловленной номинации, разумеется, при определяющей роли первой. Это значит, что обусловленность значений слов со строевой функцией вызвана не только их морфологическим назначением (в данной функции значения слов могут быть и свободными), но и семантической связанностью, свойственной словам с функцией контекстуально обусловленной номинации (лексически связанное деривационное значение).

Ко второй группе анализируемых несвободных сочетаний принадлежат следующие: *ăвăс кăмпи* «подосиновик, осиновик» (букв. осиновый гриб), *сар кăмпа* «лисичка» (букв. желтый гриб), *сыр (сăвăр) кăмпи* «дождевик» (букв. сурочий гриб), *çерем кăмпи* «шампиньон» (букв. луговой гриб), *хура çăкăр* «черный хлеб», *шура (шур) çăкăр* «белый хлеб», *хĕрлĕ хурлăхан* «красная смородина», *хура хурлăхан* «черная смородина», *йĕплĕ хурлăхан* «крыжовник» (букв. иглистая смородина); *асав хăяр* «семенной огурец» (букв. клык огурец), *путене чечекĕ* «челкушки» (букв. перепелиный цветок), *курăк пулă* «свежая рыба» (букв. трава рыба).

Все приведенные сочетания слов являются составными наименованиями. Они образованы реализацией связанного значения, свойственного их первым компонентам, которые здесь выступают как словообразовательные морфемы, создающие на основе слова, означающего родовое понятие, наименования со значением видового понятия. Ср. еще примеры: *такмак чечек* «короставник полевой» (букв. торба цветок ее), *сар чечек* «лютик, одуванчик» (букв. желтый цветок) — *чечек* «цветок»; *кусар пулă* «чехонь» (букв. косарь рыба), *çĕ-*

лен пулă «угорь» (букв. змея рыба), *çирĕк пулли* «пеструшка» (букв. ольховая рыба) — *пулă* «рыба»; *Ала çăлтăр* «Плеяды» (букв. решето звезда), *Алтăр çăлтăр* «Большая Медведица» (букв. ковш звезда), *Кĕвенте çăлтăр* «Орион» (букв. коромысло звезда), *Çурçĕр çăлтăрĕ* «Полярная звезда», *Шурăмпуç çăлтăрĕ* «Венера» (букв. рассвет звезда) — *çăлтăр* «звезда».

Семантические отношения между компонентами рассматриваемых сочетаний слов аналогичны смысловым связям, которые существуют между компонентами составных наименований — свободных сочетаний слов: и в тех, и в других первые компоненты определяют вторые (определяемые), создавая родо-видовые отношения. Ср.: *хура çăкăр* «черный хлеб», *шура çăкăр* «белый хлеб» — *ыраш çăкăри* «ржаной хлеб», *тула çăкăри* «пшеничный хлеб»; *хĕрлĕ эрех* «красное вино», *шурă эрех* 1) «белое вино» 2) «водка» — *çырла эрехĕ* «вино, изготовленное из ягод», *иçĕм эрехĕ* «виноградное вино», *вишни эрехĕ* (диал.) «вишневое вино».

Однако составные наименования — несвободные сочетания отграничиваются от составных названий — словосочетаний своей грамматической структурой. Основное отличие между ними состоит в том, что в первых компоненты, будучи в связанном значении (морфо-семантическая связанность), не обладают самостоятельным лексическим значением, и потому между ними отсутствует отношение грамматической зависимости, во вторых каждый компонент в отдельности имеет самостоятельное лексическое значение, что и обусловливает наличие в их структуре отношения грамматического подчинения одного компонента другому. По этой причине составные наименования, являющиеся несвободными сочетаниями слов, в целостном виде функционируют в роли того или иного члена предложения, а в составных терминах — словосочетаниях каждое слово в отдельности выступает в качестве члена предложения.

Составной частью описываемой группы несвободных сочетаний являются глагольно-именные перифразы, которые, как правило, синонимичны по смысловому содержанию с простыми глаголами. В этих глагольных соединениях, в отличие от глагольно-именных сочетаний первой группы, глагол не только придает именному компоненту категориальное свойство процессуальности, но и содержит различную семантическую инфор-

мацию, обычно стилистически окрашенную и наделенную экспрессивно-эмоциональными свойствами. Ср.: *чухана ер* «впасть в бедность, обеднеть, обнищать; разориться» — чуханлан «обеднеть, обнищать, стать бедным», *мая кай* «поправиться, стать лучше, пойти к улучшению; пойти в ход» — *майлаш* «наладиться, устроиться, улучшиться», *машкал ту* «опозорить, срамить, осмеять кого-либо» — *машкалла* 1) «издеваться, глумиться, измываться» 2) «порочить, позорить».

В анализируемой второй группе несвободных аналитических конструкций слово в связанном значении также в одно и то же время выполняет строевую и контекстуально обусловленную функции номинации. Первая функция является основной, вторая — сопутствующей. Связанность значений слов рассматриваемого типа предопределяется одновременно свойственными им названными двумя функциями.

Таким образом, в функции, аналогичной функции словообразовательных морфем, могут выступать и лексические единицы, которые, сочетаясь с одним и тем же словом, составляющим семантическое ядро сочетания, образуют целые серии устойчивых словесных комплексов, напоминающих словообразовательную парадигму. Эти лексические единицы в одних случаях, утрачивая свое вещественное значение, превращаются в сугубо строевые элементы типа словообразовательных аффиксов, в других случаях, сохраняя свойственное им специфическое значение, приобретают строевую функцию. И в том, и в другом случае важной их особенностью является то, что выражаемые ими значения сочетаются не со всеми значениями и их словесными обозначениями, а лишь с узуально фиксированными, по этой причине реализация значений слов данного типа возможна лишь в строго определенных сочетаниях.

3.4. Связанность слов, обусловленная функцией совместной номинации

К данному типу связанности относятся несвободные сочетания слов, которые называются идиоматическими*. Например: *икĕ вут хушшине тăрса юл* «остаться меж-

---

* Термины «идиома», «идиоматическое сочетение» и «идиома-фразеологизм» нами употребляются как синонимы.

ду двух огней», *тĕк май шăл* «гладить по шерсти кого-либо», *кукăр ала* «вор» (букв. кривая рука), *йĕпе сăмса* «молокосос» (букв. мокрый нос), *куршанкă çыпăçнă* «приобщился к труду» (букв. репейник пристал), *турти кĕске* «вспыльчив, раздражителен» (букв. у него оглобли коротки), *алли кĕçтет* «руки чешутся у кого-либо», *(маншăн пулсан) ик айкки те тăвайкки* «по мне все равно, моя хата с краю» (букв. обе стороны горы).

В идиоматических сочетаниях ни один из компонентов в отдельности не имеет того значения, какое свойственно ему вне данного сочетания, лишь словесный комплекс в целом обозначает «кусочек» действительности и выражает значение, связанное с ним. Так, в идиоме *карланкана хупла* «заткнуть глотку» образующие ее компоненты десемантизированы (лишены свойственных им значений), в качестве знака, обозначающего факт внеязыковой действительности, выступает все сочетание в целом. Значение названного идиоматического сочетания в целостном виде направлено на обозначаемую действительность, что и обусловливает нерасторжимую взаимосвязанность его компонентов. Следовательно, приведенное сочетание *карланкана хупла* обладает слитным значением, т. е. таким значением, которое не определяется значениями его составных частей, по этой причине невозможно его членить на значения составляющих идиому частей.

В идиомах-фразеологизмах компоненты лишены функциональной значимости, они лишь формально равнозначны словам. Поэтому образующие их слова-компоненты не могут выступать как отдельные значимые элементы лексико-семантической системы языка, только их совместное употребление позволяет идиомам реализовать определенную знаковую (номинативную) функцию. Слитность значения идиоматических сочетаний, вызванная утратой компонентами присущих им значений, является фразообразующим фактором для несвободных сочетаний слов рассматриваемого типа.

Таким образом, идиоматические сочетания по своей функции называть предметы, явления внеязыковой действительности сближаются со словами, но отличаются от них своим оформлением. Идиомы-фразеологизмы — раздельнооформленные единицы языка.

Рассмотрев типы связанности слов, следует особо отметить, что их классификация в известной степени

носит условный, схематичный характер. Это проявляется в том, что выделенные типы не всегда наблюдаются в чистом виде. Нередко они взаимопроникают и взаимопереходят. Так, например, связанность значений слов, предопределенная их строевой функцией, тесно переплетается с первым типом связанности слов, ибо строевая функция слова в чувашском языке нередко совмещается с контекстуально обусловленной функцией номинации. Поэтому при определении характера несвободной сочетаемости значений слов, кроме их функционального своеобразия, должны приниматься во внимание и другие факторы, как-то: средства и способы реализации словом той или иной функции, связанной с косвенным обозначением объективной действительности, характер контекста, способность или неспособность словесного компонента выступать в качестве значимого структурного элемента языка.

* * *

Богат и разнообразен фразеологический состав чувашского языка. Значительное место в нем занимают прежде всего фразеологизмы, созданные реализацией связанных значений слов. Среди них выделяется многочисленный слой фразеологических единиц, в которых компонент в связанном значении выполняет роль строевого элемента языка. В современном чувашском языке широко представлены идиомы как уникальные, своеобразные средства номинации «кусочков» действительности.

Все виды несвободных сочетаний, или фразеологизмов, объединяет один общий важный признак — стабильность, или константность, лексического состава. Она проявляется в ограничениях синтагматических свойств сочетающихся компонентов. В одних фразеологизмах испытывает ограничение в сочетаемости один из компонентов, в других — все компоненты. Так, в идиомах сочетаемостные возможности всех их образующих членов предельно ограничены.

Связанность компонентов фразеологизмов, как было показано выше, обусловлена различными структурными проявлениями слов как единиц языка, вызванными их функциями косвенной, или непрямой, номинации. Эти функции приводят к семантическим видоизменениям, которые претерпевают означаемые слов.

При определении фразеологического состава чувашского языка можно было заметить, что с точки зрения семантической спаянности компонентов фразеологических единиц, т. е. соотношения их общего значения с семантикой составляющих, четко выделяются два их структурно-семантических типа. К первому типу относятся словесные соединения, состоящие из слов как со свободным, так и со связанным значением. Такие устойчивые словесные комплексы называются фразеологическими сочетаниями (подр. о них во второй главе).

Фразеологические сочетания в чувашском языке представляют собой самый распространенный структурно-семантический тип фразеологизмов. Они образуются реализацией значений слов, которые возможны лишь в строго определенных контекстах. Подобные значения слов называются несвободными, или фразеологически связанными. Фразеологические сочетания отличаются аналитическим значением.

Ко второму типу фразеологизмов принадлежат сочетания, характеризующиеся идиоматичностью, т. е. невыводимостью значения целого из значений составляющих частей. Устойчивые словесные соединения данного вида называются идиоматическими сочетаниями, или идиомами-фразеологизмами (подр. о них в третьей главе). Идиомам, в отличие от фразеологических сочетаний, свойственно синтетическое, или неразложимое, значение.

Фразеологизмы принадлежат к тем языковым средствам, с помощью которых восполняется «словная недостаточность» в номинативном инвентаре языка.

В процессе общественно-производственной деятельности человека постоянно возникает потребность в новых средствах номинации, необходимость конкретизировать, характеризовать предметы и лица, выражая свое отношение к ним. Язык в таких случаях не прибегает к созданию новых знаков для обозначения фактов действительности, а, как правило, пользуется своими внутренними ресурсами. «Ни один язык,— отмечает В. В. Виноградов,— не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или другим рубрикам

основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей»[16]. На основе возможностей, заложенных в самой языковой системе, создаются различные комбинации лексических единиц в соответствии с существующими и действующими в языке закономерностями их интеграции, образуя свободные соединения слов как расчлененные номинации, или придается новый смысл уже имеющимся в языке словам и словесным комплексам, образуя несвободные сочетания слов, которые выступают в качестве единиц номинации аналитического типа (фразеологические сочетания) или синтетического характера (идиоматические сочетания).

Фразеологизмы, хотя представляют собой факты «нарушения» системной организации языка, входят в него как особая фразеологическая система, как элементы, принятые нормой, установившейся в языке.

ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

[16] *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е, М., 1972, с. 18.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ

1. К истории изучения фразеологических сочетаний

В чувашском языке, как и в других языках, между сочетаниями слов, образуемыми реализацией свободных значений слов, и идиомами — сочетаниями слов с полностью переосмысленным значением существует значительное количество соединений слов промежуточного характера. Ш. Балли писал: «...Словосочетания могут представлять различную степень спаянности в пределах между двумя крайними случаями (свободными словесными соединениями и идиоматическими сочетаниями.— М. Ч.), а именно: 1) когда сочетание распадается немедленно после того, как оно было создано, и составляющие его слова вновь обретают полную свободу вступать в другие комбинации; 2) когда слова, в силу того что они постоянно употребляются в этом сочетании для передачи одной и той же мысли, полностью теряют свою независимость, оказываются неразрывно связанными между собой и имеют смысл только в данном сочетании. Ясно, что между этими двумя крайними случаями можно обнаружить массу переходных случаев, неподдающихся точной классификации»[1].

В сочетаниях слов так называемого «переходного типа» в отличие от свободных соединений строго ограничивается свобода выбора компонентов, поэтому, вполне закономерно, они называются несвободными сочетаниями слов. Ср.: *вăйран тайăл* «лишиться силы», *ăсран (тăн-пуçран) тайăл* «выжить из ума», *куçран тайăл* «ослабеть зрением», *ураран тайăл* «потерять силу в ногах», но **сăнран тайăл, *тĕсрен тайăл, *халран тайăл, *алăран тайăл, *ăнран тайăл; хĕл ларчĕ* «зима наступила»

[1] *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961, с. 89.

(букв. зима села), *кĕр ларчĕ* «осень наступила» (букв. осень села); *çу килчĕ* «лето наступило», но **çу ларчĕ, *çур (çуркунне) ларчĕ; хура ташман* «злой враг» (букв. черный враг), но **хура фашист, *хура пусмăрçă, *хура оккупант; хура çĕр* «глухая ночь», *хура кĕр* «поздняя осень», но **хура хĕл, *хура çуркунне.*

Несвободный характер сочетаний слов рассматриваемого типа обусловлен тем, что один из компонентов, указывая на какой-либо признак значения, выраженного другим компонентом, приобретает новое, переносное значение, реализуемое в строго определенном лексическом окружении: в сочетании с одним определенным словом или рядом определенных слов. Значения такого типа В. В. Виноградов квалифицирует как фразеологически связанные, или несвободные, учитывая, что они «замкнуты в строго определенные фразеологические контексты и используются для обмена мыслями в соответствии с исторически установившимися фразеологическими условиями их употребления»[2]. Сочетания же слов, образуемые реализацией несвободных значений слов, ученый назвал фразеологическими сочетаниями[3]. Явление языка, обозначенное термином **фразеологически связанное значение,** в языкознании общепризнанно[4]. Однако в интерпретации понятия «фразеологически связанное значение» среди лингвистов нет единого мнения. Н. Н. Амосова фразеологически связанным называет значение семантически реализуемого слова, зависящее от постоянного, т. е. единственно возможного указательного минимума[5]. Как видно, исследователь английской фразеологии не допускает переменности состава указательных слов, считая, что различие

---

* Здесь и далее знак астериск* указывает, что эти конструкции не допускаются системой языка.

[2] *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова, с. 175.

[3] *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, с. 159.

[4] *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка. М., 1969, с. 82—84; *Амосова Н. Н.* Основы фразеологии английского языка. Изд-во Ленингр. ун-та, 1963, с. 58—72; *Гвоздарев* Ю. А. Фразеологические сочетания современного русского языка. Изд-во Ростовск. ун-та, 1973; *он же.* Основы русского фразообразования. Изд-во Ростовск. ун-та, 1977; *Телия В. Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова.

[5] *Амосова Н. Н.* Указ. раб., с. 59.

между переменным и единственно возможным указательным минимумом отнюдь не только количественное[6]. По ее мнению, зависимость значения семантически реализуемого слова (компонента с фразеологически связанным значением) от единственно возможного опорного слова связана с особой, максимально тесной связью между элементами контекста[7]. Имея в виду, что существует качественное различие между двумя типами контекстов (переменного и постоянного), Н. Н. Амосова единицу постоянного контекста, в котором значение семантически реализуемого слова является фразеологически связанным, называет фраземой, этим она подчеркивает, что названная единица существенно отличается от тех соединений, которые В. В. Виноградов выделил как фразеологические сочетания.

Б. А. Ларин фразеологические сочетания не включил в состав фразеологии. Тем не менее он пишет: «Если мы имеем лишь два-три варианта сочетаний с каким-нибудь словом, надо относить их к фразеологии, так как в таких случаях обычно нет четкой членимости, нет полной ясности значения слова. Несвободные словосочетания, в разной степени слитные по значению, относятся к ведению фразеологии»[8].

Ю. А. Гвоздарев, справедливо указывая на сложность разграничения сочетаний типа *дать совет* и «подлинно ФС», отмечает: «Здесь особое значение приобретает установление «порога» узкой сочетаемости. Как показывают наблюдения, для глаголов с фразеологически связанными значениями в большинстве случаев сочетаемость ограничена пятью словами, лишь в редких случаях такая сочетаемость достигает шести-семи слов. Более характерной оказывается сочетаемость с двумя-тремя словами. Таким образом, можно считать «порогом» узкой сочетаемости пять-семь переменных, с которыми может выступать глагол с фразеологически связанным значением»[9].

---

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] *Ларин Б. А.* Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов).— В кн.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977, с. 128.

[9] *Гвоздарев Ю. А.* Фразеологические сочетания современного русского языка, с. 59.

С нашей точки зрения, при определении сущности фразеологически связанного значения слова количественная сторона определяющей роли не играет. Здесь главным должно считаться не то, какое количество указательных слов может быть при одном семантически реализуемом слове, а своеобразие его семантики, именно то, что оно (слово) в том или ином значении не обладает знаковой, номинативной, функцией, она приобретается в сочетании с определенным, строго избирательным кругом слов. Справедливо замечание А. Г. Балакая, когда он указывает, что «количественный критерий не может считаться решающим»[10]. «Едва ли правомерно было бы утверждать,— пишет он,— что сочетания фразеологически связанных слов с 7 переменными— суть ФС, а сочетания с 8—10 компонентами из широкого круга логически допустимых сочетаний уже не ФС — это противоречило бы основному критерию фразеологически связанного значения — ограниченной сочетаемости с другими словами, обусловленной не предметно-логическими ограничениями, а исторически сложившимися условиями их употребления»[11].

Известно, что в любом языке, в том числе и в чувашском, наряду с тенденцией ограничения сочетаемости слов по мере приобретения ими новых, переносных, значений, существует другая закономерность — расширение границ сочетаемости слов в связи с утратой у них реально-вещественного содержания[12]. В языковых системах существует большое количество глаголов с широким семантическим объемом, подвергающихся в процессе расширения возможностей сочетаемости в той или иной степени десемантизации. Такие глаголы по своей функции приближаются, с одной стороны, к функции словообразовательных морфем (строевая функция), с другой, к функции вспомогательных глаголов. Однако, по сравнению с последними, данные глаголы соединяются с именными словами определенного семантическо-

---

[10] *Балакай А. Г.* Заметки о серийных фразеологических сочетаниях с компонентом *дать* в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».— В сб.: Проблемы языка и стиля. Л. Н. Толстой. Тула, 1977, с. 75.

[11] Там же.

[12] *Ожегов С. И.* О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка).— См.: Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974, с. 204.

го класса, причем не со всеми из них, а только с узуально фиксированными. Так, например, глагол *ер* («связаться с кем-либо, пристать к кому-либо») в значении «стать кем-либо или каким-либо (в соответствии со смыслом имени существительного)» сочетается с строго определенным кругом слов: *ухмаха ер* «сойти с ума, стать сумасшедшим», *çула (чухăна, юра, юрлаха, юхха) ер* «обеднеть, обнищать, впасть в бедность, в нищету; разориться».

Таким образом, фразеологически связанное значение определяется не количеством слов указательного минимума, а тем, что реализация данного типа лексического значения происходит в строго определенных фразеологических контекстах, их количество может быть одно, два, три и более, но оно всегда ограничено языковым узусом.

В новейших исследованиях, посвященных фразеологии, нашло дальнейшее развитие понятие «фразеологическая связанность». Как известно, В. В. Виноградов фразеологически связанное значение определил на основе несвободной сочетаемости слов. В. Н. Телия выводит названное понятие, исходя из этого же признака. В основе ее определения несвободной сочетаемости главное место отводится фактору узуальности, ограничивающей синтагматические свойства слова. В. Н. Телия под несвободной сочетаемостью понимает «способность слов синтаксически связываться с узуально ограниченным списком слов, независимо от их семантической совместимости»[13]. В ее интерпретации понятие «фразеологическая связанность» распространяется на весь фразеологический состав языка, иными словами, не только на фразеологические сочетания, но и на идиомы-фразеологизмы. По нашему мнению, такой подход позволил ей осуществить удачную классификацию фразеологического материала русского языка[14].

Ю. А. Гвоздарев, исследуя процессы фразообразования в русском языке, также проводит мысль, что понятие «фразеологически связанное значение» имеет отношение ко всей фразеологической системе языка. Применительно к семантически неразложимым фразеологическим единицам исследователь языка употребляет

[13] *Телия В. Н.* Фразеология, с. 486.
[14] Там же, с. 489—513.

термин скрытое фразеологически связанное значение[15].

Таким образом, в процессе развития фразеологической теории, более глубокого проникновения в сущность предмета фразеологии уточняются понятия «фразеологическая связанность», «фразеологически связанное значение».

2. Основные признаки фразеологических сочетаний. Определение фразеологического сочетания.

К числу признаков, определяющих сущность фразеологических сочетаний, прежде всего относится семантическая зависимость одного компонента от другого, т. е. односторонняя смысловая зависимость компонентов. В соединениях слов этого типа зависимым, как правило, является слово, имеющее фразеологически связанное значение. Ввиду того, что любое фразеологическое сочетание составляет семантический контекст, компонент в связанном значении в нем выступает как семантически реализуемое слово, а компонент в свободном значении—как семантически ключевое, или опорное, слово. Своеобразие фразеологически связанного значения состоит в том, что оно предопределяется узуально фиксированным лексическим окружением. Это обусловливет важный признак фразеологических сочетаний—устойчивость их семантики и определенного лексико-грамматического состава. Следствием устойчивости рассматриваемых соединений слов является воспроизводимость их в речи.

Специфика слова с фразеологически связанным значением состоит еще в том, что оно вне контекста, в пределах которого реализует свое значение (или значения), не обладает свойством обозначать факты действительности, т. е. не имеет автономной знаковой функции, приобретает ее лишь при посредстве семантически опорных слов. Причем знаковая функция слов в связанном значении проявляется неодинаково. Это зависит прежде всего от знаменательности или незнаменательности семантически ключевых слов[16]. В ряде случаев ключе-

---

[15] *Гвоздарев Ю. А.* Основы русского фразообразования, с. 22.

[16] *Телия В. Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке, с. 77—85.

вое слово обладает способностью самостоятельно, без посредства указательных слов, соотноситься с фактами действительности. Слова в связанном значении при таких компонентах приобретают свойство «полных» знаков, хотя выражаемое ими значение имеет связанный характер. Ср.: *кĕске ăс* «короткий ум; девичья память», *пуклак чĕлхе* «тупой язык», *уçă кăмăл* «щедрая душа», *вĕри чĕре* «горячее сердце», *таран шухăш* «глубокая мысль», *кăмăла çемçет* «смягчить душу», *аша выртта*р «успокоить душу».

Полновесность знаковой функции слов со связанным значением определяет некоторые их особенности. Так, качественные прилагательные в связанном значении, занимая постпозитивное положение по отношению к слову, указывающему на их семантику, имеют способность предицироваться. Ср.: *таран шухăш* «глубокая мысль» — *шухăшĕ таран* «у него мысль глубокая», *пуклак чĕлхе* «тупой язык» — *чĕлхи пуклак* «у него язык тупой», *вĕри чĕре* «горячее сердце» — *чĕри вĕри* «у него сердце горячее». Фразеологические сочетания, представляющие собой соединения «полных» знаков, с точки зрения их соотнесенности с фактами действительности можно рассматривать как расчлененные номинации.

Нередко семантически ключевые слова, характеризуясь широкой семантикой или смысловой недостаточностью, без сочетающихся с ними слов в связанных значениях не имеют знаковой функции, только вместе с последними получают функцию не полного, а частичного знака. И фразеологические сочетания с ключевыми словами в роли частичных знаков выступают как словесные обороты, каждый из компонентов которых является неполным знаком. Такие фразеологические сочетания представляют собой составные названия, связанные с одним фактом действительности. В словесных соединениях подобного типа семантически опорные слова проявляют сходство с основными морфемами, а компоненты, семантически от них зависимые, выполняют функцию, аналогичную роли словообразовательных аффиксов. Слова в связанном значении в данном случае выступают не только в качестве строевых элементов (связанность слов, обусловленная строевой функцией), но своим специфическим значением раскрывают сущность предметов, обозначенных семантически опорными словами. Так, составные названия *ху-*

ра çырла «черника» (букв. черная ягода), *кăвак çырла* «ежевика» (букв. синяя ягода) называют не ягоды вообще, а определенные виды ягод, постоянные, непреходящие признаки которых обозначены соответственно прилагательными *хура* «черный» и *кăвак* «синий». В приведенных сочетаниях семантически стержневое слово *çырла* «ягода» употребляется как компонент, указывающий на принадлежность обозначаемого к определенному роду предметов, однако оно, называя предмет, не обладает полновесной знаковой функцией, свойство знаковости приобретает лишь в сочетании с прилагательными *хура* «черный» и *кăвак* «синий». Последние, отображая тот или иной существенный признак определяемого предмета-рода, конкретизируют его содержание, и таким образом возникает понятие о видах предмета, с которыми связаны сочетания слов в целостном виде. Следовательно, в составе анализируемых сочетаний слов *хура çырла* «черника» и *кăвак çырла* (ежевика» ни одно из составляющих слов в отдельности не имеет свойства «полного» знака, а употребляется как частичный знак, поэтому в качестве номинативной единицы функционируют словесные соединения в целом. Фразеологические сочетания, представляющие собой соединения частичных знаков, по их соотнесенности с фактами действительности выступают как нерасчлененные номинации.

К фразеологическим сочетаниям, выступающим как комбинации частичных словесных знаков, принадлежат прежде всего соединения слов, в которых отражаются родо-видовые отношения между обозначаемыми предметами. Возьмем для примера еще одно сочетание слов: *хура çăкăр* «черный хлеб». Здесь семантически ключевое слово *çăкăр* «хлеб» обозначает предмет, который является одним из видов пищевых продуктов, выпекаемых из муки. В составе данного словесного соединения *çăкăр* «хлеб» не имеет функции «полного» знака, так как им обозначается не хлеб вообще безотносительно к его видам или разновидностям, а хлеб особого сорта, существенный признак которого обозначен прилагательным *хура* «черный». *Хура çăкăр* — «черный хлеб, выпекаемый из ржаной муки». В рассматриваемом составном названии *хура çăкăр* «черный хлеб», а также в однотипных с ним номинациях (например, *шурă çăкăр* «белый хлеб») компоненты выполняют функцию неполных зна-

ков, хотя каждый из них является носителем определенного значения. Исходя из этого, недостаточно говорить, на наш взгляд, только о семантической связанности компонентов в подобного рода сочетаниях слов, следует указывать и на функциональную связанность образующих их словесных элементов. Ср.: *Эпир халь кана пиҫҫе тухнă ыраш ҫăкри ҫирĕмĕр.* «Мы ели только что выпеченный ржаной хлеб». Здесь компонент *ыраш* «рожь» оформляет родо-видовое отношение *(ҫăкăр* «хлеб» — *ыраш ҫăкри* «ржаной хлеб») и указывает на сорт хлеба. Однако слово *ыраш* «рожь» имеет свободное, номинативное значение. Сочетания *ыраш ҫăкри* «ржаной хлеб», *тулă ҫăкри* «пшеничный хлеб» создаются в ходе речевой деятельности, они — свободные соединения слов. Сочетание же *хура ҫăкăр* «черный хлеб», в котором один из компонентов *(хура)* имеет связанное значение, по своей функции совпадает с функцией отдельных полнозначных слов, существует как готовая к употреблению единица языка.

Так же, как в составных названиях, связанных с предметным рядом, в виде частичных знаков функционируют компоненты многих глагольных фразеологических сочетаний. В них именные компоненты, сочетаясь с глаголами, получают значение глагольности. А глаголы значение конкретных действий приобретают при посредстве именных слов. Например: *сар ил* «взять волю», *ят ил* «прославиться», *ăшша кай* «сгореть при пожаре», *лата килтĕр* «согласовать».

Таким образом, слово в связанном значении в зависимости от полнозначности или неполнозначности семантически опорного слова может служить в функции «полных» или частичных знаков. Однако оно и в том случае, когда выступает в качестве полновесного знака, не имеет способности выполнять автономную знаковую функцию, ибо связанное значение как семантическая единица языка самостоятельно не существует, а проявляется лишь в строго определенных, узуально закрепленных, соединениях слов. Синсемантичность слов с фразеологически связанным значением объективно проявляется именно в том, что они не обладают способностью автономно отражать фрагменты объективной действительности, такая способность у них возникает при посредстве слов, имеющих самостоятельную номинативную функцию.

Фразеологически связанное значение слова — это обычно переносное значение. Причем переосмысление семантики слова нередко сопровождается утратой в определенной степени его реально-вещественного содержания. И это усиливает контекстуальную зависимость выражаемого словом смысла. Связанные значения возникают «в актах особого типа вторичной номинации — косвенной, обретая в них косвенно-производное значение»[17]. Образование такого типа значений возможно лишь при участии слов, имеющих самостоятельное лексическое значение. Так, в сочетании *типĕ аслати* «сухой гром» косвенно-производное значение (фразеологически связанное значение) прилагательного *типĕ* «сухой» образуется в результате выделения и выдвижения на первый план признака «(гром) без дождя», свойственного предмету, обозначенному ключевым словом *аслати* «гром». Ср. еще: *типĕ сивĕ»* «сухой мороз», *витĕр çил* «сквозняк». Процесс переосмысления значения слова обычно связан с актуализацией того или иного признака определяемого предмета. Слово, выражающее то или иное значение соответственно выделяемому в предмете его непреходящего признака, выступает номинацией и этого признака. Так, например, косвенно-производное значение имени *шур* «болото» в сочетании *шур çырли* «клюква» (букв. болотная ягода) возникло в результате актуализации признака «(плод кустарничка), растущего на болотах». В чувашском языке значение «клюква» выражается еще и соединением *мăк çырли* (букв. мох ягода его). В данном случае косвенно-производное значение слова *мăк* «мох» оформилось вследствие выделения признака «(плод кустарничка сем. брусничных), растущего на моховых болотах».

Из всего сказанного следует, что фразеологически связанное значение как особый тип лексических значений слов, обладая такими специфическими чертами, как синсемантичность, неавтономность знаковой функции, косвенно-производный характер, является существенным фактором, определяющим возникновение в языке устойчивых словесных комплексов, называемых фразео-

---

[17] *Телия В. Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке, с. 63.

логическими сочетаниями. Само понятие «фразеологическое сочетание» непосредственно связано с понятием «фразеологически связанное значение». Следовательно, наличие в составе фразеологических сочетаний слова в связанном значении — это важный их дифференциальный признак.

Как бы ни была значительна роль компонента с фразеологически связанным значением в структуре фразеологических сочетаний, он еще не определяет всей сущности последних. Следует иметь в виду, что связанное значение реальной семантической единицей становится лишь в контексте: в сочетании с одним определенным словом или рядом определенных слов, имеющих свободное значение. Поэтому при определении природы фразеологических сочетаний недостаточно указывать на признак связанности одного из их компонентов. Не менее важной чертой рассматриваемых словесных соединений является наличие в их составе слова со свободным, номинативным значением.

При внимательном рассмотрении смысловой структуры фразеологических сочетаний обнаруживается, что ограничение сочетаемости связанных значений нередко зависит от семантики ключевых слов, хотя фактор узуальности и в этом случае играет, по-видимому, определяющую роль. Так, например, выбор глаголов *ту* «делать» и *пар* «давать» при именах существительных *чыс* «почет, уважение» и *пулăшу* «помощь» зависит от характера семантики именных слов. Глаголы *ту* «делать» и *пар* «давать» при названных существительных выражают одно и то же значение «производить какое-либо действие». Однако существительное *чыс* «почет, уважение» предсказывает глагол *ту* (*чыс ту* «почитать, оказывать почет»), а существительное *пулăшу* «помощь»— глагол *пар* (*пулăшу пар* «оказать помощь, прийти на помощь»). Это, по-видимому, связано с тем, что значение, свойственное существительному *пулăшу* «помощь», содержит в себе добавочный оттенок «предназначенный для кого-либо». Значение же существительного *чыс* «почет, уважение» связано с обобщенным значением действия, не осложняется какими-либо дополнительными оттенками.

В чувашском языке глаголам *кĕр* («войти») и *тух* («выйти») свойственно значение «стать каким-либо (в зависимости от смысла именного слова)». И реализа-

ция этого значения также, на наш взгляд, определяется характером семантики ключевых слов. Глагол *кĕр* вычленяет лексико-семантический вариант «стать каким-либо» в сочетании с именами существительными, составляющими семантический класс «психическое, умственное и физическое состояние». К ним относятся *ăс* «ум; разум, рассудок», *ăн* «сознание, рассудок, чувство», *ăн-пуç* «сознание, разум, рассудок», *вăй* «сила», *пӳ* «возраст», *ар* «мужчина», *çул* «возраст», *çынлăх* «человеческая природа, человеческое свойство»: *ăса кĕр* «поумнеть, взяться за ум, стать умным, умнее», *ăна кĕр* «прийти в сознание, очнуться», *вăя кĕр* «окрепнуть, набраться сил, стать сильным, сильнее, стать крепким, крепче», *ăн-пуçа кĕр* «войти в разум, повзрослеть», *пĕве кĕр* «достигнуть совершеннолетия, стать совершеннолетним», *ара кĕр* «достигнуть совершеннолетия, зрелого возраста, стать совершеннолетним, стать взрослым, возмужать», *çула кĕр* «достигнуть совершеннолетия, стать совершеннолетним», *çынлăха кĕр* «стать человеком».

Глагол *тух* реализует значение «стать каким-либо, кем-либо», сочетаясь с именами существительными и прилагательными, относящимися к разным семантическим разрядам, связанным с понятием «качественное состояние». К ним, в частности, принадлежат *ар* «мужчина», *ватă* «старый», *кăлăх* «напрасный, тщетный, бесполезный», *кивĕ* «устаревший, отживший», *мухтав* «слава, известность; почет», *начар* «слабый; плохой», *панкрут* «банкрот», *çук* «бедность; бедный», *çутă* «просвещение, образование», *тӳрĕ* «оправдание», *усал* «негодяй», *хисеп* «почет, уважение», *чап* «слава», *ырă* «добрый, хороший»: ара *тух* (диал.) «стать совершеннолетним, возмужалым, взрослым, возмужать, стать более взрослым на вид, достигнуть совершеннолетия», *ватта тух* «стать старым, старее, постареть», *кăлăха тух* «стать тщетным, напрасным», *кивве тух* «устареть, стать устаревшим, отжившим», *мухтава тух* «прославиться», *начара тух* 1) «ослабеть (стать физически слабым, потерять физическую крепость); одряхлеть» 2) «стать плохим», *панкрута тух* 1) «обанкротиться, стать банкротом, потерпеть банкротство» 2) «оказаться идейно и морально несостоятельным», *çукка тух* «обеднеть», *çутта тух* «стать просвещенным, просвещаться», *тӳрре тух* «оправдаться, быть оправданным», *усала тух* «стать

негодяем», *хисепе тух* «стать почетным, уважаемым», *чапа тух* «прославиться, стать прославленным, заслужить славу», *ырра тух* 1) «стать добрым, хорошим человеком» 2) «оправдаться».

Рассмотренные примеры показывают, что синтагматические свойства слов со связанным значением нередко предопределяются не чем иным, как семантикой лексем, употребляющихся в свободном значении; круг семантически опорных слов обусловлен нормами словоупотребления, установившимися в языке, т. е. языковым узусом.

Фразеологические сочетания — это большей частью двучленные, или бинарные, языковые образования, представляющие собой органическое слияние слова в связанном значении со словом в свободном, несвязанном, значении. Неразрывная связанность двух значений — свободного и несвободного — составляет сущность фразеологического сочетания как одного из типов фразеологизмов. Лишь на основе учета этого дифференциального признака данных сочетаний представляется возможным отграничить от других их видов, в особенности в тех случаях, когда сталкиваемся с трудностями при отнесении отдельных сочетаний к тому или иному структурно-семантическому типу. Так, например, фразеологизм *кулак хӳрешки* «подкулачник» (букв. кулацкий прихвостень) принадлежит к числу семантически неразложимых сочетаний, хотя отличается аналитичностью значения. Однако его нельзя отнести к идиоматическим сочетаниям. В составе приведенного сочетания, наряду со словом, имеющим фразеологически связанное значение (*хӳрешки* «приспешник») есть существительное *кулак* «кулак», употребляющееся в свободном значении и потому обладающее свободной сочетаемостью (ср.: *кулак йахӗ* «кулацкое племя», *кулак мулӗ* «кулацкое богатство», *кулак тырри* «кулацкое зерно» и т. п.). Следовательно, словесное соединение *кулак хӳрешки* «подкулачник» следует рассматривать как фразеологическое сочетание.

Соединение в рамках фразеологических сочетаний двух компонентов — слова с фразеологически связанным значением и слова в свободном значении — обусловливает другой их важный признак — аналитичность, или расчлененность, значения. Это свойство анализируемых сочетаний ничуть не противоречит тому, что

они во многих случаях только в целостном виде, всем своим составом, выполняют номинативную функцию, представляя собой результаты аналитического способа обозначения фактов внеязыковой действительности. С другой стороны, наличие в составе фразеологических сочетаний слова в связанном значении определяет семантическую спаянность их компонентов, вызванную смысловой зависимостью данного слова от строго фиксированного лексического окружения. Такая зависимость обусловлена, как было отмечено, синсемантичностью слов с фразеологически связанным значением. Поэтому нередко трудно бывает определить связанное значение. В. В. Виноградов пишет: «Фразеологически связанное значение иногда трудно определимо. В нем общее логическое ядро не выступает так рельефно, как в свободном значении. Фразеологически связанное значение, особенно при узости и тесноте соответствующих контекстов, дробится на индивидуальные оттенки, свойственные отдельным фразам. Поэтому чаще всего такое значение не столько определяется, сколько характеризуется, освещается путем подбора синонимов, которые могут его выразить и заменить в соответствующем сочетании»[18]. Вывод ученого хорошо можно подтвердить, в частности, на примере сочетания слов *чукун çул* «железная дорога» (букв. чугунная дорога). В данном составном наименовании первый компонент *чукун* «чугун» означает не «из железа» (ср.: *чукун хуран* «чугунный котел», *чукун питлĕх* «чугунная заслонка», *чукун плита* «чугунная плита», *чукун кĕпер* «чугунный мост»), а выражает значение «рельсовый (путь), предназначенный для движения поездов». Это значение слова *чукун* проявляется лишь в сочетании с существительным *çул* «дорога», оно не поддержано ни одним другим, кроме *чукун çул,* контекстом. Как видно, характерной особенностью рассматриваемого значения имени *чукун* является его «прикрепленность» к одному указательному слову — имени *çул* «дорога», в сочетаниях с другими словами данный лексико-семантический вариант не наблюдается. Общее значение устойчивого словесного комплекса *чугун çул* «железная дорога», как и смысловое содержание обычных, свободных сочетаний слов, созда-

[18] *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, с. 158.

ется на основе соединения значений образующих его частей. Однако значение первого компонента трудно определимо, оно отличается неопределенностью. Здесь, наоборот, целое (*чукун сул*) детерминирует значение составных частей, вне этого целого вообще не представляется возможным говорить о каком-либо значении, свойственном компоненту *чукун* «чугун». Значение «рельсовый (путь), предназначенный для движения поездов», присущее слову *чукун*,— фразеологически связанное значение. Существительное *чукун* приобретает данное значение и, соответственно, знаковую функцию только при совместном употреблении с семантически опорным словом *сул* «дорога».

Было отмечено, что между компонентами фразеологических сочетаний существует отношение семантической зависимости: один из компонентов, а именно, слово в связанном значении,— это семантически реализуемое слово, а другой компонент — семантически ключевое слово, от которого зависит реализация связанного значения. Если же подходить с точки зрения грамматического строения, то характерным признаком фразеологических сочетаний является отсутствие грамматического отношения между компонентами (т. е. отношения подчинительной связи между компонентами фразеологических сочетаний со структурой словосочетаний и подлежащно-сказуемостного отношения в фразеологических сочетаниях со структурой предложений). Такая особенность устойчивых словесных комплексов анализируемого типа предопределена характером значения сочетающихся компонентов, а также своеобразием их знаковой функции. Как известно, один из членов фразеологического сочетания лишь при посредстве семантически ключевых слов реализует свое значение, и вполне закономерно, что между словом в связанном значении и семантически ключевым словом не могут образоваться синтаксические отношения, характерные для сочетаний знаменательных слов.

Внешне фразеологические сочетания, действительно, воссоздают лексико-грамматическую связь, свойственную для синтаксических сочетаний, хотя в них эту связь не представляется возможным объективно выделить, и даже в тех, которые являют собой соединения «полных» знаков. Формальное совпадение фразеологических сочетаний со свободными, синтаксическими, структурами

объясняется их происхождением. Первоначально они представляли собой свободные сочетания, между компонентами которых существовали грамматические отношения. Со временем значение одного из компонентов в рамках одного определенного сочетания слов или ряда сочетаний, определяя какой-либо признак другого значения, претерпевает семантический сдвиг, переосмысляется. В силу регулярного употребления словесные соединения, в составе которых наличествует компонент с переосмысленным, косвенно-производным значением, закрепляются как готовые единицы языка, отходя от своих прототипов. Следовательно, воспроизведение в фразеологических сочетаниях лексико-грамматической связи, характерной для компонентов синтаксических сочетаний — это отголосок исторического прошлого. «В фразеологических сочетаниях,— отмечает В. В. Виноградов,— синтаксические связи вполне соответствуют живым нормам современного словосочетания. Однако эти связи в них воспроизводятся по традиции. Самый факт устойчивости и семантической ограниченности фразеологических сочетаний говорит о том, что в живом употреблении они используются как готовые фразеологические единицы — воспроизводимые, а не вновь организуемые в процессе речи. Следовательно, грамматическое членение ведет к познанию лишь этимологической природы этих словосочетаний, а не их синтаксических функций в современном языке»[19].

Таким образом, фразеологические сочетания характеризуются целым комплексом признаков, определяющих их сущность; они следующие: 1) семантическая спаянность, или связанность, одного из компонентов (семантически несвободные сочетания), обусловленная синсемантичностью слова с фразеологически связанным значением и, соответственно, неавтономностью его знаковой функции; 2) устойчивое соотношение значения и определенного лексического состава и грамматической организации, проявляющееся в воспроизводимости фразеологических сочетаний в речи; 3) аналитичность значения, т. е. выводимость смысла целого из значений частей; 4) отсутствие синтаксического отношения между компонентами (с этим признаком связана способ-

[19] *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, с. 160—161.

ность фразеологических сочетаний функционировать в качестве одного члена предложения). На основе выделенных признаков фразеологическое сочетание определяется следующим образом: фразеологическое сочетание — это семантически несвободное сочетание слов с односторонней смысловой зависимостью компонентов, воспроизводимое в речи как готовая единица языка, характеризующаяся аналитичностью выражаемого смысла, отсутствием отношения грамматической связи между компонентами и устойчивым соотношением значения и лексико-грамматических средств его выражения.

3. Классификация фразеологических сочетаний по стержневому компоненту

Стержневым компонентом обычно принято называть грамматически главенствующий член словосочетаний. В фразеологических же сочетаниях в отличие от синтаксических не выражены отношения грамматической зависимости между компонентами. Несмотря на это, в них можно выделить компонент, который является основным в том плане, что он оформляет категориальное, или грамматическое, значение словесного соединения в целом и является основным средством синтагматической связи. Этот компонент мы называем стержневым. В зависимости от принадлежности его к определенному лексико-грамматическому разряду слов фразеологические сочетания подразделяются на два типа: субстантивные и глагольные.

4. Субстантивные фразеологические сочетания

В системе фразеологизмов рассматриваемого структурно-семантического типа субстантивные фразеологические сочетания представляют собой самый многочисленный разряд. Это объясняется тем, что весьма значительна их роль в номинации «кусочков» действительности. В чувашском языке, как и в других тюркских языках, для называния многих элементов предметного ряда отсутствуют отдельные слова. «Недостаточность» лексических средств в номинативном инвентаре пополняется прежде всего субстантивными фразеологическими сочетаниями как составными наименованиями предметов.

Кроме того, слова при именных компонентах обладают примечательным свойством подвергаться семантическим трансформациям и приобретать новые значения, когда в языке возникает потребность выражать то или иное отношение к признакам предметов и лиц. Эти значения часто бывают связанными, т. е. реализующимися в строго определенном фразеологическом контексте. Следовательно, существование в языке субстантивных фразеологических сочетаний, как всех типов фразеологизмов вообще, тесно связано с их функциональной значимостью.

4.1. Функциональная характеристика

В чувашском языке выделяются два функциональных типа субстантивных фразеологических сочетаний: 1) субстантивные фразеологические сочетания с номинативной функцией и 2) субстантивные фразеологические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией.

4.1.1. Субстантивные фразеологические сочетания с номинативной функцией

Субстантивные фразеологические сочетания с номинативной функцией, т. е. составные названия предметов, в современном чувашском языке получили широкое распространение, и это свидетельствует, что аналитический способ обозначения фактов объективной действительности прочно вошел в систему чувашского языка.

В составных названиях, обозначающих элементы предметного ряда, в одних случаях отражается родо-видовое отношение между обозначаемыми предметами (например, *пулă* «рыба» — *хĕç пулă* «язь» (букв. меч рыба), *курăк* «трава» — *аслати курăкĕ* «анютины глазки» (букв. гром трава его), в других случаях — часте-целостное, или парциальное, членение при номинации предметов (например, *вĕлтрен* «крапива» — *вĕлтрен уки (пурçăнĕ)* «повилика» (букв. крапивные усики или крапивный шелк), *турат* «сучок» — *турат куçĕ* «отверстие от сучка в доске» (букв. сучок глаз его), *пăшал* «ружье» — *пăшал автанĕ* «курок ружья» (букв. ружье петух его).

Хотя в синтаксическом строении и в характере логико-смысловых отношений между компонентами рассматриваемых фразеологических сочетаний имеются существенные различия, составные названия обеих

разновидностей объединяет одно общее свойство—свойство называть элементы предметного ряда, т. е. выполнять номинативную функцию. И в этом отношении они представляют собой языковые единицы на уровне «лексической парадигмы».

К общему признаку двух видов фразеологических сочетаний с номинативной функцией принадлежит также свойство соотноситься с одним «кусочком» действительности, обозначенным аналитически, сочетанием двух словесных знаков. Один из них обладает свободным, номинативным значением, непосредственно связанным с фактом реальной действительности, является семантически опорным членом соединения слов, а другой употребляется в связанном значении, т. е. в таком значении, которое косвенно, через посредство семантически ключевого слова, связано с предметным миром и реализуется, лишь сочетаясь со словами, указывающими на его семантику. Таким образом, органическая связанность (семантическая спаянность) компонентов составных названий поддерживается природой самих фактов внешнего мира — неделимостью обозначаемых предметов на составные элементы, целостностью их структуры. Составные названия — это аналитические, расчлененные обозначения предметов, для номинации которых в языке отсутствуют отдельные лексические единицы. Обозначения анализируемого типа создаются на базе семантически опорных слов путем выделения в обозначаемых ими предметах постоянных, существенных признаков, названных словами в связанном значении. Сущность этих названий состоит в том, что образующие их компоненты соотносятся с одним предметом (денотатом) внешнего мира, и значения, выражаемые ими, направлены на один объект действительности[20].

4.1.2. Субстантивные фразеологические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией

Нередко связанные значения слов в составе субстантивных фразеологических сочетаний, кроме денотативной соотнесенности с фактами реальной действитель-

[20] О субстантивных фразеологических сочетаниях с номинативной функцией и их тематических группах см. подр.: *Чернов М. Ф.* Фразеологические сочетания в современном чувашском языке.— В кн.: Вопросы грамматики и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1984, с. 56—90.

ности, осложняются добавочными смыслами, связанными с разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочными оттенками. Последние в языке вызываются прежде всего эмотивным отношением говорящих к обозначаемым фактам действительности, т. е. квалификативной деятельностью человеческого сознания. Ср.: *макăракан ача* «плачущий ребенок» и *ҫĕрĕк ача* «плаксивый ребенок», *чухăн пурнăҫ* «бедняцкая жизнь» и *ĕнĕк пурнăҫ* «скудная жизнь», *йĕпе ҫанталăк* «ненастная погода» и *ҫĕрĕк ҫанталăк* «гнилая погода, ненастная погода», *пурнăҫ йывăрлăхĕҫем* «трудности жизни» и *пурнăҫ кукрашкисем* «трудности в жизни», *шухăш сыхăнăвĕ* «связь мыслей, размышлений» и *шухăш ҫиппи* «нить размышлений» (ср.: *сухăш ҫиппи татăлчĕ* «нить размышления прервалась»), *тăрăн ҫырма* «глубокий овраг» и *ахрат ҫырми* «очень глубокий овраг, пропасть». Выделенные слова в приведенных примерах употребляются в связанном значении. Эти значения направлены не только на предмет, но и на его отличительные признаки, которые субъектом речи квалифицируются с точки зрения социально установившихся понятий «хорошо» или «плохо», «добро» или «зло». Осложнение значения слов оттенками, выражающими отрицательное или положительное отношение к обозначаемому факту действительности, и создает экспрессивно-эмоциональную окраску элементов языка.

В зависимости от особенностей структуры и семантики субстантивные фразеологические сочетания с экспрессивно окрашенной семантикой разделяются на два вида: 1) фразеологические сочетания типа «имя прилагательное — имя существительное», или адъективно-субстантивные фразеологические сочетания, и 2) фразеологические сочетания типа «имя существительное — имя существительное», или субстантивно-субстантивные фразеологические сочетания.

4.1.2.1. Адъективно-субстантивные фразеологические сочетания

В фразеологических сочетаниях данного типа в качестве слова в связанном значении выступает имя прилагательное (первый компонент), имя существительное (второй компонент) имеет свободное значение. Продуктивность рассматриваемых фразеологических сочетаний объясняется тем, что значениям качественных прилагательных в большей степени, чем значениям других

лексико-грамматических разрядов слов, свойственно обогащаться дополнительными экспрессивно-эмоциональными оттенками. Прилагательные, обозначающие качество предметов, по природе своей семантической структуры обладают свойством выражать субъективную модальность, т. е. содержат в себе добавочный элемент качественной оценки. Так, в сочетаниях слов *паттăр çын* «отважный человек», *ăсла студент* «способный студент», *чипер хĕр* «красивая девушка», *илемлĕ чечек* «красивый цветок», *пархатарлă ĕç* «благородное дело» имена прилагательные дают положительную оценку, в их значении содержится элемент одобрения, в сочетаниях же слов *тарлавсăр хĕрăм* «безалаберная женщина», *усал самах* «нецензурная брань», *сивĕ камака* «холодная печка», *кичем пурнăç* «тусклая, будничная жизнь» прилагательные выступают как компоненты, отрицательно характеризующие предмет, в их семантике ощущается ярко выраженное неодобрительное, негативное отношение к обозначаемым признакам.

Следует указать еще на одну важную особенность качественных прилагательных. Их семантика отличается исключительной гибкостью: в зависимости от характера значений определяемых слов она претерпевает различные сдвиги, часто приводящие к тому, что прилагательные в той или иной степени утрачивают способность соотноситься с конкретным представлением признаковости, и усиливается у них оценочно-характеризующая функция. Одним словом, качественные прилагательные при определенной категории имен существительных, а именно, при отвлеченных и общих именах существительных, развивают в себе такие значения, которые являются косвенно-производными, т. е. фразеологически связанными. Эти значения реально существуют в языке лишь при посредстве другого, строго определенного языковым узусом значения. Ср.: *çирĕп металл* «твердый металл» (свойство предмета) — *çирĕп решени* «твердое решение», *тăрăн çырма* «глубокий овраг» (свойство предмета) — *тăрăн шухăш* «глубокая мысль», *вĕри камака* «горячая печка» — *вĕри чĕре* «горячее сердце».

Характер проявления косвенно-производного значения прилагательных в составе адъективно-субстантивных фразеологических сочетаний с экспрессивно-характеризующей функцией зависит прежде всего от особен-

ности семантики опорных наименований. При этом выделяются следующие случаи:

1. Если семантически опорное слово выражено общими именами существительными, обозначающими лица, то слова в связанном значении — имена прилагательные не только указывают на тот или иной признак лица, но и содержат в себе оценочно-характеризующее значение. В фразеологических сочетаниях, возникших в языке реализацией связанных значений такого рода прилагательных, в качестве семантически опорных слов обычно выступают имена существительные *çын* «человек», *хĕрарăм* «женщина», *арçын* «мужчина», *хĕр* «девушка», *ача* «ребенок», *чун* «душа», *чĕре* «сердце» и др.

Слова в связанном значении в описываемых фразеологических сочетаниях отличаются ярко выраженной субъективной модальностью, в зависимости от своеобразия их семантики определяемое лицо характеризуется или с положительной, или с отрицательной стороны: *уçă çын* «добродушный, веселый человек», *асла çын* «важный человек», *хыта хĕр* «устойчивая, соблюдающая себя девушка», *вĕри чун (чĕре)* «горячий, страстный человек» (ср.: идиома *вĕри чун (чĕре)* «горячность, страстность»), *тĕксĕм çын* 1) «угрюмый человек» 2) «неразговорчивый человек», *улталла çын* «простоватый, глуповатый человек», *йывăр çын* «вахлак, неловкий человек», *нӳрĕ çын* «вялый человек», *шултра çын* «не в меру развязный в речах человек», *хирĕç çын* «упрямый человек».

2. Если семантически опорные слова выражаются именами существительными с общей и отвлеченной семантикой, обозначающими внутренний и внешний мир человека, то прилагательные — слова в связанном значении, помимо того, что указывают на присущие признаки определяемых предметов, названных стержневыми компонентами сочетаний, дают им (признакам) экспрессивно-образную характеристику, иными словами, в связанных значениях слов содержится элемент субъективной оценки. В чувашском языке исключительно велика роль фразеологических сочетаний, образованных реализацией фразеологически связанного значения качественными прилагательными, в образной экспрессивно-эмоциональной характеристике свойств и качеств человека. В них ярко отразилась общественная оценка самых различных сторон человеческой личности.

Целый ряд фразеологических сочетаний выступает в языке как образное средство раскрытия свойств характера человека. К ним относятся прежде всего соединения слов с семантически стержневыми словами *камăл* «характер, свойство характера», *чĕре* «сердце» (в значении «душевные качества, характер человека»), *чун* «душа» (в значении «характер человека»): *хыта (хыт) камăл* «жестокий, твердый (характер)», *çемçе камăл* «мягкий характер, мягкосердечный», *сив камăл* «жестокий; неприветливый», *уçă камăл* «щедрый», *кукăр камăл* «кривая душа» (букв. кривой характер), *çирĕп камăл* 1) «стойкий характер» 2) «непоколебимая воля», *аша камăл* «добрая душа» (букв. теплый характер), *вĕри чĕре* «горячее сердце», *вĕри чун* «горячая душа», *вут чĕре* «пламенное сердце».

В фразеологических сочетаниях, в которых семантически ключевыми словами выступают имена существительные *камăл* «характер, свойство характера», *чĕре* «сердце», *чун* «душа», последние часто осложняются аффиксом обладания -ла (-лĕ)*. Данный аффикс, с одной стороны, указывает на то, что признак, обозначенный сочетанием в целом, является признаком определяемого лица, с другой стороны, служит средством синтагматической связи фразеологизмов: *аша камăлла (çын)* «ласковый, приветливый, сердечный, душевный, радушный, гостеприимный (человек)», *уçă камăлла* «радушный, добродушный», *хыта камăлла* «жестокосердый, жестокий, безжалостный», *çемçе камăлла* 1) «чувствительный» 2) «мягкосердечный», *çирĕп камăлла* 1) «стойкий» 2) «человек с непоколебимой волей», *сив (хура) камăлла* «неприветливый», *тӳре камăлла* «честный, правдивый», *вĕри чĕреллĕ* «горячий, (человек) с горячим сердцем», *вĕри чунлă* «горячий, страстный, пылкий, (человек) с горячей душой», *хыта чĕреллĕ* 1) «жестокий, жестокосердый» 2) «хладнокровный», *хавшак чĕреллĕ* 1) «мягкосердечный» 2) «нерасторопный».

Нередко в составе фразеологических сочетаний компонент *камăл* не употребляется в исходной форме, а

---

* Аффикс -ла(-лĕ) рассматривается нами как морфема, выражающая определительные отношения между признаком, обозначенным фразеологическим сочетанием в целом, и определяемым лицом или предметом.

функционирует лишь с аффиксом *-ла(-лӗ): хура камалла* «неприветливый» (**хура камал*), *ман камалла* «гордый» (**ман камал*), *асла камалла* «гордый; спесивый» (**асла камал*), *хупа камалла* «скрытый» (**хупа камал*), *вӗри камалла* «горячий» (**вӗри камал*).

В современном чувашском языке получили широкое распространение фразеологические сочетания с качественными прилагательными в связанном значении, которые дают яркую, образно-экспрессивную оценку (позитивную или негативную характеристику) умственной способности человека, его умению говорить, выражать свою мысль словами. В них в качестве стержневых слов обычно выступают такие имена существительные с общей семантикой, как *ас* «ум», *пӗлӳ* «знание», *чӗлхе* «язык», *сăмах* «речь, способность говорить»: *çивӗч (вичкӗн) ас* «проницательный, острый ум», *таран пӗлӳ* «глубокие знания», *кӗтӗк ас* «тупой ум», *кӗске ас* «короткий ум», *сивӗ чӗлхе* «холодный язык», *çивӗч (вичкӗн) сăмах* «острое слово».

Часто в качестве стержневых компонентов названного семантического разряда фразеологических сочетаний употребляются имена существительные с аффиксом *-ла(-лӗ): кӗске асла (çын)* «(человек) с коротким умом», *кӗтӗк асла* «тупоумный», *çемçе чӗлхеллӗ (хӗрача)* «(девушка) с мягкой, ласковой речью», *тутлă чӗлхеллӗ (хӗр)* «(девушка) с сладкой речью», *йӗплӗ чӗлхеллӗ (çын)* «язвительный, (человек) с язвительной речью», *усал (хаяр, хивре) чӗлхеллӗ (çын)* «злой на язык», *япшар (чӗкеç) чӗлхеллӗ* «(человек) с языком ласточки», *явăк чӗлхеллӗ (çын)* 1) «разговорчивый» 2) «занимательный» 3) «сладкоречивый», *çивӗч чӗлхеллӗ* «острый (бойкий) на язык», *чӗкеç чӗлхеллӗ (хӗрача)* «(девочка) с языком ласточки», *хытă халаплă (çын)* «(человек), говорящий грубым голосом, с криком», *вӗт сăмахлă (çын)* «говорун, таратора, трещотка», *лакăрка çăварлă (çын)* «скверный болтун», *хаяр чӗлхеллӗ (çын)* «человек, говорящий строго и убедительно».

В составе фразеологических сочетаний при семантически ключевых словах — существительных с общим значением, обозначающих психическое и физическое состояние человека (например, *çилӗ* «гнев», *шухăш* «мысль; раздумье (раздумья), размышление (размышления)», *туйăм* «чувство», *хăлха* «слух», *куç* «глаз, зрение» и др.) прилагательные в связанных значениях да-

ют образную, экспрессивно-эмоциональную оценку названным состояниям лица: *хаяр çилĕ* «яростный гнев», *таран шухăш* «глубокая мысль, глубокое раздумье, размышление», *йывăр шухăшсем* «глубокие мысли», *хура шухăшсем* «черные мысли», *хĕрӳ юрату* «сердечная, нежная любовь», *вĕри туйăм* «горячее чувство», *йывăр туйăм* «тяжелое чувство», *çемçе (ăшă) туйăм* «ласковое (нежное) чувство», *сивĕ туйăм* «холодное чувство», *çивĕч (вичкĕн) куç* «острое зрение», *çивĕч (вичкĕн) хăлха* «острый слух».

Нередко существительные (стержневые компоненты) в составе фразеологических сочетаний с помощью аффикса обладания *-лă(-лĕ)* придают словесному соединению в целом значение определения: *авăк çилĕллĕ (çын)* «вспыльчивый» (букв. с порывистым гневом), *кăра çилĕллĕ* «вспыльчивый» (букв. с крутым гневом), *таран туйăмлă (çын)* «(человек), способный к глубоким чувствам», *çемçе туйăмлă (çын)* «мягкосердечный, нежный человек» (букв. человек с мягким чувством), *çивĕч туйăмлă (çын)* «(человек) с острым чутьем, чуткий», *пысăк шухăшлă (çын)* «большой мыслитель» (букв. человек с большой мыслью), *хытă хăлхаллă* «тугоухий, туговат на ухо», *витĕр хăлхаллă (çын)* «(человек) с чутким слухом», *çивĕч хăлхаллă (çын)* «(человек) с хорошим слухом».

Рассмотренные фразеологические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией связаны с характеристикой человека, его психических, эмоциональных и физических свойств, мыслительной способности и т. п. Они среди субстантивных фразеологических сочетаний названного типа составляют наиболее продуктивную часть, потому что основное назначение последних и состоит в том, чтобы выразительно, с большой экспрессией и эмоцией раскрывать внутренний и внешний мир индивидуума.

В современном чувашском языке выделяется немалый слой фразеологических сочетаний, в которых качественные прилагательные в связанных значениях функционируют как словесные средства для образно-экспрессивной характеристики предметов, непосредственно не связанных с человеком и его внутренним миром, но являющихся результатом его деятельности. В подобных фразеологических сочетаниях в качестве семантически опорных слов чаще всего выступают имена существи-

тельные *сăмах* «слово», *шухăш* «мысль», *чĕлхе* «язык» и др.: *ăшă сăмах* «ласковое слово» (букв. теплое слово), *сив (сивĕ) сăмах* «обидное слово» (букв. холодное слово), *усал сăмах* 1) «дурной отзыв о ком-либо» 2) «нецензурная брань», *çивĕч сăмах* «острое слово», *хаяр сăмах* «злое слово», *хĕрӳллĕ сăмах* 1) «пламенное слово» 2) «пламенная речь», *тӳрĕ сăмах* «правдивое слово», *çăмăл чĕлхе* «легкий язык».

Чувашский язык богат и фразеологическими сочетаниями, которые имеют в своем составе качественные прилагательные с фразеологически связанным значением, дающие образную, экспрессивно-эмоциональную характеристику явлениям общественной и социальной жизни, природе, временам года, частям суток. Здесь в качестве семантически ключевых слов выступают такие общие имена существительные, как *пурнăç* «жизнь», *вăрçа* «война», *вăхăт* «время, период», *тапхăр* «время, период», *вилĕм* «смерть», *çул* «год», *кĕр (кĕркунне)* «осень», *кун* «день», *çĕр* «ночь»: *чĕрĕ (чĕр) пурнăç* «живая жизнь», *шалкăм пурнăç* «жизнь, полная превратностей судьбы; беспокойная, тревожная жизнь», *пуша вăхăт* «свободное время, досуг», *шурă вăхăт* «белое время», *хура вилĕм* «черная смерть», *сивĕ вилĕм* «холодная смерть», *чĕр вилĕм* «истинная, настоящая смерть», *пушă кун* «свободный день», *хура кĕр (кĕркунне)* «глубокая осень», *ылтăн (сар) кĕркунне* «золотая осень».

4.1.2.2. Субстантивно-субстантивные фразеологические сочетания

Субстантивные фразеологические сочетания названного типа в зависимости от особенностей строения разделяются на два вида: 1) фразеологические сочетания, имеющие структуру изафета первого типа («имя существительное в основном пад.— имя существительное в основном пад.»), и 2) фразеологические сочетания, имеющие структуру изафета второго типа («имя существительное в основном пад.— имя существительное в форме 3 лица ед. ч.»).

В субстантивных фразеологических сочетаниях первого вида фразеологически связанное значение, как правило, имеет первый компонент, который своим специфическим значением дает экспрессивно-образную характеристику предметам, названным семантически клю-

чевыми словами. Последние большей частью бывают именами существительными, обозначающими части человеческого тела: *çĕмĕрт куç* «черные (как черемуха) глаза», *вут куç* «огненные глаза», *шӳрпе ӳт* «рыхлое тело» (букв. шюрьбе тело; шюрьбе — похлебка, изготовляемая из мяса и голья свежеколотого животного), *тимĕр ала* «твердая (как железо) рука».

В ряде случаев в фразеологических сочетаниях названного вида стержневой (второй) компонент — существительное употребляется с аффиксом *-ла (-лĕ)*: *çĕмĕрт куçла (хĕр)* «(девушка) с черными (как черемуха) глазами», *шӳрпе ӳтлĕ (хĕрарăм)* «рыхлотелая женщина», *вут куçла (каччă)* «(парень) с огненными глазами».

Субстантивные фразеологические сочетания второго вида в зависимости от того, слово в связанном значении является первым или вторым компонентом сочетания, бывают двух разновидностей: 1) фразеологические сочетания, в которых словом в связанном значении является первый компонент, и 2) фразеологические сочетания, в которых словом в связанном значении является второй компонент.

Обе разновидности фразеологических сочетаний характеризуются тем, что в них в качестве слов с фразеологически связанным значением выступают номинации конкретных предметов, а в виде семантически опорных слов — названия отвлеченных понятий, т. е. слова с общим, абстрактным значением. Различие между выделенными разновидностями фразеологических сочетаний состоит в том, что в первых направление семантической зависимости идет от первого компонента, во вторых — от второго компонента. Ср.: *йыта пурнăçĕ* «собачья жизнь» *(йыта→пурнăçĕ)* — *шухăш çиппи* «нить размышлений» *(шухăш←çиппи)*.

В субстантивных фразеологических сочетаниях первой разновидности слова в связанном значении (имена существительные в форме основного падежа) служат средством экспрессивно-эмоциональной характеристики предметов и связанных с ними понятий, выраженных семантически опорными словами. К таким фразеологическим сочетаниям, в частности, относятся следующие: *кушак пурнăçĕ* «привольная жизнь» (букв. кошачья жизнь), *майра утти* «медленная и плавная походка» (букв. походка русской женщины), *шăпчăк ыйхи* «непродолжительный, легкий сон» (букв. соловьиный сон),

чĕкеҫ чĕлхи «ласковый, нежный язык» (букв. ласточкин язык), *чĕкеҫ чĕри* «ласковое, нежное сердце» (букв. ласточкино сердце), *шăши хăлхи* «короткое ухо» (букв. мышиное ухо), *мăян ҫулĕ* «голодный год» (букв. год лебеды), *ахрат ҫырми* «глубокий овраг».

Субстантивные фразеологические сочетания второй разновидности, т. е. фразеологические сочетания, в составе которых слово в связанном значении занимает постпозитивное положение по отношению к семантически определяемому слову, являются одним из продуктивных конструкций в современном чувашском языке. Фразеологические сочетания данного вида обладают исключительно богатой семантической емкостью. С помощью имени существительного в форме 3 лица, имеющего фразеологически связанное значение, передаются весьма тонкие, самые разнообразные свойства, характеристические признаки предметов, обозначенных семантически ключевыми словами. Этим объясняется широкое использование рассматриваемых фразеологических сочетаний в произведениях художественной и публицистической литературы. Например:

Самана сакки ҫинче йӳҫҫипе тутли нумай, тутантарнă ҫут тĕнче, мучче лăскăнă май (Я. Ухс.) «На скамье века много бывает удач и неудач (букв. много кислого и сладкого), жизнь немало трепала деда». *Ху ӳстернĕ ывăлна юрлама, ҫĕршыв-анне, лартрăн эс савса кăна Самана сакки ҫине* (Я. Ухс.) «Родина-мать, ты вырастила сына петь и посадила с любовью на скамью эпохи». *Самана карапне Пырĕ ҫирĕп тытса Унăн* [*ҫулпуҫăн*] *алли, унăн патăр хăвачĕ (Эсх.)* «Пойдет впереди, крепко держа корабль времени своею стальной рукой, своею богатырской силой». *Самана ҫилĕ ăҫталла ҫаврăнассине тилĕ сăмсаллă Варлам малтанах сиснĕ пулас ҫав* (Эсх.) «Варлам, человек с лисьим нюхом, заранее почувствовал, в каком направлении переменится ветер времени».

В приведенных предложениях употреблены фразеологические сочетания *самана сакки* «скамья века, эпохи», *самана карапĕ* «корабль времени», *самана ҫилĕ* «ветер времени». В них с самых различных сторон образно характеризуется понятие, выраженное именем существительным в свободном значении *самана* «время, времена, эпоха, век». В первом из перечисленных

словесных соединений слово в связанном значении *сакки* «скамья» раскрывает содержание семантически ключевого слова с точки зрения того, что приходится испытывать человеку на жизненном пути, во втором сочетании слово с фразеологически связанным значением *карап* «корабль» с большой выразительностью передает смысл «путь, движение (эпохи)», в третьем соединении слов имя существительное *çил* «ветер» с экспрессией реализует значение «направление (эпохи, времени)». Образность, экспрессивность достигается тем, что значения указанных слов переосмысляются, наполняются новым, добавочным содержанием.

Как и во многих случаях, компонент с фразеологически связанным значением в субстантивных фразеологических сочетаниях анализируемой структуры характеризуется узуально ограниченной сочетаемостью. На его основе создается или единственно возможное фразеологическое сочетание, или серия фразеологических сочетаний. Например, существительное *мантар(ĕ)* в значении «изобилие» образует лишь одно словесное соединение, сочетаясь с существительным *кĕр* «осень»: *кĕр мантарĕ* «осеннее изобилие»; невозможны сочетания *кĕркунне мантарĕ, çу мантарĕ, хĕл мантарĕ.*

Имя существительное *çалкуç(ĕ)* «(его) родник или источник» в значении «то, что дает начало чему-либо, служит основой чего-либо» образует целую серию фразеологических сочетаний, соединяясь с рядом, но ограниченным кругом имен существительных в основном положительного семантического плана, как-то: *вăйхал* «сила; здоровье», *çитĕнӳ* «успех, достижение», *ӳсĕм* «успех, достижение, прогресс», *(мĕнле те пулин) пурнăç* «жизнь», *хаваслăх* «вдохновение», *савăнăç* «радость», *телей* «счастье», *юрату* «любовь»: *вăй-хал çăлкуçĕ* «источник силы, здоровья», *çитĕнӳ çăлкуçĕ* «источник успехов, достижений», *ӳсĕм çăлкуçĕ* «источник успехов, достижений, прогресса», *(мĕнле те пулсан) пурнăç çăлкуçĕ* «источник (какой-либо) жизни», *савăнăç çăлкуçĕ* «источник радости», *телей çăлкуçĕ* «источник счастья», *хаваслăх çăлкуçĕ* «источник вдохновения», *юрату çăлкуçĕ* «родник любви».

В фразеологических сочетаниях описываемого вида особенно ярко проявляется оценка субъекта речи свойств обозначаемого. Слово в связанном значении в них отличается богатым экспрессивно-оценочным со-

держанием, органически соединяющимся со смыслом семантически опорных слов, составляя с ним единое целое. Ср.: *пурнăç* «жизнь» — *пурнăç аваре* «водоворот жизни», *шухăш* «мысль» — *шухăш çиппи* «нить размышлений», *наян* «лентяй» — *наян утаманĕ* «большой лентяй, очень ленивый человек» (букв. лентяйский атаман), *ăмăрту* «соревнование» — *ăмăрту каварĕ* «жар соревнования». Как видно из примеров, связанное значение слов, входя в смысловую ткань семантически опорных слов, дополняет и обогащает их содержание новыми оттенками, придающими ему ярко выраженную экспрессивно-эмоциональную окрашенность. В результате этого все фразеологическое сочетание в целом приобретает образно-экспрессивный характер.

В значительной группе субстантивных фразеологических сочетаний, равных по форме изафету второго типа, слова в связанном значении выступают как средства образной характеристики различных жизненных обстоятельств и ситуаций. В них в качестве семантически опорного слова обычно употребляется существительное с общим значением *пурнăç* «жизнь»: *пурнăç аваре* «водоворот жизни», *пурнăç аври* «стержень жизни», *пурнăç варĕ* «сердцевина жизни», *пурнăç вут-хĕмĕ* «искры жизни», *пурнăç йĕвенĕ* «узда жизни», *пурнăç йĕрки* «образ жизни, уклад жизни», *пурнăç каяшĕ* «дерьмо, охвостье жизни», *пурнăç кĕвви* «ритм жизни», *пурнăç кукрашкисем* «трудности в жизни», *пурнăç курки* «чаша жизни», *пурнăç кустăрми* «колесо жизни», *пурнăç пăрăнăçĕ* «превратности судьбы», *пурнăç таппи* «пульс жизни», *пурнăç тыткăш* «стержень жизни», *пурнăç хатĕрĕ* «жизнеспособность; жизненные соки», *пурнăç хуранĕ* «котел жизни», *пурнăç хытти* «жизненные тяготы, невзгоды», *пурнăç юхăмĕ* «движение жизни», *çĕнĕ пурнăç калчи* «ростки новой жизни».

В современном чувашском языке встречается немалое количество субстантивных фразеологических сочетаний со структурой изафета второго типа, в составе которых слова в связанном значении ярко и красочно характеризуют явления общественно-социальной жизни. В качестве семантически ключевых слов выступают общие имена существительные *вăрçа* «война», *кĕрешӳ* «борьба», *çапăçу* «битва, бой, сражение», *пăлхав* «бунт, мятеж, волнение», *революци* «революция», *вилĕм* «смерть», *ĕç* «труд», *пусмăр* «гнет, угнетение»,

ăмарту «соревнование», *çĕршыв* «страна», *саккун* «закон», *самана* «время, эпоха, период» и др.: *варçа вучĕ (çуламĕ, вут-çуламĕ, вут-каварĕ)* «пламя войны, огонь войны», *варçа пушарĕ* «пожар войны», *варçа (çапаçу) хирĕ* «поле битвы», *революци вут-тăвалĕ* «революционная буря», *революци сăпки* «колыбель революции», *революци çуламĕ* «пламя революции», *пусмăр чулĕ* «камень гнева», *çĕршыв алли* «сила страны» (букв. рука страны), *саккун алли* «власть закона» (букв. рука закона), *ăмарту каварĕ* «пламя соревнования», *мир вахти* «вахта мира», *ĕç вахти* «трудовая вахта», *самана кустăрми* «колесо времени, эпохи», *вилĕм алли* «власть смерти» (букв. рука смерти), *вилĕм сывлăшĕ* «дыхание смерти», *вилĕм вутти* «пламя смерти».

Особой выразительностью, экспрессией отличаются фразеологические сочетания — краткие, сжатые характеристики социального и морального облика индивидуума. И здесь роль характеризующих компонентов выполняют слова с фразеологически связанным значением. Они очень емко и точно раскрывают сущность внутреннего мира человека. Причем в семантической структуре этих слов ярко, подчеркнуто, подчас и резко выражен элемент эмотивного отношения субъекта речи к определяемому лицу. Ср.: *элек вутпуççи* «сплетник; клеветник» (букв. сплетня или клевета головня ее), *кулак хӳри (хӳрешки)* «кулак, подкулачник» (букв. кулацкий прихвостень), *кулак йытти* «кулацкая собака», *арçын капашĕ* «дряной, плохой мужчина» (букв. подобие мужчины), *ачаш тапкă* «неженка» (букв. неженка пучок ее).

В ряде случаев связанные значения слов в составе субстантивных фразеологических сочетаний, структурно равнозначных изафету II, дают выразительную, эмоционально окрашенную характеристику тех или иных способностей лица, особенностей проявления его психических и физических свойств: *вăй питти* «в полной силе, в расцвете сил», *астăн çивĕчлĕхĕ* «проницательность ума», *камăл çирĕплĕхĕ* «стойкость духа», *юрату каварĕ* «пламя любви», *курайманлăх хĕлхемĕ* «огонь ненависти» и др.

Нередко связанные значения слов живо и ярко дополняют смысловое содержание существительных с отвлеченной семантикой, являющихся семантически опорными словами в составе фразеологических сочета-

ний: *самах çиппи* «нить разговора», *шухăш çиппи* «нить мысли, размышления», *шухăш çăмхи* «клубок размышлений, мыслей», *шухăш çирĕплĕхĕ* «твердость решения, намерения», *самах тĕшши* «сущность, суть слова, ядро слова». Например:

Анна Алексеевна самантлăха шухăш çиппине татать те сехет çине пăхса илет (Юхм.) «Анна Алексеевна на мгновение прервала нить размышления и посмотрела на часы». *Шухăш çиппи мана таçта таилсе çитерет* (Чав. кал.) «Мысли (нить мыслей) куда только меня не приводят». [*Амăшĕн*] *шухăш çăмхине урамран килсе кĕнĕ икĕ ывăл ачипе тепĕр хĕрачи татрĕç* (Скв.) «Клубок мыслей [матери] прервали идущие с улицы два ее сына и дочь». *Шухăш çăмхи сӳтĕлме чарăнчĕ, çапах та пĕве çитнĕ сарă хĕр конверт хыççăн конверт уçать* (Тукт.) «Клубок мысли перестала разматываться, но девушка-красавица конверт за конвертом распечатывает» *Шухăш çирĕплĕхĕ те вара типшĕмленсе юлнă* (Кан.) «И твердость намерения оказалось тогда угасшей». *Самах тĕшши акасчĕ ман хастар çынсен чĕрисене* (Вороб.) «Посеять бы мне ядро слов в сердцах смелых людей (довести бы мне до сердец смелых людей сущность, выразительность слов)».

4.2. Структурная характеристика

По своему строению субстантивные фразеологические сочетания чувашского языка разделяются на два типа: 1) субстантивные фразеологические сочетания, соответствующие по структуре словосочетаниям, и 2) субстантивные фразеологические сочетания, соответствующие по структуре предложениям.

4.2.1. Субстантивные фразеологические сочетания, соответствующие по структуре словосочетаниям

Одни из фразеологических сочетаний названного типа имеют строение простых словосочетаний, другие— сложных словосочетаний.

Субстантивные фразеологические сочетания со структурой простых словосочетаний. Среди данных словесных соединений как наиболее типичные и продуктивные выделяются следующие структурные группы:

1) «имя существительное в основном пад.— имя

существительное в основном пад.» (фразеологические сочетания, соответствующие по форме изафету первого типа): *шĕкĕ пулă* «стерлядь» (букв.короед рыба), *курăк пулă* «свежая рыба» (букв. трава рыба), *çĕлен пулă* «угорь» (букв. змея рыба), *кĕмĕл пулă* «корюшка» (букв. серебряная рыба), *такмак чечек* «короставник полевой» (букв. кожаная сумка цветок), *пăхăр (туй) çĕлен* «медянка» (букв. медная или бронзовая змея), *Алтăр çăлтăр* «Большая Медведица» (букв. ковш звезда), *капан шăл* «кривой зуб» (букв. клык зуб), *ылтăн кĕркунне* «золотая осень», *вут сăмах* «пламенное слово» (букв. огонь слово), *çурла уйăх* «серп луна»;

2) «имя существительное в основном пад.— имя существительное в 3 лице ед. ч.» (фразеологические сочетания, соответствующие по структуре изафету второго типа): *пыл курăкĕ* «львиный зев, медуница» (букв. медовая трава), *сăс вути* «метлица» (букв. кудель трава ее), *кашкăр çырли* «волчьи ягоды», *шаши куршанакĕ* «чернокорень» (букв. мышиный репейник), *çĕр майăрĕ* «земляные орехи», *шаши хурчĕ* «светлячок» (букв. мышиный червь);

3) «имя существительное на *-лă(-лĕ)* — имя существительное»: *çăмлă хурт* «гусеница» (букв. мохнатый червь), *сĕтлĕ курăк* 1) «молочай, полевой осот» 2) «одуванчик, козлобородник» (букв. трава с молоком, молочная трава), *улмаллă утă* «хиновник», *виркĕслĕ пулă* «севрюга», *вутлă юрату* «страстная любовь» (букв. огненная любовь);

4) «имя прилагательное — имя существительное»: *йӳçĕ курăк* «кислица» (букв. кислая трава), *мăнтăр курăк* «лопух болотный» (букв. жирная трава), *сарă курăк* «горец» (букв. желтая трава), *хытă курăк* «донник» (букв. жесткая трава), *йӳçĕ кĕнçе* «свирбигуз» (букв. кислая трава), *шур чечек* «ромашка» (букв. белый цветок).

Субстантивные фразеологические сочетания со структурой сложных словосочетаний. Удельный вес названных субстантивных фразеологических сочетаний в современном чувашском языке незначителен. Среди них наибольшее распространение получили трехчленные. Например: *çур тырри пулли* «голец», *хăлха çакки курăкĕ* «одуванчик», *кайăк пуçути* «дятельник, ятлавник», *тум хаяр çырли* «вороний глаз», *йĕс тура курăкĕ* «герань луговая», *сар çип ути* «зверобой», *тутлă хупах*

курак «папоротник», *тĕклĕ тура тăмани* «название вида совы» и др.

4.2.2. Субстантивные фразеологические сочетания, соответствующие по структуре предложениям

В чувашском языке в форме предложений могут употребляться лишь субстантивные фразеологические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией. Они обычно имеют структуру «имя существительное в форме 3 лица ед. ч.— качественное прилагательное», образуются путем преобразования строения фразеологических сочетаний, имеющих форму словосочетаний.

Качественные прилагательные в связанных значениях в составе фразеологических сочетаний нередко изменяют свое обычное место, занимая постпозитивное положение по отношению к семантически опорным словам, что обусловливает приобретение фразеологическим сочетанием свойств коммуникативной единицы — предложения.

Преобразование строения субстантивных фразеологических сочетаний происходит не случайно. Они, имея форму коммуникативной единицы, получают возможность усилить свою характеризующую функцию. С нашей точки зрения, вполне правомерно говорить, что субстантивные фразеологические сочетания со структурой предложений имеют предикативно-характеризующее значение. Ср.: *Хĕрарăман çӳçĕ вăрăм, ăсĕ кĕске, теççĕ* (Посл.) «У женщины, говорят, волосы длинные, ум короток. *Çыраканăн чĕри хавшак, ăсĕ кĕтĕк пулсан, вăл ырăпа усала уйăрса илеймест пулсан, ун пек юрăсене вăл тупаймасть* (Долг.) «Если писатель малодушный, тупоумный, если не может отличать добро от зла, то он не может придумать такие песни». *Ăшăмра сăмах пур, Ах, чĕлхем пуклак* (Сем.) «В глубине души есть слова, Ах, я косноязычен (букв. язык мой тупой)». *Пысăк эсĕ, кăрнатир пек, калаçма чĕлхӳ пуклакрах* (Турх.) «Высокий ты, как гренадер, но немного косноязычен». *Чĕлхи-çăварĕ пит уçă* «У него речь ясная, свободная». *Пирĕн ялăн ачисен чĕлхи çемçе* (Ашм.) «У парней нашей деревни речь ласковая». *Унăн халаппи шултра* «Он говорит громко, не стесняется в выражениях, грубоват (но в то же время все это выходит как-то просто)». *Чĕлхе вичкĕн*

те, сăмахĕ мăка (Ват. сăм.) «Речь острая, но слова тупые». *Çитет, ват супна! Хаяр калаçан! Хăвна кура мар чĕлхӳ вичкĕн сан* (Элк.) «Хватит, старый хрыч! Злые слова говоришь! Речь твоя язвительная».

5. Глагольно-именные фразеологические сочетания *

5.1. Семантическая характеристика

Глагольно-именные фразеологические сочетания являются одним из наиболее распространенных структурно-семантических типов фразеологизмов современного чувашского языка. Они большей частью представляют собой двучленные, или бинарные, языковые образования, состоящие из имени существительного и глагола. Именные компоненты, как правило, выступают означающими отвлеченных понятий-значений, употребляются с номинативным, свободным значением, глагольное же слово имеет фразеологически связанное значение. В рассматриваемых фразеологических сочетаниях именные слова — это семантически ключевые слова, отличаются полнозначностью и функционируют в качестве полных знаков. Что касается глаголов, то они в одних случаях выполняют роль полных, в других случаях — роль частичных знаков. Это обусловлено тем, что глагольные слова в составе иных фразеологических сочетаний сохраняют свойственные им значения, в составе других в той или иной степени теряют реально-вещественное содержание, претерпевают десемантизацию. Глаголы, сохраняющие свое лексическое значение, как правило, характеризуются узкой сочетаемостью, указательный минимум слов, в сочетании с которыми они реализуют связанные значения, ограничивается одним или реже двумя-тремя словами. Так, например, глагол *тултар* («наполнить») значение «исполнить» выражает только в сочетании с именем существительным *кăмăл* «желание» в дательном пад.: *кăмăла тултар* «исполнить желание». В составе данного сочетания компонент *тултар* обладает свойством полновесного знака, хотя это каче-

---

* Глагольные фразеологические сочетания обычно выступают в виде глагольно-именных соединений слов, поэтому мы их будем называть глагольно-именными фразеологическими сочетаниями.

ство приобретается им лишь при посредстве семантически опорного слова *кăмăл* «желание».

Если взять лексико-семантический вариант «угнетать, мучить», присущий глагольной лексеме *пус* («давить»), то он вычленяется в контексте с тремя существительными (*тунсăх* «скука», *хуйхă* «горе», *шухăш* «мысль, раздумье»): *(чĕрене) тунсăх пусать* «тоска гложет мое сердце», *хуйăх пусать* «горе угнетает», *(уйрăлас) шухăш пусать* «мучит мысль (о разлуке)».

Следует подчеркнуть, что несмотря на то, что в приведенных фразеологических сочетаниях глагол сохраняет реально-вещественное содержание, в них между глагольными компонентами — словами в связанном значении и именами существительными — семантически опорными словами не возникает отношений грамматической зависимости, ибо глаголы лишены самостоятельного значения и, соответственно, автономной знаковой функции, т. е. характеризуются синсемантичностью. Следовательно, способность слова в связанном значении выступать в функции полного знака еще не свидетельствует о том, что оно семантически полнозначная единица языка.

Как было отмечено, нередко в глагольно-именных фразеологических сочетаниях глаголы в определенной мере утрачивают присущее им реальное значение. Часто выветривание вещественного значения глагола вызывает расширение границ его сочетаемости. Факты убедительно свидетельствуют, что в чувашском языке, как и в других языках, существует определенная закономерность: чем выше степень десемантизации глагола, тем шире его сочетаемость. Так, например, к глаголам с широкой сочетаемостью принадлежит *тыт* («держать») в связанном значении «произвести какое-либо действие (в соответствии со смыслом имени существительного)», которое проявляется в целом ряде глагольных фразеологических сочетаний: *вĕчĕ тыт* «злиться, держать зло, питать злобу, сердиться», *ĕмĕт тыт* «иметь надежду, питать надежду, надеяться», *кăмăл тыт* «возыметь расположение», *çилĕ тыт* «иметь зло, злобу, питать злобу; гневаться», *тав тыт* (устар.) «иметь тяжбу», *хастар тыт* «иметь желание, намерение», *шут тыт* «решить, задумать», *шухăш тыт* «иметь намерение, намереваться; надумать, задумать».

В отдельных случаях глагольные компоненты в сос-

таве фразеологических сочетаний, подвергшись десемантизации, становятся элементами, близкими по своей функции к вспомогательным глаголам. Такие глаголы, как правило, имеют широкую понятийную основу и, следовательно, широкий диапазон сочетаемости. Однако следует отметить, что масштаб их сочетаемости обычно не достигает той широты, какая характерна для вспомогательно-служебных слов. Эти глаголы сочетаются главным образом с определенными семантическими группами слов. К числу подобных глаголов относятся, прежде всего, *ту* «делать», *пар* «дать» в значении «произвести определенное действие, выраженное именем существительным»: *манăç ту* «предать забвению, забыть», *машкăл ту* «издеваться; порочить», *пехил ту* «благословлять», *пусмăр ту* 1) «угнетать, притеснять» 2) «изнасиловать», *сăтăр ту* «наносить вред; причинить вред», *çăхав ту* «пожаловаться», *çуй ту* «шуметь, поднимать шум и гам, кричать, галдеть», *тăкăк ту* 1) «израсходовать» 2) «нанести ущерб», *ӳпкев ту* «упрекнуть», *хăпăл ту* 1) «принимать радушно, сердечно, проявлять гостеприимство» 2) «приветствовать», *хăна ту* «угощать; принимать гостей», *хисеп ту* «почитать, оказывать почет, уважение», *хыпар ту* «сообщить, известить, оповестить, объявить», *чыс ту* 1) «почитать, оказывать почет» 2) «угощать», *шут ту* «надумать, задумать что-либо», *шӳт ту* «шутить, балагурить» и др.; *апат пар* «подкормить (посевы)», *пил пар* «дать благословление, благословить», *саса пар* «проголосовать», *сăй пар* «угощать; потчевать», *сĕнӳ пар* «дать совет, посоветовать», *хак пар* 1) «дать (настоящую) цену» 2) «дать оценку, оценить», *хисеп пар* «почтить», *элек пар* «клеветать, наушничать» и др.

Фразеологические сочетания, глагольные компоненты которых подверглись десемантизации, в зависимости от степени проявления названного семантического процесса, разделяются на две группы: 1) фразеологические сочетания, в которых глагол полностью утратил свойственное ему реально-вещественное содержание, и 2) фразеологические сочетания, в которых глагол частично лишился присущего ему реального значения.

В глагольно-именных фразеологических сочетаниях первой группы глагольный компонент грамматикализован и выполняет строевую функцию, аналогичную функ-

ции глаголообразующих аффиксов. В них глагольный компонент претерпел такой семантический сдвиг в значении, что он стал полностью морфологизованным элементом, имеющим обобщенное значение действия, или процессуальности. В устойчивых сочетаниях рассматриваемого вида глагол в соответствии со смыслом сочетающегося с ним имени приобретает значение конкретного действия или состояния. Ср.: *çука ер* «обеднеть, разориться», *кавча ил* «жениться, взять в жены», *ят ил* «прославиться; прослыть кем-чем-либо», *юл ил* (диал.) «набраться сил; поправиться», *харама кай* «пропадать даром; не идти на пользу», *хĕне кай* «впадать в продолжительную болезнь», *сая кай* «пропасть даром, без пользы», *вараха кай* «затянуться», *çутта калар* «просвещать», *асла калар* 1) «создать хорошее положение» 2) «повышать в должности», *ĕçлĕхрен калар* «привести в негодность», *çынлăхран калар* 1) «позорить клеветой» 2) «изуродовать, обезобразить», *ӳкĕте кĕр* «поддаваться на уговоры», *модăна кĕр* «войти в моду», *хута кĕр* «заступиться», *ĕçе кĕрт* «ввести в строй», *вырӑна кил* 1) «быть подходящим» 2) «идти на лад», *вырӑ (ыр) кур* 1) «хорошо относиться к кому-либо» 2) «быть счастливым, наслаждаться, пользоваться», *шар кур* «попасть в беду», *вырӑна кӳр* «выполнить (намерение)», *лата лар* «быть подходящим», *сас пар* «подать голос, промолвить что-либо», *куçран тайăл* «ослабеть зрением», *панкрута тух* «обанкротиться», *вăрăма яр* «затягивать (дело)».

Примечательной особенностью первой группы глагольно-именных фразеологических сочетаний является то, что они в языке выступают как единственно возможные названия действий или состояний. Язык не располагает глагольными лексическими единицами для наименования многих действий, состояний и процессов, и поэтому он использует аналитический способ их обозначения. Следовательно, глагольно-именные фразеологические сочетания первой группы дополняют «недостаточность» лексических средств в номинативном инвентаре языка, служащем для называния действий, состояний и процессов.

В глагольно-именных фразеологических сочетаниях второй группы глагольный компонент также выполняет строевую функцию, но, в отличие от фразеологических сочетаний первой группы, сохраняет связь с другими

его значениями. К данной группе, в частности, относятся следующие сочетания: *кĕлмĕçе ер* «обнищать, стать нищим», *хапăл ил* «принимать радушно», *сăнран кай (ӳк)* 1) «осунуться, побледнеть» 2) «спасть с лица», *самаха кĕр* «быть в ссоре; получить замечание или выговор, быть обруганным, затевать ссору», *шара кĕр* «попасть в беду», *сипе кил (пыр)* «идти на пользу», *пехил пар* 1) «завещать» 2) «благословлять», *çăхав пар* «сделать донос, наябедничать», *вăйран тайăл* «лишиться сил, обессилеть», *манăçа тух (юл)* «быть забытым, преданным забвению», *шухăша ӳк* «впадать в тоску, тосковать», *кивве юл* «устареть; выйти из употребления», *ухмаха яр* «свести с ума, сделать сумасшедшим» и др.

Характерной особенностью фразеологических сочетаний анализируемой разновидности является их синонимичность с простыми глаголами, и выражаемые ими значения, как правило, осложняются образно-экспрессивными оттенками, эмоциональностью и яркой стилистической окрашенностью. Данная группа фразеологических сочетаний и составляет глагольно-именные перифразы[21].

5.2. Функциональная характеристика

С точки зрения выполняемой функции глагольно-именные фразеологические сочетания бывают двух видов: 1) фразеологические сочетания с номинативной функцией и 2) фразеологические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией.

5.2.1. Глагольно-именные фразеологические сочетания с номинативной функцией

Основная роль фразеологических сочетаний названного вида состоит в том, что они обозначают действия, состояния и процессы. В составе фразеологизмов названного функционального типа глагольный компонент выступает или в виде морфологизованного элемента, или в качестве одного из его лексико-семантических вариантов. И в том, и в другом случае значение глаго-

---

[21] См. подр.: *Чернов М. Ф.* Глагольно-именные перифразы в современном чувашском языке.— В кн.: Вопросы фонетики, грамматики и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1982, с. 154—190.

ла не осложняется добавочными экспрессивно-эмоциональными оттенками.

Выделяются следующие основные тематические группы глагольно-именных фразеологических сочетаний с назывной функцией:

1) названия действий, связанных с явлениями природы: *пăр ларчĕ* «замерзла (о реке)», *кĕр ларчĕ* «наступила осень», *хĕл ларчĕ* «наступила зима» *(*çу ларчĕ, *çуркунне ларчĕ), шыв илнĕ* «затопило, замело водой что-либо», *ейĕве кайрĕ* «наступило половодье, вода разлилась», *тул çути килет* «светает», *(тырпула) аша тивре* «(хлеба) прихватило жарой», *(калчана) сивĕ тивнĕ* «(посевы) прихватило (или повредило) морозом», *аша анчĕ* «стало тепло», *тан тапать* «вода выступает на поверхность льда», *шыв (аяла) тарна* «(глубоко вниз) вода ушла», *(хĕл) сивви тарать* «(зимний) мороз ослабевает», *кун тавранчĕ* «день пошел на прибыль (после зимнего солнцестояния)», *уйах катална* «луна на ущербе», *шыв татална* «река вскрылась, начался ледоход»;

2) названия действий, связанных с хозяйственной деятельностью человека: *çу çап* «сбивать масло», *тыра кăлар* 1) «выйти в поле и посеять горсточку для того, чтобы положить начало сева» 2) «тайно продать хлеб», *тилхепе хур* «взваживать», *(лаша урине) шыв анна* «лошадь опоили», *кĕтӳ анчĕ* «стадо согнали в деревню», *çава çап* «отбивать косу», *çерем уç (ав, уç, ват)* «поднимать новину», *паранка чĕр* «окучивать картофель», *арман пĕве* 1) «запрудить мельничный пруд» 2) «устроить, поставить водяную мельницу», *улма çап* «собирать (срывать) все яблоки», *итем вар уç* «вычистить ток», *чăпта çап* «ткать кули», *тул турт* «покрывать материей (напр. шубу)», *çăмарта хăпарт* «сделать яичницу, жарить яичницу», *вут чĕрт* «затопить печку; зажечь лампу», *лаша çӳрет* 1) «водить лошадь (например, к жеребцу)», 2) «пускать лошадь куда-либо», *кĕрпе кăлар (çур)* «обдирать крупу», *çăм тап* «бить, чесать шерсть»;

3) названия действий, отражающих социально-бытовые отношения человека: *çыру пĕл* «быть грамотным, знать грамоту», *служба тат* «окончить, завершить службу», *ывăллăха ил* «усыновить», *усрава ил* «взять в приемыши», *çыру çӳрет* «переписываться», *сăмах çӳрет* «ходит молва, ходят слухи», *суда пар (хур)* «подать жалобу в суд», *салтака кай* «идти в солдаты, призываться в армию»;

4) названия действий, характеризующих физическое состояние человека: *(ăна) шалкăм çапнă* «(его) разбил паралич», *(ăна) асат хуçна (çапнă)* «у него искривление позвоночника», *сĕлтĕш кайнă* «ослаб» (о человеке), *(куçа) шур илнĕ* «глаз затянуло бельмом», *(сурана) ӳт илнĕ* «рана затянулась», *(ӳпкене) сивĕ ларнă* «у него застужены легкие», *ӳт хыврĕ* «пополнел, поправился»,*(ват) сăн çапнă* «постарел лицом», *(унăн) çуле çитнĕ* «он совершеннолетний», *(унăн) суппи çитнĕ* 1) «он дошел до изнеможения» 2) «он совсем одряхлел», *(стариканăн) сӳлли пĕтнĕ* «старик совсем обессилел», *ыйха татăлчĕ* «сон перебили», *ачаран тасалнă* «она перестала рожать», *(унăн) йӳнĕ пĕтнĕ* «уже лыка не вяжет», *чĕлхи çĕтнĕ* «лишился языка, способности говорить», *вар пăрать* «в животе режет».

5.2.2. Глагольно-именные фразеологические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией

В глагольно-именных фразеологических сочетаниях названной разновидности компонентом, придающим словесному соединению в целом выразительность, экспрессивную и стилистическую окрашенность, является слово в связанном значении, т е. глагольное слово. Именно оно в составе фразеологических сочетаний характеризуется коннотативностью, служит для экспрессивно-эмоционально-оценочных оттенков.

Фразеологические сочетания анализируемой разновидности предназначены большей частью для образной, экспрессивно-эмоциональной характеристики психического состояния человека. В качестве семантически ключевых слов обычно выступают общие имена существительные, обозначающие внутренний мир индивидуума: *ăш* «душа, сердце» *(ăша вырттар* «успокоить душу», *ăш вĕчĕрхенет* «злюсь», *ăш çунать* душа горит»), *ăшчик* «душа, сердце» *(ăшчике пусар* «успокоить душу», *ăшчик тăванса çитрĕ* «в душе некипела злоба»), *ĕмĕт* 1) «мечта» 2) «надежда» *(ĕмĕте тат* «потерять надежду, отчаяться», *ĕмĕт сӳнчĕ* «мечта угасла», *ĕмĕте çапса хуç* «разбить надежды»), *кăмăл* 1) «характер, свойство характера» 2) «настроение, самочувствие, расположение духа» 3) «желание» *(кăмăла пăс* «испортить настроение», *кăмăла сивĕт* «охладить пыл», *кăмăла тавăр*

«разочаровать», *камăла тултар* «исполнить желание»; «доставить удовольствие», *камăла хуç* «испортить настроение», *камăл пăлханать* «не спокойно на душе»), *кӳлешӳ* «ревность» (*чĕринче кӳлешӳ çуралчĕ* «его охватила ревность»), *пил* «расположение» (*пил туртмасть* «душа не лежит»), *çилĕ* «гнев, ярость, злоба, злость» (*çилли çавранчĕ* «гнев прошел», *çилли тăвалса (тулса) çитнĕ* «он кипит гневом, он воспылал гневом», *çиллине шăнараймасăр* «будучи вне себя от гнева»), *тăн* «сознание, рассудок» (*тăнĕ кайнă* «он лишился сознания, памяти»), *ăн-пуç* «сознание» (*ăнĕ-пуçĕ анăрарĕ* «у него сознание помутилось»), *тунсăх* «скука» (*тунсăх чĕрене çиет* «сердце грызет тоска»), *хуйха* «горе» (*хуйха тӳн* «впасть в горе», *хуйха ӳк* «расстроиться; загоревать», *хуйха пусрĕ* «навалилось горе»), *чĕре* «сердце, душа» (*чĕре вĕркет* «на сердце неспокойно», *чĕре саванăçпа тулчĕ* «сердце наполнилось радостью», *чĕре хускалать* «расстраиваюсь», *чĕрене пăшăрхантар* «встревожить сердце»), *чун* «душа» (*чун вĕр-вĕр тавать* «тоскую», *чун кĕчĕ* «пришел в себя, успокоился», *чун çӳçенет* «охватывает ужас», *чун (аш, ăшчик) тăванать* «рассердился», *чун тăварланать* «становится тяжело на душе», *чун туртмасть* «душа не лежит», *чун уçăлать* «радуюсь», *чун хытса çитрĕ* «сердце окаменело», *чуна кайса тивет* «сильно болит»), *шанчăк* «надежда» (*шанчăк сӳнмест-ха* «надежда еще не пропала», *шанчăка пĕтер* «убить надежду»), *шухăш* «мысль, душа» (*шухăш варанчĕ* «возникла мысль», *шухăш кĕнĕ* «образумился», *кил шухăшĕ ӳкрĕ пуç çине* «я задумался о доме», *шухăшĕ вылянать* «он легкомысленен»), *ыйха* «сон» (*ыйха тарчĕ* «сон пропал» (букв. сон убежал), *ыйха вĕçрĕ* «лишился сна» (букв. сон улетел), *мана ыйха пусать* «меня сон одолевает», *ыйха тат* «перебить сон»).

Целый ряд глагольно-именных фразеологических сочетаний с образно-экспрессивной функцией служит для характеристики физического состояния, внешних качеств человека: (*питĕнче*) *нар вылять* «на ее лице играет румянец», (*ача*) *пичĕ саванăçпа тулчĕ* «лицо мальчика просияло от радости», *çын санне пĕтернĕ* «дошел до крайней нравственной испорченности», *санĕ-пичĕ салхуланчĕ* «(у него) лицо мрачное», *сăрне памасть* (*пĕтермест*) «фасон держит, старается не ударить в грязь лицом (например, в отношении домашнего обихода, кос-

тюма и т. п.)», *сӳлли пӗтнӗ* «обессилел (от старости)», *тинке харчӗ* «замаялся»,*тинке тухрӗ* «измучился, измаялся; выбился из сил», *(ыванпипе) урасем çемçелчӗç* «(от усталости) ноги стали подкашиваться», *йăл (юл) ил* «набраться сил, поправиться», *(вăл) чӗлхерен юсать* «у него язык отнимается», *пӳ çит* «достичь совершеннолетия» и др.

В чувашском языке нередко встречаются глагольно-именные фразеологические сочетания с оценочно-образным значением, характеризующие социальное положение, материальные условия человека. Например: *кӗлмӗçе ер (юл)* «стать нищим, обнищать», *кӗлмӗçе кай* «идти с сумой по миру», *çука (юра) ер* «обеднеть, обнищать; разориться», *çука калар (хавар)* «разорить», *хавал ил* «окрепнуть», *сар ил* «заиметь, получить власть над кем-либо», *этеме ер* «стать людьми (самостоятельными)», *йӗксӗке тух* «обеднеть», *ыра (ыр) кур* «быть счастливым; наслаждаться», *хӗсӗке хавар* «поставить в затруднительное положение», *хӗсӗке юл* «быть в затруднительном положении», *хӗне юл* «впадать в нужду», *начара кай* «пойти в худшую сторону, ухудшаться», *çутта калар* «просвещать», *венчете тар (кӗр)* «идти под венец, венчаться».

5.3. Структурная характеристика

В чувашском языке глагольно-именные фразеологические сочетания бывают двух структурных типов: 1) глагольно-именные фразеологические сочетания, соответствующие по форме словосочетаниям, и 2) глагольно-именные фразеологические сочетания, соответствующие по форме предложениям.

Первый структурный тип глагольных фразеологических сочетаний разделяется на три группы: 1) «имя существительное в основном пад.— глагол»: *ăс тыт* «надумать, решиться», *тутă тыт* «быть питательным», *вăй пар* «придать силу кому-чему-либо», *укçа çап (ту)* «делать деньги, зашибать деньгу, загребать деньги», *май кур* «уличить момент», *чап ил* «прославиться, стать прославленным, известным», *расхут калар* «израсходовать», *вăй ил* «окрепнуть, набраться сил»; 2) «имя существительное в дательно-винительном пад.— глагол»: *ăра (ăр çулне, пӗве) çит* «достигнуть совершеннолетия, возмужать», *ăн-пуçа кӗр* «войти в разум; повзрослеть»,

кĕçĕне юл «стать униженным», *тӳрре тух* «оправдаться, доказать свою правоту», *ырра кăлар* «вывести на хорошую дорогу», *ухмаха кăлар* «свести с ума, лишить рассудка», *ыйха пут* «погрузиться в сон», *шухăша ӳк* «впасть в задумчивость», *намăса кĕр* «опозориться, осрамиться», *ӳкĕте кĕрт* «убедить»; 3) «имя существительное в исходном пад.— глагол», *вăйран кай* «выбиться из сил, обессилеть, ослабеть», *ăсран кăлар* «лишить рассудка, довести до сумасшествия», *ăсран тайăл* «выжить из ума, сойти с ума», *сăнран (сăнтан) ӳк* «похудеть, побледнеть».

В чувашском языке довольно широкое распространение получили глагольно-именные фразеологические сочетания, равнозначные по форме предложениям. Они главным образом совпадают по строению с простыми двусоставными предложениями. Например: *ăш вăркать* «в сердце тревога» (в ожидании беды), *ăшчик тулса çитет* «испытываю горечь, обиду», *ĕмĕт пăчланчĕ* «надежды рухнули», *кăмал тулчĕ* «исполнилось желание», *çилли тавранать* «он отходит, гнев его проходит», *тан тухрĕ* «замаялся», *чун вĕркĕшет* «сердце тоскует, беспокоится», *шухăш арпăшса кайрĕ* «мысли путаются», *çилли тулса çитрĕ* «он воспылал гневом».

ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

ИДИОМАТИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ

1. Идиоматические сочетания — составная часть фразеологизмов

История изучения идиоматических сочетаний в лингвистической литературе подробно освещена. Мы здесь не видим необходимости еще раз остановиться на этом вопросе. В настоящее время в языкознании прочно установилось мнение, что идиоматические сочетания — это несвободные соединения слов, определяющим признаком которых является целостность, или неразложимость, семантики.

В отечественном языкознании проблема неразложимых сочетаний слов как чрезвычайно важная не только для лексикологии, но и для грамматики была поставлена А. А. Шахматовым[1]. Ученый, рассматривая, в частности, сочетание *железная дорога,* отмечает, что оно по значению не разложимо, хотя с точки зрения грамматической возможно его расчленение на отдельные части. По мнению А. А. Шахматова, семантическая неразложимость соединения слов связана с ослаблением, а иногда даже с утратой грамматических отношений между компонентами. Учитывая это, он выделяет в качестве одного из типов неразложимых сочетаний слов словесные группы, представляющие собой «для современной языковой системы одинаково цельные и неразложимые как с синтаксической, так и с лексико-семантической точки зрения»[2].

Из зарубежных лингвистов большой вклад в изучение идиоматических сочетаний (фразеологических единств)

[1] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 1. Изд. 2. Л., 1941, с. 278, 308—309.

[2] Глубокая характеристика и оценка учения А. А. Шахматова о неразложимых словосочетаниях дана В. В. Виноградовым. См.: *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, с. 140—142.

как семантически целостных единиц языка внес Ш. Балли. Он определил два полярных типа сочетаний слов: 1) нестойкие сочетания — это сочетания, образующиеся в ходе речи, и 2) семантически неразложимые сочетания, или фразеологические единства,— это такие сочетания, в которых слова утратили свое лексическое значение и выражают определенный смысл, будучи неразрывно связанными между собой[3].

Ш. Балли определил и признаки фразеологических единств (идиом), на основе которых можно было бы отграничить их от других типов сочетаний слов. Фразеологические единства, по его мнению, характеризуются определенными внешними и внутренними признаками. Внешних признаков три: 1) раздельнооформленность; 2) неизменность порядка слов и 3) незаменяемость компонентов сочетания. Однако, как отмечает лингвист, внешние признаки ненадежны и могут быть приняты только как вспомогательные. В написании отдельные элементы фразеологического единства могут слиться в одно слово. Нередко неразложимые единства допускают и частичную замену слов, и их перестановку[4].

Основными признаками фразеологических единств, по утверждению Ш. Балли, считаются внутренние признаки: 1) тождественность всего выражения одному слову и 2) забвение значения составляющих элементов. С этим последним признаком, с его точки зрения, и связано то, что значение фразеологического единства не представляет собой сумму значений компонентов. «Словосочетание образует фразеологическое единство,— пишет Ш. Балли,— если составляющие его слова утратили всякое самостоятельное значение — таковым обладает все сочетание в целом, причем значение это новое, не равное сумме значений его составных частей»[5]. Так, Ш Балли впервые в истории языкознания заложил основы учения о невыводимости значения целого из значений частей как об основном признаке фразеологических единств. Кстати заметим, что он же является зачинателем фразеологии как раздела науки о языке.

Фразеологическая концепция Ш. Балли нашла дальнейшее развитие в работах В. В. Виноградова, посвя-

---

[3] *Балли Ш.* Французская стилистика, с. 87—89.
[4] Там же, с. 98—99.
[5] Там же,

щенных лексикологии и фразеологии. Словесные соединения, названные Ш. Балли фразеологическими единствами, ученый разделяет на два типа: 1) фразеологические сращения и 2) фразеологические единства.

Фразеологические сращения — это особый тип сочетаний слов, «абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака»[6]. «Фразеологические единицы этого рода,— пишет В. В. Виноградов,— ...немотивированы и непроизводны. В их значении нет никакой связи, даже потенциальной, со значением их компонентов. Если их составные элементы однозвучны с какими-нибудь самостоятельными, отдельными словами языка, то их соотношение чисто омонимическое»[7]. В качестве примеров приведены следующие сочетания слов: *кузькина мать* (употребляется в выражении *показать* кому-нибудь *кузькину мать*), *собаку съел* в чем-нибудь, *как ни в чем не бывало, и вся недолга* и др.

Основным признаком фразеологических сращений, по мнению В. В. Виноградова, является семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значения целого из значений компонентов. «Фразеологическое сращение,— подчеркивает он,— представляет собою семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов. Оно — химическое соединение растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей»[8]. Термин «идиома» В. В. Виноградов употребляет в качестве синонима термина «фразеологические сращение». «...Полное затемнение образа как семантического стержня выражения,— пишет он,— ведет к превращению фразеологической группы в идиоматическое сращение»[9].

В противоположность фразеологическим сращениям в фразеологических единствах «сохранились хотя бы слабые признаки семантической раздельности компо-

---

[6] *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, с. 145.

[7] Там же.

[8] Там же, с. 147.

[9] Там же, с. 148.

нентов,.. есть хотя бы глухой намек на мотивировку общего значения...»[10]. Ср.: *держать камень за пазухой, выносить сор из избы, стреляный воробей, плыть по течению* и др. Имея в виду соединения слов типа приведенных, В. В. Виноградов указывает, что в них «значение целого связано с пониманием внутреннего образного стержня фразы, потенциального смысла слов, образующих эти фразеологические единства»[11]. По мнению ученого, фразеологические единства в том отношении сближаются с сращениями, что являются потенциальными эквивалентами слов, но отличаются от них сложностью своей семантической структуры, потенциальной выводимостью общего содержания из семантической связи компонентов. Следовательно, фразеологические единства в интерпретации В. В. Виноградова имеют черты, общие с фразеологическими сращениями, а также черты, разграничивающие их. К общим чертам относится то, что и те, и другие характеризуются семантической неделимостью, выражают единое, целостное значение. Как видно, по главному, определяющему признаку два типа фразеологических единиц — фразеологические сращения и фразеологические единства полностью совпадают. Различаются они тем, что значение фразеологического единства может быть мотивировано значениями их составляющих компонентов (потенциальная выводимость общего смысла), а значение фразеологического сращения воспринимается как немотивированное (абсолютная невыводимость общего смысла).

Фразеологические единства, в отличие от фразеологических сращений, с точки зрения своеобразия выражаемого ими смысла представляют собой сложное и противоречивое явление, сущность которого глубоко раскрыта В. В. Виноградовым: «Во фразеологическом единстве слова подчинены единству общего образа или единству реального значения. Подстановка синонима или замена слов, являющихся семантической основой фразы, невозможна без полного разрушения образного или экспрессивного смысла фразеологического единства. Значение целого здесь абсолютно не разложимо на отдельные лексические значения компонентов. Оно как бы разлито в них — и вместе с тем оно

[10] Там же, с. 151.
[11] Там же.

как бы вырастает из их семантического слияния»[12]. Эта чрезвычайно важная мысль ученого позволяет сделать вполне правомерный вывод, что он в качестве основного признака фразеологических единств на первое место выдвигает неразложимость общего целостного значения на реальные значения слов («значение целого абсолютно не разложимо на отдельные лексические значения компонентов»), иными словами, невыводимость значения целого из значений частей.

Таким образом, выделенные В. В. Виноградовым два типа фразеологизмов — фразеологические сращения и фразеологические единства, по существу, характеризует и объединяет важный, существенный признак — семантическая неделимость, или нерасчлененность. С этой точки зрения, по нашему мнению, следует говорить не о двух семантических типах рассматриваемых фразеологических единиц (как принято до сих пор утверждать), а об одном, противопоставив его другому структурно-семантическому типу фразеологизмов — фразеологическим сочетаниям. Два типа фразеологизмов, названные сращениями и единствами, по сути дела, отражают не семантическое их разнообразие, а свойство значения фразеологизма быть или не быть мотивированным с синхронной точки зрения. Однако мотивированность или немотивированность семантики любой значимой единицы языка не относится к признакам, связанным с их смысловой структурой, поэтому она принципиально не может служить в качестве определяющего критерия при семантической классификации языковых элементов, в том числе и фразеологизмов. Мотивирование значения фразеологических единиц прежде всего связана с их этимологизацией. В самом деле, когда мы говорим о выводимости значения целого из значений частей, то имеем в виду возможность установления связи между переносным (образным) и буквальным значением сочетания слов. Однако сразу возникает вопрос, чем же определяется эта возможность выведения, или мотивировки, семантики фразеологизма (идиомы). Разумеется, зависит прежде всего от субъективных факторов: от уровня и профиля образования индивидуума, от широты кругозора, от его целеустремленного интереса и внимания к фактам языка.

[12] Там же, с. 155.

Для одного внутренняя форма той или иной идиомы вполне прозрачна, для другого не ясна, не понятна, хотя он свободно пользуется ею в повседневной речи, так как в ходе речевой практики хорошо усвоил значение идиоматического сочетания. Для человека, не знающего, что обозначает, например, идиоматическое выражение *(вёсен) çулĕ урла хура кушак каçса кайнă* «их дорогу черная кошка перебежала» — это свободное сочетание, в которых сочетающиеся компоненты употребляются с номинативным значением. Все сказанное говорит о том, что возможность или невозможность мотивирования выражаемого фразеологизмами смысла не может быть выдвинута в качестве объективного критерия для семантической классификации фразеологического материала того или иного языка. Однако это не означает, что мы игнорируем практическое и теоретическое значение выявления внутренней формы фразеологических единиц. С синхронной точки зрения вполне приемлемо выделение двух разновидностей идиом-фразеологизмов: 1) мотивированные: *кукша пуç* «одуванчик» (букв. лысая голова), *кара çавар* «болтун» (букв. раскрытый рот), *туклак ура* «неуклюжий в ходьбе» (букв. колотушка нога), *йыт пулли пек* «маленький и живой» (букв. как головастик), *выранпа вырт* «тяжело болеть»: 2) немотивированные: *турти кĕске* «вспыльчивый» (о человеке), *питне кĕççе çĕленĕ* «у него нет стыда» (букв. к своему лицу пришил войлок), *çичĕ ют* 1) «чужие люди (не родственники)» 2) «человек (люди) с чужой стороны» 3) «дальняя, чужая сторона».

При этом считаем необходимым подчеркнуть, что установление степени мотивированности значений фразеологических единиц возможно только научным путем — этимологическими изысканиями. Однако, как справедливо отмечает Н. Н. Амосова, «этимологическое объяснение языкового явления в большинстве случаев нейтрально по отношению к его актуальной сущности, оно не может считаться его конституирующим свойством и не имеет прямого влияния на его функционирование в речи»[13].

Исходя из вышеизложенного, мы считаем приемлемым сочетания слов, принятые называть фразеологическими сращениями и фразеологическими единствами,

[13] *Амосова Н. Н.* Указ. раб. с. 8.

объединить в один тип и именовать их идиоматическими сочетаниями, или идиомами-фразеологизмами, считая, что сращения и единства представляют собой устойчивые словесные комплексы, отражающие разные ступени идиоматизации[14].

Идиоматические сочетания представляют собой составную часть фразеологизмов. Они совпадают со свободными сочетаниями слов и с другим структурно-семантическим типом фразеологических единиц — фразеологическими сочетаниями лишь по внешнему оформлению; это связано с тем, что идиомы-фразеологизмы большей частью генетически восходят к названным типам сочетаний слов. По смысловому же содержанию они отграничиваются как от свободных соединений слов, так и от устойчивых словесных комплексов, называемых фразеологическими сочетаниями. От последних идиомы отличает один существенный признак — семантическая целостность, основанная на идиоматичности. Определяющий характер признака семантической неделимости для идиоматических сочетаний, т. е. для словесных соединений, которые в классификации В. В. Виноградова носят названия фразеологические сращения и фразеологические единства, раскрыт в ряде исследований, посвященных фразеологии[15].

Специфика смысловой структуры идиоматического сочетания отчетливо обнаруживается при сопоставлении его с другими типами соединений слов, в частности, со свободным сочетанием слов, совпадающим с идиомой по лексико-грамматическому составу. Любое двучленное сочетание полнозначных слов (если в его составе нет безусловно однозначных слов) представляет собой системный семантический контекст[16], т. е. такое соединение, в котором один из членов является семантически реализуемым словом, а другой член — ключевым, или

---

[14] Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с. 381—383.

[15] *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М., 1956, с. 203—230; *Амосова Н. Н.* Указ. раб., с. 72—103; *Кенесбаев С. К.* О некоторых особенностях фразеологических единиц в казахском языке.— Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения, вып. 1—2. Алма-Ата, 1954, с. 7—26; *Жуков* В. П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978, с. 8; *Ураксин З. Г.* Фразеология башкирского языка. М., 1975, с. 23—38; и др.

[16] *Уфимцева А. А.* Лексика.— В кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 430—431.

указательным, словом, актуализирующим то или иное значение семантически реализуемого слова[17].

Рассмотрим группу двучленных сочетаний слов, в которых семантически реализуемым словом выступает имя существительное *сăмса* «нос». Слово *сăмса* многозначное, в зависимости от состава указательного минимума в нем вычленяются различные значения (лексико-семантические варианты).

Прямым, номинативным значением существительного *сăмса* «нос» является лексико-семантический вариант «орган обоняния, находящийся на лице человека». Он реализуется в структурно-семантических моделях «субъект — действие — объект», «субъект—действие» и «атрибут — объект (или субъект)». В первом случае в качестве субъекта выступает широкий круг одушевленных и неодушевленных имен существительных, действие которых переходит на объект, обозначенный словом *сăмса* «нос»: *сăмсана чăраш шăрши çапать* «бьет в нос запах ели», *йывăç сăмсана ыраттарчĕ* «деревом ушибло нос», *Петĕр сăмсаран тĕкрĕ* «Петр (меня) ткнул (чем-либо) в нос». Во втором случае в виде субъекта выступает предмет, названный существительным *сăмса* «нос»; действие, исходящее из этого предмета, как правило, непереходное: *сăмса ыратать* «нос болит», *сăмса шыçрĕ* «нос распух», *сăмса питĕрĕнсе ларчĕ* «нос заложило». В третьем случае существительное *сăмса* «нос» может быть в позиции как субъекта, так и объекта: *лапчак сăмса* «сплюснутый нос», *курпун сăмса* «горбатый нос, нос с горбинкой», *пысăк сăмса* «большой нос» и т. п.

Другое номинативное значение лексемы *сăмса* «орган обоняния, а также часть морды, являющаяся наружной частью органа обоняния животного» реализуется в окружении ключевых слов, обозначающих животных: *тилĕ сăмси* «лисья морда», *лаша сăмси* «морда лошади», *сысна сăмси* «рыло свиньи» и т. п.

Указательный минимум, актуализирующий у имени существительного *сăмса* «нос» значение «передняя часть чего-либо», состоит из имен существительных, обозначающих большей частью средства передвижения: *кимĕ*

---

[17] Совокупность ключевых слов, актуализирующих определенное значение слова, будем называть указательным минимумом. См. *Амосова Н. Н.* Указ раб., с. 28.

сăмси «нос лодки», *карап сăмси* «нос корабля», *баржа сăмси* «нос баржи», *самолет сăмси* «нос самолета», *танк сăмси* «нос танка» и т. п.

Со словами, обозначающими птиц, *сăмса* «нос» выражает значение «роговое двустворчатое окончание рта» (русск. соотв.: клюв): *хурчка сăмси* «клюв ястреба», *ула кайăк сăмси* «клюв дятла» и т. п.

В лексико-семантическом плане каждое из приведенных сочетаний слов представляет собой двучленное соединение слов, между компонентами которых наблюдется четкое распределение семантических функций: один из них (*сăмса* «нос») — семантически реализуемое слово, другой — указательное слово, т. е. каждое сочетание — это семантический контекст. С точки зрения лексико-грамматической организации приведенные словесные соединения — это словосочетания, т. е. сочетания слов, образованные на основе подчинительной связи одного компонента с другим.

Поскольку семантические контексты образуются в соответствии с синтаксическими моделями словосочетаний и предложений, постольку грамматические отношения между компонентами накладываются на их семантическую связь, хотя грамматические отношения не всегда совпадают с отношениями семантической зависимости одного члена семантического контекста от другого (ср.: *карап сăмси; сăмси* — грамматически господствующее, но семантически зависимое слово, *карап*—грамматически зависимое, но семантически опорное слово). При этом важно учитывать, что рамки семантического контекста и словосочетания нередко могут не совпадать. Ср. примеры: 1. *Икĕ лаши те, капăкла сăмса шăтăкĕсене сарса, вĕри сывлаççĕ* (Игн.) «Обе лошади, раздувая вспенившиеся ноздри, горячо дышат». 2. *Канкăвак карап тăсна сăмсине, калăн, чуп тăвать пĕлĕт хĕррине* (С. Ш.) «Голубой-голубой корабль вытянул свой нос, словно целует небосклон». 3. *Кепкине вăл кутăн лартнă — Сăмсипе хыçалалла* (Хус.) «Кепку поставил задом наперед — козырьком назад».

В первом предложении границы семантического контекста и словосочетания сходятся, составляя одно и то же соединение слов *сăмса шăтăкĕ* «ноздри» (букв. дыры носа). Во втором и третьем предложениях компоненты семантических контекстов (*карап сăмси* «нос корабля» и *кепка сăмси* «козырек кепки») оказались в

разных словосочетаниях (*кăн-кăвак карап* «голубой-голубой корабль» — *тăсна сăмсине* «вытянул свой нос», *кепкине лартнă* «поставил кепку» — *сăмсипе хыçалалла* «козырьком назад»).

Рассмотренные примеры показывают не только то, что семантические контексты и грамматические сочетания слов не всегда бывают адекватными по составу, но и раскрывают их структурные различия. Последние непосредственно зависят от характера связи компонентов как семантических единиц, с одной стороны, и лексико-грамматических единиц, с другой. В синтаксическом сочетании на первом плане стоят грамматические отношения между составляющими членами. В семантическом же контексте существенную и определяющую роль играет семантическая связь компонентов. С таким своеобразием семантических контекстов и связано то, что их составные части могут быть в разных грамматических отношениях друг с другом: семантически реализуемое слово может выступать и как грамматически главное слово, и как грамматически зависимое слово. Изменение грамматических функций членов семантического контекста не вызывает семантических сдвигов сочетающихся слов. Все эти описанные особенности семантического контекста объясняются тем, что они, как правило, представляют собой соединение двух четко выделяемых значимых частей — семантически реализуемого слова и ключевого слова, от которого исходит указание на семантику. Следовательно, членимость смысловой структуры семантического контекста вытекает из самой его природы.

Возьмем теперь идиоматическое соединение *йĕпе сăмса* в значении «молокосос, очень молодой, незрелый человек». Оно возникло в результате метонимического переноса семантики словосочетания *йĕпе сăмса* «мокрый нос». В данном словосочетании *йĕпе сăмса*, на почве которого возникла упомянутая идиома, функционально четко противопоставлены две семемы, каждая из которых непосредственно связана с отдельным фрагментом реального мира, а в сочетании в целом выражается связь между семемами, в которой отражается отношение между фактами действительности. В ряду указательных слов, реализующих лексико-семантический вариант «орган обоняния человека, находящийся на лице», свойственный лексеме *сăмса* «нос», наряду с

йĕпе «мокрый» *(йĕпе самса)*, могут быть и другие прилагательные, характеризующие названный предмет с разных сторон: *лапчăк самса* «приплюснутый нос», *сăрлака самса* «широкий нос», *пысăк самса* «большой нос», *усăк самса* «отвислый нос» и т. п. Стабильность значения семантически реализуемого слова *самса* «нос» и при изменении состава указательных слов еще раз подтверждает вывод о семантической членимости синтаксических сочетаний слов.

Если взять идиоматическое сочетание *йĕпе самса* «молокосос», то в нем не вычленяется ни одно из перечисленных выше значений имени существительного *самса* «нос», также и прилагательное *йĕпе* «мокрый» не реализует тех значений, которые зафиксированы в словарях[18]. Дело в том, что для выражения значения «молокосос» использовано словосочетание *йĕпе самса* «мокрый нос», что и вызвало переосмысление его семантики. Здесь происходит известный в языке процесс смыслообразования. Определенное сочетание (в нашем случае, словосочетание *йĕпе самса)* как форма отражения некоторого «кусочка» действительности переносится на другой факт реальности и становится номинацией этого факта. Так происходит приобретение сочетанием слов нового значения, направленного на новый факт действительности, с которым компоненты переосмысленного соединения слов непосредственно не соотносятся. В этих условиях они (компоненты) утрачивают свою актуальность, подвергаются десемантизации и превращаются в такие означающие, которые лишь при совместном функционировании называют тот или иной «кусочек» действительности и выражают значение, связанное с этим «кусочком». Следовательно, словесное соединение *йĕпе самса* «молокосос» — это такое сочетание слов, которое только в целостном виде, всем своим составом, выступает средством выражения определенного значения.

Рассмотренное идиоматическое сочетание *йĕпе самса* «молокосос» по своим формальным качествам идентично свободному сочетанию слов *(йĕпе самса* «мок-

---

[18] Так, в «Чувашско-русском словаре» (М., 1982) указаны следующие значения *йĕпе:* 1) «сырость, влажность; сырой, мокрый, влажный; сыро, мокро, влажно 2) «ненастье, непогода; дожди, слякоть; ненастный, дождливый» (с. 127).

рый нос»). В чувашском языке большинство идиом по своей материальной фактуре совпадает с синтаксическими сочетаниями. Однако изредка встречаются идиомы-фразеологизмы, не имеющие прототипов, или первообразных словесных соединений, среди свободных сочетаний слов. К таковым, в частности, относится *кĕҫҫе пит* «бесстыдник, бесстыжие глаза» (букв. войлок лицо, войлочное лицо). Приведенное сочетание в языке бытует только как идиома; конечно, теоретически свободное сочетание *кĕҫҫе пит* «войлочное лицо» допустимо, но в речевой практике такого соединения лексических единиц не может быть: действует фактор несовместимости лексических значений компонентов названного сочетания слов.

Имя существительное *кĕҫҫе* «войлок» — однозначное слово, поэтому реализация его значения не зависит от лексического окружения. Существительное *пит* «лицо» — слово многозначное, имеет следующие значения: 1) «передняя часть головы человека» (*пит шал* «вытирать лицо», *пит ыратать* «лицо болит»); 2) «передняя часть головы животного» (*кушак питне ҫавать* «кошка умывается» (букв. кошка морду моет); 3) «лицевая часть или поверхность чего-либо» (*кĕнекен пит енĕ* «лицевая сторона книги»); 4) «затвердевший, наружный слой хлеба, пирога и т. п.» (*ҫăкăр пичĕ* «верхняя корка хлеба»); 5) «крышка из какого-либо твердого материала, в которую заключают, переплетают книгу, тетрадь и т. д.» (*кĕнеке пичĕ* «переплет книги»). В чувашском языке не найдем ни одного другого сочетания слов, где бы существительное *кĕҫҫе* «войлок» функционировало в качестве ключевого слова при реализации именем существительным *пит* «лицо» какого-либо из перечисленных его значений. Более того, существительное *кĕҫҫе* в соединении *кĕҫҫе пит* «бесстыдник» представлено в совершенно ему несвойственном лексическом окружении. Это свидетельство того, что в сочетании *кĕҫҫе пит* нет отношений семантической зависимости между компонентами, причем значение ни одного из компонентов рассматриваемого сочетания *кĕҫҫе пит* не актуализирует тот смысл («бесстыдник, бесстыжие глаза»), который заключен в него.

Таким образом, здесь мы так же, как и в случае с сочетанием *йĕпе сăмса* в значении «молокосос, сопляк», имеем дело с особым типом сочетаний слов, в которых

отсутствует характерное для синтаксических сочетаний распределение семантических функций между их компонентами. Соединения слов такого типа характеризуются тем, что в них не выделяются ни семантически реализуемое слово, ни указательное слово, т. е. они не образуют семантических контекстов. В основе этой важной особенности анализируемых сочетаний *йёпе самса* «молокосос» и *кёҫҫе пит* «бесстыдник» лежит целостность, или неделимость, семантики. Семантическая целостность (т. е. нерасчленяемость семантики на раздельно осознаваемые значения) — это определяющий признак идиоматических сочетаний, отграничивающий их от других типов словесных соединений — свободных сочетаний слов и фразеологических сочетаний.

Признак семантической неделимости идиом-фразеологизмов обусловливает ряд других их особенностей, таких, как отсутствие у компонентов идиом парадигматических и синтагматических свойств, отсутствие между их составляющими частями грамматических отношений, индивидуальный характер значения.

Остановимся на каждой из указанных особенностей идиоматических сочетаний.

Специфика функционирования компонентов идиом отчетливо обнаруживается при сопоставлении их с компонентами омонимичных свободных сочетаний. Для примера возьмем свободное предложение *алли кукăр* «у него рука кривая» и совпадающее с ним по лексическому составу и грамматическому строению, но омонимичное по смыслу идиоматическое выражение *алли кукăр,* употребляющееся в значении «(он) склонен к воровству, мошенничеству; плутоват, вороват» (русск. соотв.: нечист на руку) и сравним парадигматические и синтагматические свойства их компонентов. В свободном предложении *алли кукăр* «у него рука кривая» каждое из образующих его слов обладает лексической самостоятельностью, поэтому может находиться в определенных смысловых (синонимических, антонимических и т. п.) отношениях с другими словесными единицами. Ср.: *алли кукăр* «у него рука кривая» — *алли кукăр мар* «у него рука не кривая» — *алли тӳрĕ мар* «у него рука не прямая» — *алли тӳрĕ* «у него рука прямая».

Компоненты сравниваемого синтаксического сочетания *алли кукăр* имеют свойство распространяться другими словами. Ср.: *унăн сусăр алли кукăр* «у него ране-

ная рука кривая», *сылтăм алли ытла та кукăр* «у него правая рука очень кривая».

Иные качества мы наблюдаем у компонентов идиомы *(унăн) алли кукăр* «(он) нечист на руку». Прежде всего укажем, что они теряют способность вступать в парадигматические отношения с другими единицами лексической системы, замена какого-либо компонента идиомы, как правило, приводит к разрушению ее смысловой структуры. В составе идиоматического сочетания компоненты лишаются свойственных им в обычных сочетаниях слов синтагматических признаков. Так, например, в рассматриваемой идиоме *алли кукăр* «(он) нечист на руку» ни один из компонентов в отдельности не может сочетаться с другими словами. Распространение какого-либо компонента идиоматического сочетания обычно расстраивает его смысловую структуру и превращает в обычное свободное сочетание. Ср.: *унăн алли питĕ кукăр* «у него рука очень кривая», *алли кукăр пулнă* «у него рука была кривая». Идиоматическое сочетание *алли кукăр* «нечист на руку», будучи по своей семантике неделимой единицей языка, в ходе речевой деятельности вступает в связь с другими словами или словесными комплексами в целостном виде. Ср.: *Сахвине карчăкăн алли кукăр — ăна тахçанах асăрханă* (Турх.) «Старуха Сахвине нечиста на руку — это давно заметили». — *Кам пĕлет, тен, пулнă та пулĕ. Константинов алли кукăрринĕ пурте пĕлеççĕ* (Кр.-А.) «Кто знает, может и было. То, что Константинов нечист на руку, все знают». *Йыттăн хăри кукăр, пуянăн алли кукăр* (Ват. сăм.) «У собак хвост кривой, у богатого руки воровatые».

Отсутствие парадигматико-синтагматических свойств компонентов идиомы связано с тем, что они являются словами, лишенными свойственных им лексических значений и утратившими номинативную функцию. «Идиомы,— отмечает В. Н. Телия,— это уже не сочетания слов в строгом смысле: слитность значений идиом выражается в невозможности расчленить его так, чтобы хоть один лексический компонент мог реализовать отдельное же номинативное значение, возможное для этого компонента в обычном (вне данного сочетания) употреблении, не нарушив при этом значения идиомы...»[19]. Следовательно, связанность компонентов идио-

[19] *Телия В. Н.* Фразеология, с. 502.

матических сочетаний вызвана их функцией совместной номинации, т. е. их свойством называть факты действительности и функционировать в качестве означающих лишь при обязательном совместном употреблении. Такого рода связанность слов определяет другие признаки идиом-фразеологизмов, как устойчивое соотношение социально закрепленного за ними значения и лексико-грамматических средств для выражения этого значения и воспроизводимость в речи в качестве готовых единиц языка.

Далее сопоставим идиоматическое сочетание со словосочетанием как одним из видов синтаксических структур. Словосочетание образуется путем соединения двух или более знаменательных слов (или слова и формы слова) на основе подчинительной грамматической связи. Оно, как правило, состоит из двух частей: грамматически главенствующего слова и грамматически зависимого слова. В основе словосочетаний лежат отношения грамматической зависимости одного компонента от другого. В них на основе формальных связей между грамматически господствующим словом и грамматически зависимым словом возникают определенные смысловые отношения: определительные, обстоятельственные, объектные, субъектные и др. Например, в словосочетании *сăмсана (чăраш шăрши) çапать* «бьет в нос (запах ели)» наблюдается объектное отношение, а в словосочетаниях *лаша сăмси* «морда лошади», *ата сăмси* «носок сапога», *çăкăр сăмси* «горбушка хлеба» между компонентами существуют определительные отношения.

Что касается идиоматических сочетаний, то в них не выражены логико-грамматические отношения между составляющими их словами, ибо они, перестав соотноситься с фактами действительности, утратили свойственное им значение и знаковую функцию.

То, что идиомы-фразеологизмы по внешнему оформлению совпадают с синтаксическими сочетаниями слов, является лишь показателем генетической связи первых со вторыми, иначе говоря, это есть сохранение идиомами внешнего строения тех сочетаний, на базе которых они образовались. Однако следует отметить, что идиоматические сочетания не всегда возникают преобразованием семантики свободных соединений слов. В чувашском языке, как и в других языках, встречаются и идиомы, не имеющие идентичных с ними по лексико-

грамматическому составу переменных сочетаний (например, *тăм çамка* «болван»; букв. глиняный лоб). Воспроизведение в фразеологических единицах грамматического строения синтаксических структур В. В. Виноградов справедливо считает лишь уступкой языковой традиции, пережитком прошлого. Однако ученый высказал эту мысль, имея в виду словесные соединения, названные им фразеологическими сращениями. В фразеологических единствах, по мнению В. В. Виноградова, «грамматические отношения легко различимы,... могут быть сведены к живым современным синтаксическим связям»[20]. «Потенциальная лексическая делимость как основной признак фразеологического единства, отличающий его от фразеологического сращения,— отмечает он,— естественно предполагает и синтаксическую разложимость словосочетания»[21]. Однако, с нашей точки зрения, и во фразеологических единствах «живость синтаксических связей» и «потенциальная лексическая делимость» — это лишь традиционное воспроизведение лексико-грамматических связей компонентов тех сочетаний, которые для них являются этимологически исходными. Исходя из современного состояния языка, в фразеологических единствах так же, как и в фразеологических сращениях, лексико-грамматические отношения между компонентами не выделяются, стерты, потому что они (компоненты) в этих соединениях — это семантически опустошенные слова.

С признаком неделимости значения связана другая, важная особенность идиоматических сочетаний, отличающая их от синтаксических. Любое синтаксическое сочетание создается в процессе речевой деятельности в соответствии с синтаксическими моделями словосочетаний или предложений. Так, например, словосочетания *пӳрт ту* «строить дом» (букв. делать дом), *сăра ту* «пиво варить» (букв. пиво делать), *сăвă çыр* «сочинять стихи» (букв. писать стихи), *ыраш выр* «жать рожь», *тир сӳ* «снимать шкуру (с животного)» являются конкретными фактами реализации типового, или обобщенного, значения, которое в языке выражается структурно-семантической моделью «имя существительное в основном пад.— глагол». Данное значение образуется на ос-

[20] *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, с. 157.

[21] Там же.

нове объектного отношения, существующего между членами структурной схемы. В соответствии с этой схемой, или моделью, в ходе речи создается бесконечное число словосочетаний, выражающих объектное значение. Таким образом, синтаксические сочетания слов возникают в речи, исходя из целей высказывания, в рамках существующих в языке структурно-семантических моделей, иными словами, названные соединения слов характеризуются моделируемостью. Идиоматические же сочетания, если иметь в виду отмеченные особенности синтаксических (свободных) сочетаний, являются прямой противоположностью им.

В качестве примера возьмем идиому *тир сӯ* «беспощадно, жестоко эксплуатировать, притеснять кого-либо» (букв. снимать шкуру; русск. соотв.: *драть шкуру*). Несомненно, она возникла в результате переосмысления значения словосочетания *тир сӯ* «снимать шкуру (с животного)». Бесспорно и то, что компоненты идиомы *тир сӯ* «драть шкуру» не выражают реальных отношений между понятиями, и поэтому между ними отсутствуют отношения семантической и грамматической зависимости. Они исчезли с утратой компонентами сочетания *тир сӯ* присущих им значений по мере приобретения данным словесным единством нового смысла. В процессе семантического перерождения словосочетания порывают связь с той структурно-семантической моделью, на основе которой они образовались. Семантика таких вторичных, или производных, соединений слов индивидуализируется. Поэтому значение каждого отдельно взятого идиоматического сочетания следует рассматривать не как проявление типового значения, синхронно связанного с какой-либо синтаксической моделью.

Таким образом, идиоматические сочетания отличает от синтаксических целый комплекс признаков: отсутствие семантической и грамматической зависимости между компонентами, отсутствие у компонентов парадигматико-синтагматических свойств, немоделируемость, индивидуальный характер значения. Все эти особенности идиом-фразеологизмов обусловлены главным, определяющим их признаком—нерасчлененностью семантики. Семантическая неразложимость словесных единств названного типа в свою очередь вызывается тем, что с фактом действительности соотносится значение, при-

сущее всему сочетанию в целом, а не каждому его компоненту в отдельности.

Идиоматические сочетания по характеру своей семантики имеют больше черт общности со словами, чем с другим типом фразеологизмов — фразеологическими сочетаниями. Они, подобно словам, обладают индивидуальным значением, связанным с определенным фактом действительности. Это значение принято называть фразеологическим[22].

Составной частью фразеологического значения является категориальное, или грамматическое, значение. Последнее определяет принадлежность идиоматических сочетаний к тому или иному семантико-грамматическому разряду (субстантивные, глагольные и т. д. идиоматические сочетания), обусловливает их общую категориальную значимость (предметность, процессуальность, признаковость и т. д.), а также особенности их видоизменения (для субстантивных идиоматических сочетаний — склонение, число и т. д.; для глагольных — спряжение, залог и т. д). Показателем грамматического значения в идиомах-фразеологизмах большей частью выступают стержневые компоненты[23], иначе говоря, категориальное значение идиом получает отражение в морфологических свойствах стержневого компонента, которые являются свойствами идиоматических сочетаний в целом. Во многих случаях эти стержневые компоненты являются генетически главными (стержневыми) компонентами словосочетаний (например, *çунат сар* «расправить крылья», *йыта хавала* «собак гонять», *пиçмен пашалу* «недотепа») или предикативными словами в составе предложений (*хĕвел пахать* «кто-либо смеется (после того, как только что поплакал)».

В составе идиоматических сочетаний не всегда мож-

[22] *Жуков В. П.* Указ. раб., с. 14; *Ураксин З. Г.* Указ. раб., с. 21—22.

[23] В идиоматических сочетаниях, по существу, не выделяется ни семантически, ни грамматически стержневое (главное) слово, ибо в них компоненты утратили свойственные им лексические значения и, следовательно, грамматические значения. Мы здесь и далее термин «стержневой компонент» употребляем не в смысле грамматически главенствующего слова (как, например, в словосочетании), а в значении компонента-слова, оформляющего грамматическое значение идиоматического сочетания в целостном виде и обеспечивающего его синтагматическую связь. При такой интерпретации стержневые компоненты еще можно называть грамматически опорными словами.

но определить стержневые компоненты. Так, в идиоме *(вёсен) çулĕ урла хура кушак каçса кайнă* «(их) дорогу черная кошка перебежала» не вычленяется грамматически опорное слово, по форме которого можно было бы указать на ее категориальное значение. В таких случаях грамматическое значение идиом определяется, исходя из категориальных свойств слова, с которыми они вступают в смысловую и грамматическую связь, иными словами, на основе их синтаксической функции.

Категориальным значением определяется роль идиоматических сочетаний в предложении: они выполняют те же синтаксические функции, какие свойственны лексико-грамматическим разрядам слов, с которыми соотносятся по обобщенному, грамматическому, значению.

Таким образом, на фразеологическое значение, свойственное конкретному идиоматическому сочетанию, накладывается грамматическое значение, присущее определенному семантико-грамматическому разряду идиом. Последнее (грамматическое значение) определяет их функциональную значимость в речи.

Исходя из вышеизложенного, идиоматическому сочетанию можно дать следующую дефиницию: идиоматическое сочетание — это семантически несвободное сочетание слов, воспроизводимое в речи как готовая единица языка, характеризующаяся семантической нечленимостью (слитное значение), устойчивым соотношением определенного значения и лексико-грамматического состава и соотносительностью по категориальному значению и грамматической функции с определенным лексико-грамматическим разрядом слов.

2. Классификация идиоматических сочетаний по соотносительности с частями речи

Соотносительность идиоматических сочетаний с определенными лексико-грамматическими разрядами слов, т. е. с частями речи, является одним из их дифференциальных признаков. Такого мнения придерживаются многие лингвисты[24].

[24] *Жуков В. П.* Указ. раб., с. 30—56; *Молотков А. И.* Основы фразеологии русского языка. Л., с. 126—150; *Ураксин З. Г.* Указ. раб., с. 53—82; *Бондаренко В. Г.* О соотнесенности фразеологических единиц и частей речи в современном русском языке.— В кн.: Вопросы теории и истории русского языка. Калуга, 1971, вып. 4, с. 113—117; *Гришанова В. Н.* Фразеологические единицы в их соот-

В чувашском языке по соотносительности с той или иной частью речи выделяются следующие четыре основных семантико-грамматических разряда идиоматических сочетаний: субстантивные, адъективные, адвербиальные и глагольные.

3. Субстантивные идиоматические сочетания

Субстантивные идиоматические сочетания по категориальному свойству и функциональным особенностям соотносятся с именами существительными: являются обозначениями субстанций (предметов, явлений, лиц). Предметность, или субстанциональность,— это один из определяющих признаков идиом-фразеологизмов названного семантико-грамматического разряда. Она находит свое выражение в тех же грамматических категориях (число, падеж, категория притяжательности), какие свойственны именам существительным. Это значит, что категориальные свойства субстантивных идиоматических сочетаний проявляются через их стержневые компоненты. Формы изменения последних являются формальным признаком идиом как семантически целостных соединений слов. Так, например, к субстантивным идиомам-фразеологизмам относится словесное соединение *тăм пăшал* «болван, остолоп, балда» (букв. глиняное ружье). Оно, как и существительное, имеет свойство изменяться по падежам, грамматически выраженное формами словоизменения стержневого компонента. Ср.: *тăм пăшал* «болван» (основной пад.) — *ку тăм пăшалăн* (родительный пад.) *нимĕн те çук* «у этого болвана ничего нет» — *ку тăм пăшала* (дательный пад.) *курас килми пулчĕ* «этого болвана больше видеть не могу» — *çав тăм пăшалпа* (творительный пад.) *мĕн калаçмалли пур* «с этим болваном нечего разговаривать» — *çав тăм пăшалсăр та* (лишительный пад.) *пурăнма çук* «и без этого болвана невозможно жить» — *тăм пăшалшăнах* (целевой пад.) *нуша куратăп* «из-за этого болвана мучаюсь» — *кĕнеке çав тăм пăшалра* (местный пад.) «книга у этого болвана», *тăм пăшалран* (исход-

несенности с частями речи в русском языке.— Русский язык в школе. М., 1981, с. 94—98; *Орлова В. И., Семенова Т. Н.* Об ассиметрии в сфере русской фразеологии.— В кн.: Русский язык в Среднем Поволжье. Сборник статей. Вып. 2. Чебоксары, 1977, с. 83—86 и др.

ный пад.) *хапайрас çук ĕнтĕ* «невозможно теперь отделаться от болвана».

Субстантивным идиоматическим сочетаниям подобно существительным свойственно, как отмечалось, изменение по числам, если это не приводит к разрушению семантической структуры идиом. Ср.: *тӳр пилĕк* (ед. ч.) «лентяй» (букв. прямая поясница) — *тӳр пилĕксем* (мн. ч.) лентяи», *кукăр ала* (ед. ч.) «вор; вороватый» (букв. кривая рука) — *кукăр алăсем* (мн. ч.) «воры; воровatые», *тăм пăшал* (ед. ч.) «болван» — *тăм пăшалсем* (мн. ч.) «болваны», *кара çăвар* (ед. ч.) «болтун» (букв. раскрытый рот) — *кара çăварсем* (мн. ч.) «болтуны», *йĕс пыр* (ед. ч.) «привередливый в еде» (букв. медная глотка) — *йĕс пырсем* (мн. ч.) «привередливые в еде».

Общность субстантивных идиоматических сочетаний с именами существительными обнаруживается и в том, что они могут осложняться аффиксами *-и, -скер,* в особенности в позиции субстантивных обособленных оборотов. Например:

Каярахпа вара ку, вата каркки, унан хĕрĕ çумне, Соня çумне сапса пек çыпăçма пуçланă мĕн (Кр.-А.) «Оказывается, потом этот, старый хрыч (букв. старый индюк), стал, как оса, приставать к его дочери, к Соне».— *Людмила Ивановна, сире канаш парас салтавпа чĕнсеттĕм,— пуçларĕ унтан Петр Иванович.— Мĕн канаш парăр-ши, ват супнаскер? — çаплах çĕткеленчĕ ашĕнче Людмила* (Пет.) «— Людмила Ивановна, я пригласил вас с целью посоветовать,— начал Петр Иванович.— Какой совет дадите, старый хрыч? — все злилась в душе Людмила».

3.1. Функциональная характеристика

Субстантивные идиоматические сочетания проявляют сходство с именами существительными и по своей функции. Одни из них называют предметы, явления, лица, другие, наряду с выполнением назывной функции, содержат в себе элемент коннотативности, субъективной модальности. В зависимости от этого субстантивные идиоматические сочетания подразделяются на две группы: 1) субстантивные идиоматические сочетания с номинативной функцией и 2) субстантивные идиоматические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией.

3.1.1. Субстантивные идиоматические сочетания с номинативной функцией

Субстантивные идиоматические сочетания с номинативной функцией, в отличие от тех же единиц с экспрессивно-оценочной функцией, являются единственными обозначениями предметов окружающего мира, выступают в языке, как и номинативные фразеологические сочетания, в качестве составных названий элементов предметного ряда. Семантическая структура фразеологизмов рассматриваемого типа, отображая сущность обозначаемых ими предметов, как правило, не осложняется добавочными смысловыми оттенками. Основным способом образования субстантивных идиоматических сочетаний — составных названий, как идиоматических соединений слов вообще, является метафора, т. е. перенос наименования «кусочка» действительности, оформленного словосочетанием, на другой предмет на основании сравнения (формы, внешнего вида, местонахождения, часте-целостного отношения и т. п.). Названный процесс обусловливает приобретение сочетанием слов, представляющим собой соединение словесных единиц с номинативным значением, нового смысла, связанного уже с новым фрагментом внеязыковой действительности, иначе говоря, происходит семантическое переосмысление словосочетаний — элементов прямой номинации.

В большинстве случаев образование номинативных идиоматических сочетаний происходит в результате преобразования значения всего словосочетания в целом. Так, вследствие метафоризации словосочетаний возникли следующие идиомы — составные названия: *мăкăр пуç* (диал.) «клевер» (букв. бычья голова; перенос значения словосочетания *мăкăр пуçĕ* «бычья голова» предопределен сходством цветочка клевера в виде шаровидной головки на бычью голову), *салтак тӳми* «дикая ромашка» (букв. солдатская пуговица), *ут хӳри* «конский щавель» (букв. конский хвост), *çăкăр вăрри* «коромысло (сверчок)» (букв. хлебный вор), *шĕвĕр сăмса* «севрюга» (букв. острый нос), *йĕке хӳре* «крыса» (букв. веретено хвост).

Среди идиоматических сочетаний рассматриваемого типа нередко встречаются такие, которые образованы переосмыслением семантики каждого компонента сочетания в отдельности. В качестве примера возьмем состав-

ное наименование *хир мамакĕ* «вата» (букв. полевой пух). Второй член данного соединения слов *мамакĕ* «(его) пух» употребляется в переносном значении «вата», которое возможно лишь в сочетании с первым компонентом — словом *хир* «поле». Последнее также имеет связанное значение, выражаемый им смысл проявляется только при совместном употреблении со словом *мамакĕ* «(его) пух». Следовательно, в отличие от так называемых классических идиом, компоненты которых обычно выступают как семантически опустошенные слова, в идиомах типа *хир мамакĕ* «вата» каждое из составляющих слов обладает определенным метафорическим значением, возможным лишь в рамках данного составного наименования. Подобные соединения слов представляют собой именные перифразы.

Метафоризации подвергаются прежде всего словосочетания или фразеологические сочетания (сравнительно редко), обозначающие наиболее известные предметы вместе с их постоянными, непреходящими признаками, которые составляют ближайшее окружение человека: *çелен пула* «минога» (букв. змея рыба), *шатра тăхçа* «рябчик» (букв.шероховатая насека), *йыта (йыт) пырши* «вьюнок» (букв. собачья кишка), *мулкач хăлхи* «ландыш» (букв. заячье ушко), *хыр тăрри* «полевой хвощ» (букв. макушка сосны), *шуйттан кĕвенти* «майский жук» (букв. чертово коромысло), *шапа тарçи* «аист» (букв. лягушачья слуга), *çелен пуçĕ* «нарыв на пальце» (букв. змеиная голова).

Если проанализировать субстантивные идиоматические сочетания с номинативной функцией с точки зрения характера их соотнесенности с действительностью, то видно, что одни из них, как и конкретные имена существительные, служат названиями предметов и лиц, взятых в отдельности, другие, подобно отвлеченным существительным, связаны с абстрактными значениями-понятиями о предметах реального мира. В первом случае значения, выражаемые идиоматическими сочетаниями, носят конкретный, во втором случае отвлеченный характер. С учетом этого рассматриваемые идиомы можно разделить на две разновидности: 1) субстантивные идиоматические сочетания с конкретным значением и 2) субстантивные идиоматические сочетания с отвлеченным значением.

В современном чувашском языке наибольшее рас-

пространение получила первая разновидность идиом-фразеологизмов, вторая представлена сравнительно небольшим количеством.

3.1.1.1. Субстантивные идиоматические сочетания с конкретным значением и их тематические группы

Субстантивные идиоматические сочетания с конкретным значением являются обозначениями конкретных единичных предметов и лиц или совокупности одинаковых предметов или лиц. Рассматриваемые словесные соединения выступают в качестве составных наименований множества предметов окружающего нас мира.

Составные названия предметов растительного мира: *вăкăр хӳри* «подорожник» (букв. бычий хвост), *йытă çĕмĕрчĕ* «крушина ломкая» (букв. собачья черемуха). *кавакарчăн куçĕ* «незабудка» (букв. голубиный глаз), *кукша пуç* «одуванчик» (букв. лысая голова), *курак çамарти* «назв. вида гриба» (букв. грачиное яйцо), *йĕплĕ хулă* «шиповник» (букв. прут с иглами) и др.

Составные названия предметов животного мира: *çĕлен лаши* 1) «стрекоза» 2) «водяной скорпион» (букв. змеиная лошадь), *шуйттăн майраки (хуранĕ)* «улитка» (букв. чертов рог или котел), *хĕрлĕ куç* «бель» (букв. красный глаз), *шĕвĕр сăмса* «севрюга» (букв. острый нос), *кĕреçе сăмса* «широконос» (порода уток; букв. лопата нос), *хĕм хӳре* «горихвостка» (букв. огненный хвост), *хуран тăрри* «малиновка; чижик» (букв. березка верхушка ее), *çара çерçи* «летучая мышь» (букв. голый воробей), *кушак кайак* (диал.) «мышь» (букв. кошачья дичь); сюда же относятся эфемизмы: *вăрăм хӳре* «волк» (букв. длинный хвост), *тукмак хӳре* «волк» (букв. колотушка хвост), *катăк тута* «заяц» (букв. губа с изъяном) и др.

Составные названия явлений природы, небесных тел, минералов, камней и т. п.: *асамат кĕперĕ* «радуга», *Хуркайăк çулĕ* «Млечный путь» (букв. путь диких гусей), *кăвак çутă* «рассвет» (букв. синий свет), *çĕр кăмрăкĕ* «каменный уголь» (букв. земляной уголь), *çĕпре амăшĕ* «булыжник, галька, камень-голыш» (букв. дрожжевая мать) и др.

Составные названия предметов домашнего обихода, построек, хозяйственно-бытовых предметов: *икĕ хут хăма* «потолок и пол, вместе взятые» (букв. доски в

два ряда), *ала (ал) айĕ* «мелкая земля, тощие зерна и семена других растений, которые при подсеивании падают на землю» (букв. то, что под рукой), *турта хушши* «лошадь» (букв. расстояние между оглоблями), *çил çуна* «аэросани» (букв. ветряные сани) и др.

Составные названия частей человеческого тела, болезней и т. п.: *йыта (йыт) пуçĕ* «золотуха» (букв. собачья голова), *кукку тĕрри* «веснушки» (букв. кукушкины узоры), *суя (суеç) лупашки* «ямка на затылке» (букв. ложбина лжи или лгуна), *тура палли* «родинка» (букв. божеский знак), *чĕпĕ куç (куçĕ)* «куриная слепота» (букв. куриный глаз) и др.

Составные названия предметов, образов, встречающихся в фольклоре и мифологии: *вĕри çĕлен* «огненный змей» (букв. горячая змея), *вут кайак* «жар-птица» (букв. огненная птица), *сар çанталак* «подземный мир» (букв. желтая природа), *çил ачи* «ветерок» (букв. дитя ветра), *тимĕр карта* «магический круг» (букв. железная изгородь) и др.

3.1.1.2. Субстантивные идиоматические сочетания с отвлеченным значением

Субстантивные идиоматические сочетания с номинативной функцией, обозначающие абстрактные понятия, занимают сравнительно небольшое место. Идиомы, не осложненные коннотативностью, приспособлены прежде всего для наименования конкретных предметов. Приведем примеры: *ала (ал) çавранаçĕ* 1) «досуг» 2) «сноровка» 3) «удобный, досужный» (букв. поворот руки), *ала çитни* 1) «досуг» 2) «возможность сделать или достать что-либо» (букв. то, что достает рука), *алак (вут) уççи* «время, когда топится печь» (букв. то, что дверь открыта), *ял черечĕ* (устар.) 1) «эпидемия» 2) «поветрие» (букв. деревенская очередь), *ял чирĕ* (устар.) «поветрие» (букв. деревенская болезнь), *кун йĕрки* «повестка дня» (букв. порядок дня), *юн туртни* «кровная месть».

3.1.2. Субстантивные идиоматические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией

Значительная часть субстантивных идиоматических сочетаний не только называет предметы, явления и лица, но и выражает определенное отношение субъекта

речи к ним, иначе говоря, совмещает в себе номинативную и экспрессивно-оценочную функции. Характерной особенностью подобных соединений слов является то, что в их индивидуальном значении заключена та или иная оценка обозначаемых предметов, явлений и лиц. Это хорошо обнаруживается при сравнении значения идиоматического сочетания со значением словосочетания, имеющего одинаковую с ним предметную направленность. Так, например, в чувашском языке для обозначения высокого человека пользуются сочетаниями *вăрăм çын* «высокий человек», *вăрăм пӳллĕ çын* «высокорослый человек». С этими соединениями слов по смыслу соотносится идиома-фразеологизм *вăлта хулли* «высокий, тонкий человек» (букв. удилище). Если сравнивать значение, выражаемое сочетаниями *вăрăм çын, вăрăм пӳллĕ çын* со значением идиомы *вăлта хулли*, то отчетливо видно, что семантика последней экспрессивно и эмоционально окрашена. Причем в ней содержится еще добавочное значение: *вăлта хулли* выражает не просто значение «высокий человек», а «высокий, тонкий человек» (с ироническим оттенком). Таким образом, и денотат, с которым связана идиома *вăлта хулли*, не полностью совпадает с денотатом, на который направлены соединения слов *вăрăм çын, вăрăм пӳллĕ çын*. Такая особенность присуща многим идиоматическим сочетаниям с экспрессивно-оценочной функцией.

Обращает на себя внимание тот факт, что в экспрессивно-оценочных субстантивных идиоматических сочетаниях главным образом проявляется отрицательная экспрессия. При этом нетрудно заметить, что негативную оценку выражают преимущественно идиомы-фразеологизмы, относящиеся к разговорному и просторечному стилям речи.

Основным способом образования идиоматических сочетаний анализируемого типа является также метафора. Сущность этого способа состоит в том, что какое-либо слово или сочетание слов, обозначающее определенный «кусочек» действительности, используется для номинации и экспрессивно-эмоциональной характеристики другого объекта, сходного с первым в каком-либо отношении. Метафора — это не прямое обозначение фактов действительности, а результат непрямой, опосредованной номинации. При метафоре слова и сочетания слов (высказывания) используются не по свое-

му прямому назначению, что и обусловливает преобразование их семантики. Так, например, словосочетание *кавакал ами* «утка-самка», являющееся составным наименованием самки птицы определенного вида, употребляется для обозначения лица, а именно, низкорослой женщины: *кавакал ами* «низкорослая женщина».

В приведенном примере между предметом, обозначенным словосочетанием *кавакал ами* «утка-самка», и лицом с непреходящим качеством «низкорослый», названным тем же соединением слов, весьма заметна ассоциативная связь по сходству, что и послужило причиной для использования составного наименования *кавакал ами*, представляющего собой сочетание слов с прямым значением, для номинации другого объекта и преобразования свойственного ему значения. Совмещение в одном словесном соединении двух семантических планов: смысла, соответствующего прямому значению сочетания словесных единиц, и смысла, созданного путем переосмысления «первичного» значения сочетания, вызывает образное представление о предмете, с которым связано так называемое вторичное значение соединения слов. С этой точки зрения с полным основанием можно говорить, что идиоматические сочетания анализируемого типа — это прежде всего средства образного отображения фактов действительности, у этих словесных соединений функция экспрессивно-оценочной характеристики преобладает над функцией номинации. Все эти качества субстантивных идиоматических сочетаний связаны с тем, что выражаемое ими значение — это образное значение и в их смысловой структуре ярко выражена субъективная модальность, т. е. с особой силой проявляется отношение (позитивное или негативное) говорящего к характеризуемому объекту. При этом особо следует подчеркнуть, что в чувашском языке, как и в других языках[25], наибольшее распространение получили субстантивные идиоматические сочетания с негативной характеристикой лица, нежели с положительной. Это, по-видимому, объясняется, во-первых, самой природой фразеологизмов как образно-экспрессивных средств языка, во-вторых, тем, что в языке установилось так,

[25] *Мордкович Э. М.* К вопросу о семантических полях соматических фразеологизмов.— В кн.: Вопросы семантики фразеологических единиц. Часть II. Новгород, 1972, с. 98—100.

что идиомами характеризуются главным образом отрицательные черты человека. Негативные признаки лица, как правило, вызывают особо сильную реакцию субъекта речи и, соответственно, яркое и интенсивное проявление его негативного отношения к обозначаемому и характеризуемому предмету или лицу. Поэтому в смысловой структуре идиом, называющих лицо по его признакам, сильно проявляется элемент субъективной модальности. Так, например, в фразеологической системе чувашского языка существует целая группа синонимических идиоматических сочетаний, образно, с большой экспрессивно-эмоциональной силой характеризующих лицо по признаку **глупый** *«ухмах, ăссăр, айван»: анра пуç* 1) «тупая башка, тупоголовый» 2) «беспамятный, ошалелый» (букв. тупая голова), *анăрана сурах* «человек, похожий на обеспамятевшую овцу от удара», *арпа пуç* «несообразительный человек» (букв. мякинная голова), *вăрман тункати* «дурак» (букв. лесной пень), *анка-минкĕ тăмана* «олух» (букв. глупая сова), *сахман калăпĕ* «болван, олух» (букв. кафтанная колодка), *çăва тункати* «болван, олух» (букв. намогильный столб), *çурма çын* «полоумный» (букв. получеловек), *тăм çамка* «болван» (букв. глиняный лоб), *тăм писмен* «глупый, бестолочь (букв. глиняный безмен), *тăмана йăранĕ (йăранни)* «непонятливый, бестолковый» (букв. совиная грядка), *тĕлĕк патши* «глупец» (букв. сонный царь), *тĕнче вăрманĕ* «олух» (букв. мир лес его), *тĕнче ухмахĕ* «набитый дурак» (букв. мир дурак его), *тăм кĕлетке* «чурбан, бестолочь, непонятливый, лишенный смекалки, тупой» (букв. глиняная фигура), *тăм кушиле* «бестолочь, бестолковый, дурак» (букв. глиняная плетенка), *шăнăç пуç* «глупый, дурак, непонятливый» (букв. мерзлая голова), *шăн (шăм) пуç* «глупый» (букв. костяная голова), *шăтăк тӳпе* «глупый» (букв. дырявое темя), *шăтăк çамка* «несообразительный человек» (букв. дырявый лоб).

Идиоматические сочетания — названия лиц по признаку **умный** *«ăслă, тăнлă»* встречаются в ограниченном количестве: *ăслă пуç* «умная голова».

Имена существительные в зависимости от того, обозначают лица или нелица, бывают личные и неличные. Также субстантивные идиоматические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией могут быть двух видов: 1) идиоматические сочетания — названия лиц и 2) иди-

оматические сочетания — названия предметов (нелиц). Идиомы первого вида в фразеологической системе чувашского языка среди описываемых словесных единств занимают господствующее положение. Это обусловлено тем, что основное назначение экспрессивно-оценочных идиоматических сочетаний состоит в образной, эмоциональной характеристике свойств человеческой личности.

3.1.2.1. Субстантивные идиоматические сочетания — названия лиц по признаку и их тематические группы

Субстантивные идиоматические сочетания данной разновидности называют лица по присущему им какому-либо признаку. Поэтому их можно квалифицировать как идиоматические сочетания — названия лиц по признаку. Они составляют самую многочисленную группу среди субстантивных идиом-фразеологизмов с экспрессивно-оценочной функцией. Эти соединения слов возникли в языке в результате живого и яркого изображения какого-либо постоянного, непреходящего признака, свойственного индивидууму. Идиома — составное наименование лица по его определенным чертам — это не простая, а образная, экспрессивно-эмоциональная номинация. Отличительной особенностью идиоматических сочетаний данной группы является то, что они одновременно дают название лицу и образно характеризуют его. В этой характеристике содержится или положительная (мелиоративная), или отрицательная (пейоративная) оценка лица. Различна степень проявления оценочной коннотативности идиоматических сочетаний — составных наименований лиц по признаку. Она сильнее и ярче выражается в семантике идиом, созданных на основе характеристики отрицательных, негативных признаков человека. Семантические категории оценки и характеристики в языке тесно связаны между собой[26]. Наличие в смысловой структуре фразеологизма (также и слова) элемента оценочности обычно предполагает наличие характеризующего компонента, или наоборот, характеризующее значение, как пра-

---

[26] *Межжерина С. А.* Оценочно-характеризующая лексика в научных трудах В. И. Ленина.— Русский язык в школе. М., 1980, № 2, с. 72.

вило, сопровождается оценочным значением, а в последнем, закономерно, содержится позитивное или негативное отношение субъекта речи к той личности, которая называется и характеризуется по какому-либо ее признаку. С этой точки зрения, идиомы — составные названия лиц с полным основанием можно рассматривать как номинации-характеристики.

Субстантивные идиоматические сочетания — названия лиц по признаку, как было отмечено, образовались в результате образной и экспрессивно-эмоциональной характеристики признаков лица. Эти признаки могут быть связаны с внешностью человека, его психо-физическим состоянием, поведением, а также с общественно-социальным положением. Потребность образно, ярко, с особой эмоцией выразить отношение субъекта речи к лицу — носителю того или иного признака и вызвала к жизни идиомы — названия лиц по признаку.

Идиоматические сочетания — названия лиц по внешнему виду и физическим особенностям. Идиомы — номинации лиц, принадлежащие к названной тематической группе, возникли вследствие образного представления таких признаков человека, которые характеризуют его внешний вид (внешний облик, физическое состояние, физические недостатки).

В чувашском языке существует большое количество идиом — названий лиц, характеризующих рост человека. Так, встречается целый ряд идиоматических сочетаний, ставших номинациями людей по признакам **высокий** *«вăрăм»*, **высокорослый** *«çӳллĕ пӳллĕ»* **и малорослый** *«лутра, кĕске пӳллĕ»: хăмла шалчи* «высокий человек» (букв. хмель, тычина жердь его), *кăвас чĕресĕ (чĕрес)* «низенькая, толстая девушка; низенькая толстая замужняя женщина» (букв. квашня), *сĕлĕ кĕлти* «коротышка, низкорослая женщина» (букв. овсяной сноп), *çĕр ăтăрĕ* 1) «низкорослый человек» 2) «низенькая, маленькая женщина» (букв. земляная выдра), *çĕр пакарти* «низенький человек» (букв. внутренность земли), *çĕр пуканĕ (пукань)* «низкорослый человек» (букв. земляной чурбан).

Образное отображение признаков **худой** *«начар, начаркка, ырхан, хыткан, типшĕм»*, хилый *«имшер, начар, нишлĕ, хавшак»*, **бледный** *«шуранка, шурăхнă»* с тончайшими оттенками их проявления легло в основу многих идиом, называющих и характеризующих людей:

çур çын «худой и бессильный человек» (букв. получеловек), *пăкăлла майра* «худой мужчина» (букв. женщина с затычкой), *тип (типнĕ) сутак* «худой человек» (букв. сухой судак), *тип шăм* «худощавый, сухожилый» (букв. сухая кость), *çĕрĕк каска* «внешне худой, хилый на вид человек» (букв. гнилой чурбан), *хытнă калиш* (бран.) «худощавый человек» (букв. затвердевший заморыш), *шурăхнă (шурнă) купăста* «человек с бледным лицом» (букв. завянувшая капуста), *шур пăшлак* «бледный человек» (букв. белый хилый или слабый).

В чувашском языке широко представлены идиоматические сочетания — названия лиц, создающие образ человека с непривлекательным, неопрятным внешним видом: *таламан чăхă* «растрепа» (букв. мохнатая курица), *катен карчак* 1) «неопрятная женщина» 2) «безалаберная девочка» 3) «неряшливо одетый или грязный человек, чучело» (букв. дряхлая старуха), *кантăр ăшĕнчи* «неряшливо, нелепо одетый человек, чучело», *капан çинчи мĕлке* «нелепо одетый человек, чучело» (букв. то чучело, которое на копне), *кӳптен карчак* «человек, напяливший на себя много одежды», *пăрçа мĕлки* «чучело (пугало) гороховое, шут гороховый» (некрасиво и старомодно одетый человек; букв. гороховое чучело).

Немало идиом-фразеологизмов функционирует в качестве названий лиц, связанных с характеристикой их возрастных особенностей и постоянных физических свойств и качеств: *хытнă юман* «долгоживущий старик, долгожитель» (букв. затвердевший дуб), *лашман кĕçри* «сильный, толстый, большой человек» (букв. толстая кобыла), *юплĕ халха* «глухой человек».

Идиоматические сочетания — названия лиц по признакам, проявляющимся в поведении, характере и образе жизни. В современном чувашском языке названная тематическая группа идиоматических сочетаний является весьма продуктивной. Именно она красноречиво свидетельствует о том, насколько исследуемый язык обладает богатейшими возможностями для живой, образной характеристики человека, в особенности его негативных черт в поведении, характере, образе жизни.

В идиомах—названиях лиц выделенной группы получили отражение, в частности, такие отрицательные черты в поведении человека, как способность громко, долго кричать, ругаться, петь, склонность к сквернословию, сплетничать, такие качества, как злость, злобность,

недоброжелательность, вредность, наглость, ничтожность, непригодность и т. п.: *карма (кара, чара) çавар* 1) «горлан, горлопан, горлодер, крикун» (русск. соотв.: луженая глотка, медная глотка) 2) «сквернослов» (букв. широко раскрытый рот), *ахăрма çавар* «человек, который ржет, т. е. крупно смеется» (букв. громко смеющийся рот), *çын çиекен* «сплетник» (букв. людоед), *вăрăм чĕлхе* «длинный язык», *юплĕ чĕлхе* «сплетник» (букв. раздвоенный язык), *вĕри (хура) çĕлен* 1) «вредный человек» 2) «враг, недруг» (букв. горячая или черная змея; русск. соотв. змея подколодная), *хура юн* 1) «черная душа» 2) «злобный; злопамятный» 3) «злоба» (букв. черная кровь), *сĕмсĕр сысна* «наглая или нахальная свинья» (человек, везде сующий свой нос, наглый, нахальный человек), *тĕнче хăлти* «непригодный, бесполезный человек (букв. мир дрянь его), *касна хурре* «дрянной человек, человек сомнительной репутации» (букв. обрезанный хвост), *ана пыйти* (презр.) «шваль, ничтожество» (букв. загонная вошь), *нимĕр чун* «кисель, слюнтяй» (букв. кисельная душа), *мĕскĕн чун* «жалкая, безответная душа».

В смысловой структуре ряда идиоматических сочетаний — наименований людей содержится резкая, острая оценка негативных черт в поведении человека. К ним прежде всего относятся идиомы, характеризующие людей, ведущих нечестный, паразитический, праздный образ жизни: *çакăр хараме (хăртмăшĕ, хурчĕ, мурĕ)* «дармоед, паразит» (букв. хлебный мор, червь, дармоед), *харам (харамса, уссăр) пыр* «дармоед, тунеядец» (букв. бесполезная глотка), *ĕçсĕр хырăм* «тунеядец» (букв. праздный живот), *ăрам купăсĕ* «человек, слоняющийся без дела на улице» (букв. уличная гармонь), *ĕне пăрушĕ (пăруш)* «лентяй» (букв. коровий теленок), *çил хăван* «бездельник, ветрогон» (букв. гоняющий ветер), *тĕнче йытти* «шатун» (букв. мировая собака), *тӳр пилĕк* «лентяй, ленивый человек, бездельник» (букв. прямая поясница), *ял йытти* «человек, который все время шляется по деревне из дома в дом» (букв. деревенская собака), *ял каскăнĕ* «шатун, шатунья; бродяга; пройдоха» (букв. деревенский шатун), *улпут майри* «барыня» (букв. барин жена его), *хупах хуралçи* «пьяница» (букв. кабацкий охранник), *хупах йытти* (презр.) «пьяница» (букв. кабацкая собака), *черкке мурĕсем* «пьяницы» (букв. рюмочные моры), *тĕпсĕр пыр шăтă-*

кӗ «ненасытная глотка» (букв. бездонная глотка), *тип карланка* «пьяница» (букв. сухая глотка), *хупах алшаллийӗ* «кабацкий завсегдатай» (букв. кабацкое полотенце), *эрех пакки* «пьяница» (букв. винная затычка), *эрех пички* «пьяница, пьянчук» (букв. винная бочка), *антăхнă карланка* «ненасытная глотка» (букв. жаждущая глотка), *кукăр ала* «человек, склонный к воровству, вор» (букв. кривая рука).

В чувашском языке бытует много идиоматических сочетаний, являющихся образными, экспрессивно-оценочными наименованиями людей с такими пороками, как скупость, жадность, ненасытность, прожорливость, брезгливость в еде: *тимĕр (хытă) пăрçа* «скупец, скупой человек» (букв. железный или твердый горох», *хытă (хыт) кукăр* «скупец, скряга, очень скупой» (букв. жесткие паленые ноги или голова животного), *хытă (хыт) катра* «скупой, скряга» (букв. твердый ком), *шăна çиен* «скупой человек» (букв. мухоед), *антăхнă хырăм* «жадный, жадюга» (букв. жаждущий живот, жаждущая глотка), *выçа куç* «ненасытные глаза» (букв. голодные глаза), *выçкăн кашкăр* «жадный человек» (букв. очень голодный волк), *выçа (çăткăн) пыр* «кр жадный» (букв. голодная или жадная глотка), *р (выçа) карланка* «ненасытная глотка» (букв. бездонная или голодная глотка), *саха чун* «жадный» (букв. жадная душа), *нӳхреп куç* «жадные глаза» (букв. погреб глаза), *чармак куç* «жадный» (букв. вытаращенные глаза), *çĕр çăханĕ* «человек, жадный до земли» (букв. земляной ястреб), *алăшни хырăм* «обжора» (букв. жадный живот), *ăшне хырăм* «обжора» (букв. круглый живот), *кӳпен хырăм* «прожорливый человек, обжора» (букв. прожорливый живот), *лаххан хырăм* «ненасытная утроба, обжора» (букв. лохань живот), *лашман хырăм* «объедала, прорва, обжора» (букв. большой живот), *мăн хырăм* «человек,способный много есть» (букв. большой живот), *ĕне хырăмĕ* «прожорливый человек» (букв. коровий живот), *тĕпсĕр хырăм* «обжора» (букв. бездонный живот), *шампа хырăм* «обжора» (букв. налим живот), *такана (тара) хырăм* «ненасытная утроба» (букв. корыто живот), *выçа (тĕпсĕр, тăранми) карланка* «ненасытная глотка» (букв. голодная, бездонная, ненасытная глотка), *тĕпсĕр пыр шăтăк* «ненасытная глотка» (букв. бездонная глотка дыра ее), *лакки тăранма пĕлмест* «ненасытная утроба» (букв. не насы-

щастья), *яка пыр* «разборчивый в еде, привередник, привереда в еде» (букв. гладкая глотка), *йӗс пыр* 1) «человек, разборчивый в еде» 2) «сластена, сладкоежка», *йăнкăл пыр* «изнеженный лакомка» (букв. звенящая глотка), *йăкăс пыр* «любитель выпить и поесть» (букв. щеголеватая глотка), *сăрлă пыр (карланка)* «человек, слишком разборчивый в еде» (букв. крашеная глотка), *çинçе пыр* «лакомка» (букв. тонкая глотка), *тип пыр* «брезгуша, брезгливый» (букв. сухая глотка), *ылтăн пыр* «разборчивый в пище» (букв. золотая глотка).

В разговорном языке часто наблюдаются идиомы — названия лиц, дающие удивительно тонкую и меткую характеристику людям, которые имеют склонность поступать, действовать без достаточного размышления, совершать несерьезные поступки, склонность любить ухаживать за женщинами, предаваться разврату. Во многих идиоматических сочетаниях рассматриваемой группы с особой силой ощущается негативное отношение к носителям названных отрицательных черт: *авăс çулçи* .) «ветреная голова» (букв. осиновый лист), *çил* «ветрогон» (букв. ветер гоняющий), *çил армань* омысленный человек» (букв. ветряная мельница), *кутлă çерçи* «непостоянный человек» (букв. воробей с горячим задом), *кӗрт йытти* «сука, кобель; распутник, распутница» (букв. сука), *сукка йыта* (бран.) «человек, любящий бегать по дворам» (букв. сука собака), *вупкăн еркӗнӗ* «любовница» (букв. проклятущий любовник, проклятущая любовница), *хӗрарăм тарçи* «поклонник женщин» (букв. женский слуга), *хӗрарăм кӗтӳçи* «бабник» (букв. женский пастух), *кӗççе (кӗçе) пит* «бесстыжий человек, бесстыдник» (букв. войлочное лицо), *йыта пичӗ* (бран.) «бесстыдник» (букв. собачья рожа), *питне кӗççе çĕленӗ* «он потерял всякий стыд» (букв. к лицу пришил войлок).

Весь приведенный материал убедительно показывает, что идиоматические сочетания — названия лиц по признаку являются замечательным лаконичным, экспрессивно-эмоциональным средством художественной, образной характеристики лица, дающим возможность в ярких тонах выражать субъективную модальность.

Разумеется, состав идиоматических сочетаний — названий лиц не ограничивается приведенными здесь примерами. В современном чувашском языке количе-

ство этих неповторимых по выразительности, богатых по смысловому содержанию словесных соединений гораздо больше, чем отразилось в настоящей работе[27].

Идиоматические сочетания — названия лиц по социально-материальному положению. В чувашском языке нередко встречаются идиоматические сочетания — названия лиц, возникшие на основе образной, экспрессивно-эмоциональной характеристики социального и имущественного положения человека. Интересно отметить, что они в основном связаны с обозначением тяжелого, бедственного положения: *çара çерçи* «голяк, голодранец, бедняк; босяк» (букв. летучая мышь), *тённĕ чăха* «бедняк, бедный человек (букв. озябшая курица), *тип турат* «обедневший человек» (букв. сухой сук), *çара çĕтĕк* «голяк» (букв. голая рвань), *çара пĕсехе* «голодранец» (букв. обнаженная грудь), *ял касмашĕ* (устар.) «человек, круто руководящий деревней, коштан» (букв. деревенский грызун).

Бросается в глаза, что анализируемые субстантивные идиоматические сочетания не просто называют лицо, обладающее тем или иным признаком, но образно характеризуют его, дают качественную экспрессивно-эмоциональную оценку. Закономерно, что одни исследователи их называют фразеологизмами с оценочным значением[28], другие — именными фразеологизмами со значением качественной оценки лица[29].

Субстантивные идиоматические сочетания, называющие лица по присущим им признакам, представляют собой именно тот разряд фразеологизмов, которым наиболее свойственно оценочно-характеризующее значение, в них органически совмещается, как отмечено, номинативная функция с экспрессивно-эмоциональной, разумеется, при главенствующей роли последней, ибо идиоматические сочетания данного вида призваны

---

[27] См. подр.: *Чернов М. Ф.* Субстантивные идиоматические сочетания с экспрессивно-эмоциональной функцией в чувашском языке.— В кн.: Исследования по грамматике и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1981, с. 72—95.

[28] *Жуков В. П.* Указ. раб., с. 57—69.

[29] *Ионова И. А.* О лексико-грамматической классификации субстантивных фразеологизмов со значением качественной оценки лица.— Русский язык в школе. М., 1977, № 8, с. 82—85; *Солодуб Ю. П.* Фразеологизмы со значением качественной оценки лица в современном русском языке.— Русский язык в школе. М., 1982, № 3, с. 76—81.

в языке прежде всего и главным образом для образного и выразительного отображения фактов реальной действительности.

Наблюдения показывают, что сила проявления оценочно-характеризующего значения субстантивных идиоматических сочетаний зависит от их синтаксической позиции в составе высказываний. Значение названного типа у описываемых словесных соединений наиболее ярко проявляется в позиции именного сказуемого, т. е. в той позиции, в которой значения языковых единиц осложняются оттенком утверждения. Ср. примеры:

[*Василий Иванч:*] *Ака мĕн, шăллăм, эп — ватă çерçи, мана хывăхпа улталаймăн* (Кăлк.) «[Василий Иванч:] «Вот что, брат мой, я старый воробей, на мякине меня не проведешь». *Вăл ватă тиле, унпа калаçма çук* (Ашм.) «Он старая лиса, с ним говорить невозможно». *Чим, Петĕр, пулапар телейлĕ: Эп йывăр çын* (Хус.) «Подожди немножко, Петр, мы будем счастливы. Я в положении (букв. я тяжелый человек)». *Хыв маскуна! Эс кашкăртан тискер; Эс — вăрттăн сăхакан хураçелен* (Кăлк.) «Снимай маску! Ты страшнее волка; Ты — жалящая исподтишка черная змея».— *Кăлăр-ха, тархасшăн, мĕншĕн çаплах хăртатăр? — йĕрсе ярас пек каласа хучĕ Куçук.— Хартса мар. Вĕшлейыта эс!* (Илп.) «Скажите, пожалуйста, зачем вы меня все время срамите? — сказал со слезами Кузюк.— Не срамим. Ты борзая собака!». *Сĕт тута,—йĕрĕнсе пăхрĕ ун çине Штокман. Чĕрĕ партизана курман-ха эсĕ, курсан, тăрех йĕм тĕпне тултарса хумалла. Сирешкел тылри паттăрсене пĕлетпĕр* (Кип.) «Молокосос (букв. молочная губа),— с презрением посмотрел на него Штокман.— Ты еще не видел живого партизана. Увидишь — сразу наложишь в штаны. Знаем мы подобных героев тыла».

В чувашском языке ряд субстантивных идиоматических сочетаний, обозначающих людей, преимущественно употребляется в функции именного сказуемого и имеет одновременно оценочное и предикативно-характеризующее значение. К ним, например, принадлежат следующие словесные соединения: *шăтăк хăлха* «глуховат» (букв. дырявое ухо), *юплĕ хăлха* «глухой человек» (букв. разветвленное ухо), *ăслă пуç* «умная голова», *тăм çамка* «болван» (букв. глиняный лоб), *анра-*

на пуç «тупая башка», *пуш пичке* «пустозвон, пустослов» (букв. пустая бочка), *çĕрĕк каска «плакса»* (букв. гнилой чурбан), *вĕри çĕлен* «вредный человек» (букв. горячая змея), *кукар (варам) ала* «вороватый человек».

В чувашском языке, как и в других тюркских языках[30], имеет место примечательное явление. Некоторая часть субстантивных идиоматических сочетаний — названий людей со структурой именных словосочетаний обладает свойством преобразоваться в соединения слов предикативного строения. При этом происходит перемещение компонентов идиомы: первый компонент переходит в постпозицию, второй компонент, приобретая аффикс притяжательности 3 лица -и(-ĕ), занимает место в препозиции. Трансформация грамматического строения идиоматических соединений слов не сопряжена с качественными изменениями в их смысловой структуре, однако она приводит к адъективизации идиом и усилению предикативно-характеризующего значения в их семантике. Ср.: *кĕтĕк (кĕске) турта* «вспыльчивый человек, человек с крутым характером» (букв. короткая оглобля) — *турти (туртисем) кĕске* «он вспыльчивый, у него крутой характер» (букв. у него оглобли коротки). Например:

Пирĕн кĕрӳ — кĕске турта «Наш зять — человек крутой». *Матви карчакĕ кӳреннĕ, Ун партак турти кĕске* (Хус.) «Матвея старуха обиделась. У нее характер крутоват». *Чаркаш старик! Турту кĕскерех çав сан* (Аленд.) «Упрямый старик! Характер у тебя крутоват».

Благоприятствующим условием для более полного и емкого проявления идиоматическими соединениями слов — названиями лиц оценочно-характеризующего значения является и позиция обособленного субстантивного оборота (обособленного приложения) в составе предложений. Обособление идиом рассматриваемой группы вызывается стремлением говорящего с особой силой подчеркнуть значимость качества человека, названного фразеологизмом, и выразить свое отношение к нему. И это в свою очередь усиливает смысловую роль

---

[30] *Рахматуллаев Ш. У.* О преобразовании грамматического строения у именных фразеологических единиц.— В кн.: Научные труды Ташкентск. гос. ун-та им. В. И. Ленина. Вып. 211. Ташкент, 1963, с. 225—230.

идиоматического сочетания для понимания содержания высказывания. Ср. примеры:

Лешĕ, вĕри çĕлен, ывăл мана пулăшмасть тесе, парткома çыру çырса панă (Талв.) «Та, змея подколодная (букв. горячая змея), написала письмо в партком, жалуясь, что сын не помогает ей». *Эсĕ, йыта çури, кама ӳкĕтлеме килетĕн, тесе хăваласа ярĕ* (Турх.) «Ты, щенок, кого пришел уговаривать»,— скажет так и прогонит тебя». *Эсĕ, ватă çерçи, пирĕнтен мăшкăллатăн,— чышнă полицай фельдшера* (Алекс.) «Ты, старый воробей, издеваешься над нами,— бил полицай его кулаком».— *Апла эсĕ, чараксăр чĕлхе, вырассем майлă çаптаратăн? — терĕ мăрса* (Турх.) «— Так, ты, болтун (букв. болтливый язык), за русских заступаешься? — сказал мурза». *Ачисем алăк урлă каçаймаççĕ, çулламан ĕне парушĕсем* (Ашм.) «Дети ее не могут перейти порог двери, неотесанные пентюхи (букв. необлизанные телята)».

Идиоматические сочетания — названия лиц часто встречаются в позиции обращения. При этом они выполняют не столько апеллятивную, сколько оценочно-характеризующую функцию с ярко выраженной субъективной модальностью. Такого типа идиомы — обращения сближаются с обособленными приложениями. Например:

Эй, йывăç чĕлхе! Хăнтăн пысăккине çапла калаççи (Ашм.) «Эй, деревянный язык! Разве людям старше себя так говорят». *Чĕлпĕре тыт, йыта çури! Тыт çирĕпрех!* (Бел.) «Держи повод, щенок! Держи покрепче!» *Ах, намассăр йыта пичĕ, хăçантанпа эсĕ капла калаçма вĕреннĕ, е савни вĕрентрĕ-и* (Осип.) «Ах, бесстыдница (букв. бесстыжая собачья морда), когда ты научилась так разговаривать, может, милый научил?» *Ха, йĕпе сăмса, мĕн ыйтать тата! — терĕ вăл, ман çине шурă куçĕсемпе пăхса* (Чулк.) «Ха, сопляк (букв. мокрый нос), чего он просит еще! — сказал, посмотрев на меня злыми глазами».— *Эс ан чĕн-ха, шĕшлĕ аври! Çырт шăлна! — пӳлчĕ ăна Савалей* (Асл.) «— Ты молчи-ка, молокосос (букв. ручка кочедыка)! Прикуси язык! — перебил его Савалей». *Эй, çăкăр мурĕ! Манпа кĕрешме малтан çăкăр çи-ха* (Ашм.) «Эй, дармоед! Сперва поешь хлеба, чтобы бороться со мной».

В качестве обращения в чувашском языке нередко употребляются идиомы, характерные для просторечного

и грубо-просторечного стиля речи. Это так называемые бранные выражения, получившие в языке широкое распространение: *анчак çури* «сукин сын» (букв. собачий детеныш), *ват кĕрхĕ* «старый хрыч», *ват сахăм* «старый одер», *ват тунката* «старый хрыч» (букв. старый пень), *вилнĕ чĕлхе* «мертвый язык», *йыта пичĕ* «бесстыдник, бесстыжая (собачья) рожа», *йыт çӳппи* «ничего не стоящая дрянь» (букв. собачий мусор), *йыт хӳри* «дерьмо» (букв. собачий хвост), *кĕрт йытти* «сука, распутник, распутница» (букв. гулящая собака), *çава тункати* «дурак, глупец» (букв. намогильный столб), *çăкăр мурĕ* «паразит» (букв. хлебный мор), *çĕрĕк çапата* «ошметок, старая лапоть» (букв. старая лапоть), *çĕтĕк çатарма* «крикун» (букв. рваная трещотка), *тăм кĕлетке* «ротозей» (букв. глиняная фигура и т. д.)

В роли других членов предложения — подлежащего, дополнения, определения — идиомы-фразеологизмы, являющиеся названиями лиц, хотя сохраняют заложенный в них экспрессивный заряд, сравнительно с меньшей силой выражают оценочно-эмоциональное отношение говорящего к лицу, которое называется и характеризуется. Ср.:

1. *Амăшне манчĕ пирĕн тӳрĕ пилĕк: Хулана сулланчĕ, тăлăх юлчĕ килĕ* (С. Ш.) «Наш лентяй (букв. прямая поясница) позабыл родную мать: Поплелся в город, осиротел дом». 2. *Филипп Мирончĕ пек вата çерçипе çыхланма симĕсрех-ха çав Мотьа* (Алаг.) «Мотя еще зеленая, чтобы связываться с таким старым воробьем, как Филипп Мироныч». 3. *Ара чăнах-çке, ĕçкĕпе илĕртсе, вата тилĕ Укальван пĕтĕм халăхăн пуçне хупларĕ, революцилле власть пана ĕçрен парса ячĕ* (Кр.-А.) «В самом деле, старая лиса Укальван, соблазняя спиртными, замутил голову народа, сбил его с революционного пути».

В первом предложении выделенное идиоматическое сочетание *тӳрĕ пилĕк* «лентяй» выполняет функцию подлежащего, во втором — *вата çерçи* «старый воробей» употребляется в роли дополнения, в третьем — *вата тилĕ* «старая лиса» является определением.

Таким образом, во всех синтаксических позициях субстантивные идиоматические сочетания сохраняют экспрессивно-эмоциональную функцию, выступают как замечательные средства для образного отражения фактов действительности, выражают оценочно-характеризу-

ющее значение. Однако названное значение у анализируемых словесных соединений проявляется по-разному в различных синтаксических условиях. Сравнение показывает, что в позициях подлежащего, дополнения и определения оценочно-характеризующее значение субстантивных идиоматических сочетаний выражено сравнительно слабее, в позициях сказуемого, обособленных субстантивных оборотов, обращения такое значение проявляется сильнее, с особой силой, с оттенком утверждения. Поэтому данное значение можно называть предикативно-характеризующим.

Субстантивные идиоматические сочетания — обобщенные названия лиц. Названная группа в чувашском языке представлена небольшим количеством идиоматических сочетаний. К ним, например, относятся многозначные идиомы *çичĕ ют* 1) «чужие люди (не родня)» 2) «враги, недруги» 3) «люди с чужой, дальней стороны» 4) «чужбина, чужая сторона» (букв. семь чужих) и *тăлăх турат* 1) «сироты вообще» (собират.) 2) «сирота» 3) «сиротство» (букв. сирота ветка).

По-видимому, в идиоме *çичĕ ют* компонентом, придающим значение собирательности, обобщенности выступает часто встречающееся в народных изречениях эпическое число *çиччĕ* «семь». Об этом свидетельствует и фразеологизм с обобщенным значением *çич таван* «вся родня» (букв. семь родных).

В чувашском языке существует целый ряд идиоматических сочетаний с обобщенным значением «люди, род людской; человек, дитя человека» с различными смысловыми, стилистическими оттенками: *ар ывалĕ-хĕрĕ* «человек» (букв. мужчина дети его), *этем ывалĕ-хĕрĕ* «люди, род людской» (букв. человек дети его), *ар ывалĕ* «мужчина» (букв. сын мужчины), *этем ывалĕ* «человек, дитя человека» (букв. сын человека), *çын ачи* «дитя человека» (говорят о молодежи; букв. ребенок человека), *çын чĕппи* «детеныш человека, человеческое порождение» (ирон.; букв. детеныш человека), *этем çури* «детеныш человека, человек» (презр.; букв. детеныш человека), *çын ăстакĕ* «человек, человечишка» (букв. кусочек человека), *çын çынни* «чужой человек».

К данной группе принадлежат идиоматические сочетания *пирĕн çын* «наш человек» (русск. соотв.: наш брат) в значении «мы и нам подобные», *ха-*

мăр çын «свой человек» (русск. соотв.: свой брат) в значении «человек, равный по положению, одного и того же мировоззрения и т. п., единомышленник, друг, близкий», *хамăр ял* «земляк», «односельчанин».

Среди субстантивных идиоматических сочетаний — обобщенных названий лиц встречаются такие, которые характеризуют социальное положение людей. К ним, в частности, относится сочетание *шампа хырăм* (букв. налим живот) в значении «господа» (ср. другие его значения: 1) «толстопузый» 2) «маленький брюхатый человек»): *Тайăр Тимкки мул хуçисене, хĕрес çакнă шампа хырăмсене чун-чĕререн курайман* (Долг.) «Тайр Тимкки всей душой ненавидел богатых, господ с крестами». *Сахал мар ĕçрĕ юн Шампа хырăм, Кӳлсе чупрĕ пуян чухăна* (Атт.) «Много крови пили господа, богачи ездили верхом на бедняке».

К идиомам с социальным содержанием примыкают и сочетания слов *хура тум* «монах, черноризец» (букв. черная одежда), *вăрăм çӳç* «духовное лицо» (букв. длинные волосы), *вăрăм çилхесем* (ирон.) «попы» (букв. долгогривые). Например: *Унччен-хи куланайпа хырçасем çумне хура тумсен хĕсĕрлĕвĕ хутшăнна* (Кузн.) «К дани и податям, которые ранее собирались, прибавились притеснения черноризцев». *Вăрăм çӳçсем килнĕ* «Приехали длинноволосые».

3.1.2.2. Субстантивные идиоматические сочетания— названия предметов

Идиоматические сочетания — названия предметов разделяются на две группы: 1) идиомы — обозначения конкретных предметов и 2) идиомы — обозначения отвлеченных понятий.

Первая группа ограничивается небольшим количеством субстантивных идиоматических сочетаний. Они главным образом являются образными, стилистически окрашенными названиями предметов быта, повседневного пользования: *хĕрарăм турри* «зеркало» (букв. женский бог), *çут черкке* «рюмка с водкою» (букв. светлая рюмка), *симĕс кайăк* «зеленый змий» (букв. зеленая птица), *çурăм ăшши* «телогрейка» (букв. спина тепло ее), *вут касси* «кочерга» (букв. огонь улица его), *усал (шуйттан) шывĕ* «зеленый змий» (букв. дьявольская вода).

Вторая группа объединяет сравнительно большое количество идиоматических сочетаний. Основная их функция состоит не столько в том, что называют абстрактные, нередко емкие и сложные понятия, сколько в том, что обозначают понятия, осложненные экспрессивно-эмоциональным, образным значением, выражают значения, которые содержат в себе и характеристику, и оценку фактов действительности. Иначе говоря, идиомы этой группы характеризуются ярко выраженной субъективной модальностью. Например: *ал хыпанĕ* «вороватость», *вак сăмах* «придирка, замечание» (букв. мелкое слово; ср.: *вак сăмахлă çын* «человек, придирающийся из-за мелочей», *ватă (ват) ăшши* «бабье лето» (букв. старый человек тепло его, тепло старого человека), *вăрăм ыйхă* «смерть, вечный сон» (букв. долгий сон), *вăй питти* «в полной силе, полная сила» (букв. сила крепость ее), *вăрттăн кĕтес* «тихий, укромный уголок» (букв. тайный угол), *йыта кулли* «позор, стыд» (букв. собачье посмешище), *камăл екки* «слабая струна, струнка» (букв. расположение духа нрав его), *кĕсье чирĕ* (шутл.) «полное безденежье» (букв. карманная болезнь; русск. соотв. карманная чахотка), *ку тĕнче* «этот свет», *куç çути (çутти)* 1) «отрада для взора», 2) «зрение» (букв. свет глаза), *кун çути* «жизнь, житье» (букв. дневной свет), *леш (çулти) тĕнче, леш çĕр* «потусторонний, подземный мир, загробная жизнь, тот свет» (букв. тот свет, та земля, тот мир, который наверху), *лутра ял* «кладбище» (букв. низкая деревня), *малти выран* 1) «приоритет, пальма первенства» 2) «авангардная роль» 3) «первое место» (букв. переднее место), *май касси (татти)* «зарез, гибель», *пурнăç тĕвви* «зародыш» (букв. жизненный зародыш), *пуç пĕтти çĕр* «место, откуда нет возврата» (букв. место, где голова гибнет) и др.

В современном чувашском языке субстантивные идиоматические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией, являющиеся названиями отвлеченных понятий, заметно пополнились и пополняются за счет заимствований из русского языка, и через него — из других языков. Процесс заимствования интернациональных и русских фразеологизмов чувашским языком главным образом происходит путем калькирования. В зависимости от того, калькированию подвергается каждый компонент фразеологизма (идиоматического сочетания) или лишь

часть его компонентов, различаются фразеологические кальки и фразеологические полукальки[31]. В чувашском языке встречаются и те, и другие.

Примеры с идиомами — фразеологическими кальками: *ăшă выран* «теплое (тепленькое) место», *сăпса йăви* «осиное гнездо», *аслă çул* «большая дорога», *тĕнче (çĕр) кăвапи* «пуп земли», *ылтăн туй* «золотая свадьба», *кĕмĕл туй* «серебряная свадьба», *шутсăр ăслă ыраш патри* «премудрый пескарь», *çĕнĕ сăмах* «новое (последнее) слово», *машкал юпи* «позорный столб», *тупă ашĕ* «пушечное мясо», *хупăлчари этем* «человек в футляре», *сарă шуйттан* «желтый дьявол», *сăмах вăййи* «игра слов», *ăмсантаракан (илĕртекен) çимĕç* «запретный плод» и др.

Примеры с идиомами — фразеологическими полукальками: *чĕрĕ тавар* «живой товар», *чĕрĕ хаçат* «живая газета», *чĕрĕ инвентарь* «живой инвентарь», *чĕрĕ летопись* «живая летопись», *пиллĕкмĕш колонна* «пятая колонна», *мир кăвакарчăнĕ* «голубь мира», *таххăрмĕш вал* «девятый вал», *Дамокл хĕçĕ* «дамоклов меч», *медалĕн тӳнтер (тепĕр) енĕ* «оборотная (обратная, другая) сторона медали» и др.

3.2. Структурная характеристика

Субстантивные идиоматические сочетания в основном имеют строение простых словосочетаний, т. е. двучленны, количество многочленных идиом весьма ограниченно. Объясняется это тем, что большинство рассматриваемых идиоматических сочетаний образовано путем преобразования семантики словосочетаний, общеупотребительных и часто встречающихся в речевой практике. Немаловажным фактором, действующим при образовании идиом — составных названий следует считать и то, что они являются предметными, или элементными, номинациями. И, вполне закономерно, в языке в качестве названий предметов и лиц утверждаются такие сочетания слов, которые по своей протяженности (фонетико-грамматической оформленности) ближе к словам. Вот почему идиомы — составные наименования, как и фразеологизмы вообще, представляют собой краткие, сжатые обороты речи, удивительно емко и точно передаю-

[31] *Шанский Н. М.* Указ. раб., с. 140—143.

щие вкладываемый в них смысл, легко запоминающиеся и удобные для пользования.

Среди двучленных идиоматических сочетаний как продуктивные выделяются следующие структурные группы:

1) «имя существительное — имя существительное» (изафет I): *çил çуна* «аэросани» (букв. ветряные сани), *юр пике* «снегурочка» (букв. снежная красавица), *хĕлĕх хӳре* «порода уток» (букв. волосяной хвост), *ирçе кукамай* «красное насекомое с черными пятнами» (букв. эрзя бабушка), *тимĕр пăрçа* «скупец, скряга» (букв. железный горох), *йĕс пыр* «человек, слишком разборчивый в еде» (букв. медная глотка), *чаха чун* «трус» (букв. куриная душа);

2) «имя существительное — имя существительное в 3 лице ед. ч.» (изафет II): *алак уме* «сени» (букв. место перед дверью), *упа чĕрни* «лапка (для рыхления грядок)» (букв. медвежий коготь), *ала хушши* «обсевок, пустое, не засеянное пространство, оставленное между рядами посеянных семян», *çĕлен пуçĕ* «болезнь ногтей» (букв. змеиная голова), *пуç вĕçĕ* «изголовье» (букв. конец головы), *лаша куçĕ* «пузыри, образующиеся при падении капли в воду» (букв. лошадиный глаз), *пĕве тĕпĕ* «ил на дне пруда», *хир качаки* «косуля» (букв. степная коза), *тинĕс çăлтăрĕ* «морская звезда», *çирĕк тăрри»* «чиж» (букв. верхушка ольхи), *уй чĕкеçĕ* «род блохи, нападающей на рассаду репы, капусты» (букв. полевая ласточка), *тăмана пуç (пуçĕ)* «бестолковый» (букв. совиная голова), *эрех пички* «пьяница» (букв. винная бочка);

3) имя существительное на -ла(-лĕ) — имя существительное»: *аварлă кулач* (диал.) «бублик», «калач» (букв. калач с рукояткой), *пуçла йĕп* «булавка» (букв. иголка с головкой), *шĕпĕнлĕ кукша* «бородавчатая парша» (болезнь растений; букв. хвост с иглами), *тĕклĕ таракан* «мокрица» (букв. мохнатый таракан), *хуранлă шапа* (диал.) «черепаха» (букв. лягушка с котлом), *çыруллă пăрçа* «пестрая фасоль» (букв. горох с узорами), *тусанлă вутпуççи* «пыльная головка» (букв. головня с пылью), *юплĕ хăлха* «глухой человек»;

4) «имя прилагательное — имя существительное»: *хура майрака* «рожки» (букв. черный рог), *чĕрĕ кĕмĕл* «ртуть» (букв. живое серебро), *çĕнĕ хĕр* «визит родителей жениха к родным невесты» (букв. новая дочь),

варттан куç «роговидный нарост (на голени лошади)» (букв. тайный глаз), *хĕрлĕ кĕтес* «красный уголок», *çара çерçи* «летучая мышь» (букв. голый воробей), *шурă кут* «стриж» (букв. белый зад), *хытă кайăк* «жужелица» (букв. твердая птица), *пылак чĕлхе* «подхалим» (букв. сладкий язык), *йĕпе тута* «молокосос» (букв. мокрые губы).

К непродуктивным структурным группам субстантивных идиоматических сочетаний, соответствующих по форме простым словосочетаниям, относятся следующие:

1) «имя числительное (количественное) — имя существительное»: *çĕр хут (хутти)* «часть желудка жвачного животного» (букв. сто слоев), *çĕр ура* «мокрица; стоножка» (букв. сто ног), *утмăл турат* «василек» (букв. шестьдесят ветвей), *виç ура* «треножник» (таган);

2) имя существительное — причастие на *-акан(-екен), -ан(-ен)*»: *юн ĕмекен (çиекен)* «пиявка» (букв. кровопийца), *хăйăр çиен «пескарь,* голавль» (букв. пескоед), *мăй пăран* «вертишейка, вертиголова» (букв. шею повертывающий);

3) «имя существительное — имя действия»: *ал туни* «всякая ткань, сотканная руками» (букв. то, что сделано руками), *пыл çуни* «падение медвяной росы (падь)» (букв. то, что идет мед), *ală çавpăнни* «имение досуга для чего-либо», *хăма çурни* «опилки» (букв. то, что спилено на доски), *шăмă хутăштарни* «кровосмешение» (букв. то, что кость смешали);

4) «имя прилагательное — имя существительное на *-лă(-лĕ)* в субстантивной форме»: *хура ӳтлисем* «чернокожие» (букв. те, у которых черная кожа), *шурă ӳтлисем* «белокожие, белые» (букв. те, у которых белая кожа), *ăшă юнлисем* «теплокровные» (букв. те, у которых теплая кровь), *йĕкĕр чĕрнеллисем* «парнокопытные» букв. те, у которых пара копыт);

5) «имя существительное — имя существительное на *-чи»: амăш айĕнчи* «сосун» (о жеребятах, телятах и т. п.; букв. тот, который под матерью), *хăяр çинчи* «чучело на загоне, где посеяны огурцы» (букв. тот, который на огурцах);

6) «деепричастие на -а(-е) — имя существительное»: *чĕтре хӳре* «трясогузка» (букв. трясущийся хвост), *макра хытти* «комок в горле».

4. Адъективные идиоматические сочетания

4.1. Семантическая характеристика

Адъективные идиоматические сочетания по смысловому содержанию и категориальным свойствам соотносятся с именами прилагательными. Как и прилагательные, они обозначают признак предмета в широком смысле слова. Признаковость, направленная на предметы,— важная черта этих соединений слов. Данное свойство у части адъективных идиоматических сочетаний выражается в том, что они обладают способностью указывать на степень проявления признака, присущего тому или иному предмету и лицу. Ср.: *халхи хыта* «он не слышит» — *халхи хытăрах* «у него плохой слух, он туговат на ухо»; *алли-ури çыпăçать* «он искусный работник» — *алли-ури пит çыпăçать* «он искуснейший работник».

Однако адъективные идиомы в отличие от прилагательных, принадлежащих к нейтральному стилю лексики, не только обозначают признаки предметов (денотативность), но и дают этим признакам экспрессивно-оценочную характеристику (коннотативность). Факты показывают, что рассматриваемые идиоматические сочетания большей частью ярко и выразительно определяют качества и свойства лиц.

Среди адъективных идиом-фразеологизмов прежде всего выделяются большим числом и разнообразием оттенков в смысловой структуре словесные соединения, характеризующие признаки, связанные с умственной, речевой способностью человека: *ăсĕ кĕске (кĕскерех)* «у него ум короток (коротковат), у него ума немного», *пĕр хутлă* «глупый; простоватый» (букв. в один слой или этаж), *шăтăк тӳпеллĕ* «глуповатый» (букв. с дырявой макушкой), *тăрри (пуç тăрри) шăтăк* «глуповат, с изъяном» (букв. макушка головы дырявая, т. е. дырявое темя; русск. соотв.: в голове одной клепки нехватает, винтиков (клепок) нехватает), *хурçă вĕçлĕ (чĕлхеллĕ çын)* «острый на язык» (букв. с языком со стальным кончиком), *сави пит яка* «льстивый, хорошо говорящий» (букв. у него струг очень гладкий).

К распространенному семантическому разряду следует отнести и идиоматические сочетания, ярко и выразительно характеризующие физическое состояние чело-

века, его внешний облик: *çемçе уралла* «слабый, невыносливый» (о человеке и лошади; букв. имеющий мягкие ноги), *пачартасан çу тухать* «жирный» (букв. когда нажмешь — жир выходит), *хăлхи хытăрах* «у него плохой слух; он туговат на ухо» (букв. у него уши немного твердые).

Среди адъективных идиоматических сочетаний, характеризующих внешний облик человека, его физические качества, выделяется большая группа словесных соединений, смысловая структура которых отличается особой яркостью, выразительностью и сильными экспрессивными свойствами. Это так называемые сравнительные обороты. Так, например, в чувашском языке бытует целая группа сравнительных оборотов — идиом, в красочных тонах изображающих свойства такого важного органа человека, как глаза: *(куçĕ) алтар пек* «(у него глаза) как большой деревянный ковш» (т. е. у него глаза с величиною с *«алтар»;* говорят о человеке с очень большими глазами на выкате; русск. соотв.: лупоглазый), *(куçĕ-пуçĕ) вилнĕ сурах куçĕ пек* «глаза некрасивые» (букв. как глаза дохлой овцы), *икĕ черккĕ пек (куç)* «большие, красивые (букв. как две чарочки) глаза», *(куçĕсем) çурампуç çути пек* «глаза как свет утренней зари», *лаша куç пек (куç)* «большие, здоровые глаза (букв. как лошадиные глаза)».

В разговорном, а также в литературном языке встречается много сравнительных оборотов, ярко и художественно рисующих особенности лица, стана, фигуры человека: *çĕмĕрт пек (пĕвĕ)* «стройная фигура» (букв. как черемуха фигура), *валта хулли пек (кĕлетке)* «высокая стройная фигура» (букв. как удилище фигура), *куçкĕски пек (аппа)* «красивая (букв. как зеркало) сестра», *кĕл пекех (сăнĕ)* «у него лицо бледное» (букв. как зола), *пирĕн ял хĕрĕсем йĕтĕр пек* «(девушки нашей деревни) стройные» (букв. как скалка), *(пичĕ-куçĕ) чĕкеç пек* «у него лицо нежное, красивое» (букв. у него лицо как ласточка), *янтал пек (ял-хĕрсем)* «как стеклышко (девушки нашей деревни)», *нар пек (хĕр)* «как нар» (означает девушку, здоровую, полную, круглолицую, красивую и т. п.), *(сăнĕ-пичĕ) çырла пек* «кровь с молоком» (букв. у него лицо как ягода), *хут çине ӳкернĕ пек* «как картинка» (букв. как нарисованная на бумаге), *шăрчăк çинĕ çырла пек (хĕрсем)* «не свежие (букв. как ягода, которую ел сверчок) девуш-

ки», *сар ука пек çӳç* «золотистые (букв. как желтая метелка) волосы», *такана пек (хырăмĕ)* «большой (букв. как корыто) живот», *эрешмен пек* «худой, тощий» (букв. как паук), *алса пӳрнески пек (карчăк)* «маленькая (букв. как наперсток) старуха», *тăрна пек (çын)* «высокий (букв. как журавль) человек».

Самым продуктивным семантическим разрядом идиоматических сочетаний анализируемого типа являются соединения слов, дающие образную, экспрессивно-эмоциональную характеристику качествам человека, связанным с его внутренним миром, определяющим, по существу, проявление самых различных черт в поведении, поступках индивидуума: *хура юн ăшчикĕ* «злой, злобный, злюка» (букв. черная кровь душа его), *пуçĕнче çил çӳрет* «легкомысленный, несерьезный» (букв. в голове гуляет ветер), *кутăн çурална* «упрямый» (букв. родился вперед ногами), *питне кеçе (кĕççе) çĕленĕ* «бесстыжий, у него нет стыда» (букв. к лицу пришил войлок), *алли кукăр* «нечист на руку» (букв. у него рука кривая), *икĕ (ик) питлĕ* «двуличный» (букв. имеющий два лица). *чĕлхи вăрăм* «у него язык длинный» (т. е. болтливый, имеющий склонность говорить лишнее).

В составе образных средств чувашского языка живо и ярко обозначающих и отражающих внутренние качества человека, его психическое состояние, значительное место занимают адъективные идиоматические сочетания — сравнительные обороты, образованные в языке в результате сравнения того или иного признака индивидуума с элементами предметного ряда на основании ассоциации по сходству в каком-либо отношении. Идиомы со структурой сравнения создают неповторимое, красочное, живое, образное представление о непреходящих чертах в характере человека. Ср. :*кăвакарчăн пек (хĕрĕм)* «моя красивая (букв. как голубь) дочь», *парчăкан пек (ача)* «бойкий, проворный (букв. как трясогузка) ребенок», *(пирĕн инке) чун пек* «(наша тетя) ровно своя душа», *вĕлтрен пек* «проворный; быстрый, торопливый» (букв. как крапива), *пуç çаврăннă сурăх пек* «(человек) со слабой памятью» (букв. как овца, у которой кружится голова), *йыт пулли пек* «маленький, живой» (букв. как головастик).

В современном чувашском языке встречаются и адъективные идиомы-фразеологизмы в форме образных сравнений, служащих для экспрессивно-эмоционального

изображения признаков, определяющих физическое состояние лица: *кашкăр пек (ывалĕ)* «(у него сын) здоровый, сильный» (букв. как волк), *йĕс шăнкăрав пек (сасси)* «очень звучный голос» (у него голос как медный колокольчик), *алли тукмак пек* «у него руки точно колотушки (т. е. большие)».

Среди идиом-фразеологизмов, соотносительных с прилагательными, выделяется еще одна семантическая группа. Это соединения слов, характеризующие материальное и социальное положение человека: *кĕсье тĕпĕ яка* «денег совсем нет» (букв. дно кармана гладкое), *кĕсйи хулăм (хулăн)* «у него полон карман денег» (букв. карман толстый).

Рассмотренные семантические группы адъективных идиоматических сочетаний связаны с образным отображением внутренних и внешних черт человека. Образная и экспрессивно-эмоциональная характеристика лиц — это их основная функция.

В чувашском языке бытует много адъективных идиом, определяющих признаки предметов, явлений, представителей животного мира. К ним, например, относятся сравнительные обороты: *кайăк пуç пек (тăман)* «крупный (букв. как птичья голова) снег», *упа сурчăк пек (çумăр çăвать)* «мелкий моросящий (как медвежья слюна) дождь», *(сари) пыл пек* «у него пиво сладкое (букв. как мед)», *такана çинчи шыв пек* «ненадежный» (о деле, слове и т. п.; букв. как вода в корыте), *кӳлĕ пек (сара ту)* «много (букв. как озеро) пиво сварить», *вут пек (сара)* «крепкое (букв. как огонь) пиво», *çĕлен пек (тиха)* «жирный (букв. как змея) жеребенок», *çĕлен пек (ут)* «упитанный, высокий, гладкий (букв. как змея) конь», *çĕлен пек (çын)* «злой (как змея) человек», *улăх пек (пĕвĕм)* «большое (букв. как луг) тело», *(килĕ, çурчĕ) сала пек* «(у него дом) как село», *(çул) çатма пек* «(дорога) гладкая» (букв. как сковорода), *(пĕрчи) пăрçа пек* «(зерна) крупные как горох», *(хăярĕ) хăйра пек* «(огурцы) крупные (как точило)», *майăр пек тар пĕрчи* «с орех пот», *хĕлĕх пĕрчи пек (çул)* «узкая (букв. как волос) дорога», *сар çу пек (кун)* «теплый, солнечный (букв. как топленое масло) день», *йĕп вĕç (вĕçĕ) пек* «как кончик иглы».

4.2. Структурная характеристика

В чувашском языке выделяются два структурных типа адъективных идиоматических сочетаний: 1) идиомы, совпадающие по форме с адъективными словосочетаниями, и 2) идиомы, совпадающие по форме с предложениями.

Адъективные идиоматические сочетания первого структурного типа образуются двумя способами: 1) путем присоединения к уже существующим идиомам аффикса *-ла(-лӗ)*, например, *кара çӑвар* 1) «горлан, крикун» 2) «болтун» 3) «ротозей» (букв. раскрытый рот) — *кара çӑварла* «горлан, крикун» (букв. имеющий раскрытый рот, с раскрытым ртом), *шатак тӳпе* «глуповатый человек» (букв. дырявая макушка) — *шатак тӳпеллӗ* «глупый, глуповатый» (букв. имеющий дырявую макушку, с дырявой макушкой), *ала çавранаçӗ* 1) «досуг» 2) «сноровка» (букв. поворот руки) — *ала çавранаçла* «удобный, досужий» (букв. имеющий поворот руки), *шӑл çемми* «то, что по зубам» (букв. зуб подходящий его) — *шӑл çеммиллӗ* «то, что по зубам» (букв. имеющий то, что по зубам); 2) путем переосмысления семантики адъективных словосочетаний, например, *пӗр хутла* «простоватый, глупый» (букв. в один слой, в один этаж), *хыта пуçла* «упрямая» (о лошади; букв. с твердой головой).

Адъективные идиоматические сочетания второго структурного типа, т. е. идиомы, равные по структуре предложениям, бывают двух разновидностей: 1) идиоматические сочетания, сходные по форме с простыми двусоставными предложениями, и 2) идиоматические сочетания, сходные по форме с односоставными предложениями.

Идиомы-фразеологизмы первой разновидности включают в свой состав словесные соединения, соответствующие по форме структурным схемам двусоставных предложений типа: а) «имя существительное в форме 3 лица ед. ч. — имя прилагательное», б) «имя существительное в форме 3 лица ед. ч. — имя существительное», в) «имя существительное в форме 3 лица ед. ч. — наречие» и г) «имя существительное — глагол».

Адъективные идиоматические соединения, равные структурной схеме «имя существительное в форме 3 лица ед. ч. — имя прилагательное» большей частью обра-

зованы от субстантивных идиоматических сочетаний — названий лиц по признаку. Выше было отмечено, что идиомы, соотносительные с существительными, в результате перемещения компонентов подвергаются адъективизации. Следует особо подчеркнуть, что не все субстантивные идиомы — обозначения людей, равнозначные по внешнему строению словосочетаниям образца «имя прилагательное—имя существительное», образуют соотносительные пары типа *кёске турта* «вспыльчивый человек, человек с крутым характером» (букв. короткая оглобля) — *турти кёске* «вспыльчивый, с крутым характером» (букв. у него оглобля короткая). Лишь определенная часть идиом названного строения допускает преобразование своей грамматической структуры. Большинство адъективных идиоматических сочетаний существует в языке в форме или словосочетаний, или предложений (например, *хӳри кёске* «ветреный, легкомысленный; ненадежный, не внушающий доверия» (букв. у него хвост короток) — *кёске хӳре; *алли вăрăм* 1) «склонный допускать рукоприкладство (без особой причины)» 2) «склонный к хапужеству» (букв. у него рука длинная) — **вăрăм ала; хăлхи шăтăк* «глуховат» (букв. у него уши дырявые) — **шăтăк хăлха; ури йывăр* «тяжел на ногу (ноги)» (букв. у него нога тяжелая) — **йывăр ура; утти çăмăл* «легок (скор) на ногу» (букв. у него походка легкая) — **çăмăл ута*).

Изменение порядка расположения компонентов главным образом свойственно субстантивным идиомам, в составе которых первыми компонентами выступают качественные прилагательные. Ср.: *кукăр ала* «вор, вороватый, занимающийся воровством» (букв. кривая рука) — *алли кукăр* «нечист на руку» (букв. у него рука кривая), *шăтăк тӳпе (пуç тӳпи)* «глуповатый, придурковатый, недотепа» (букв. дырявое темя) — *çамки (тарри, тӳпи, пуç тӳпи, пуç тарри) шăтăк* «он придурковатый, глуповатый; он недотепа» (букв. у него темя дырявое), *вăрăм чĕлхесем* «длинные языки, болтливые, не умеющие сдерживаться в разговоре люди» (букв. длинные языки) — *чĕлхисем вăрăм* «у них языки длинные», *пуклак чĕлхе* «косноязыкий (букв. тупой язык) — *чĕлхи пуклак* «тупой на язык» (букв. у него язык тупой), *ылтăн ала (алăсем)* «золотые руки» — *алли (аллисем) ылтăн* «руки золотые», *çăмăл ала* «легкая рука» — *алли çăмăл* «легок на руку» (букв. у него рука легкая).

Адъективные идиоматические сочетания, соответствующие по форме структурным схемам предложений «имя существительное в 3 лице ед. ч. — имя существительное» и «имя существительное в 3 лице ед. ч. — наречие» в чувашском языке не получили широкого распространения, встречаются лишь единичные примеры: *чĕри хыта чул* «у него сердце каменное» (букв. у него сердце твердый камень), *ашĕ-чикки хура кăмрăк* «он черная душа» (букв. у него душа черный уголь), *чышки малта* «он любит давать волю кулакам» (букв. у него кулак впереди), *çаварĕ çӳлте* «у него речь грубая» (букв. у него рот наверху), *алли вăр-вар* «скор на руку» (букв. у него руки быстро действуют).

В адъективных идиоматических сочетаниях, имеющих форму предложений типа «имя существительное—глагол» глагольный компонент обычно бывает в форме настоящего времени ед. ч. или в форме причастий на *-нă (-нĕ)*. На наш взгляд, употребление названных форм в составе идиом связано с тем, что именно эти формы приспособлены для обозначения постоянных, непреходящих качеств лица. Приведем примеры: *пуçĕ ĕçлет* «у него голова (котелок) варит» (букв. у него голова работает), *пуçĕнче çирĕм пиллĕк çитмест* «он глупый, дурак» (букв. у него в голове двадцати пяти недостает), *алли-ури çыпăçать* «он искусный работник» (букв. у него рука-нога клеится), *лакки таранмасть* «ненасытная утроба» (о пьяницах; букв. у него глотка не насыщается), *пакарти хĕрнĕ* «он пьяный» (букв. у него потроха накалена), *таррине авас пусман* «он глуповат» (букв. у него макушка еще не залеплена воском).

Отдельную группу адъективных идиоматических сочетаний составляют словесные обороты, совпадающие по формальным признакам со свободными односоставными предложениями. К ним, например, относятся следующие: *картне ларман* «полоумный, недоумок» (букв. в свою зарубку не вошло), *çăпати пуçне путек çулать* (диал.) «очень старый» (букв. головки лаптей ягненок лижет), *питне кĕçе çĕленĕ* «он потерял всякий стыд» (букв. на свое лицо войлок пришил), *тăмран туса хĕвелпе хытарна* «неумелый, неловкий, недотепа» (букв. из глины сделали, на солнце сушили).

Идиоматические сочетания данной структурной разновидности, по сравнению с идиомами, имеющими строение двусоставных предложений, характеризуются боль-

шей степенью обобщенности значения, они по смысловому содержанию сходны с общенародными поговорками, а отдельные из них ими и являются: *кассан юн тухмĕ* «очень скупой» (букв. порежешь — кровь не потечет), *кĕпепе çурална* «родился в сорочке».

Особо следует остановиться на структурных особенностях адъективных идиоматических сочетаний, являющихся сравнительными оборотами. Они большей частью дву- и трехчленны, более сложные структуры для них не типичны. Это объясняется тем, что в процессе длительного употребления и фразеологизации сравнительные обороты, как и все другие обиходные образные выражения, отшлифовываются, из их состава отсеиваются компоненты, несущественные для смысла конструкций, что приводит к усилению значимости основного компонента. «В долгом речевом обиходе излюбленные выражения,— отмечает Б. А. Ларин,— утрачивают подробности, укорачиваются, сохраняя лишь самые необходимые элементы, часто — только начало формулы. Привычное, давно известное, всем памятное понимается с полуслова, с полунамека. Первоначальный, нормальный состав деформируется, от него остается сигнальный фрагмент, который скоро превращается в идиому, неразложимое словосочетание...»[32]. По-видимому, вследствие эллипса части сравнительных конструкций фразеологического характера образовались, в частности, следующие простые по форме, но сжатые, емкие по смыслу сравнения-идиомы: *çĕмĕрт пек (куçĕсем)* «черные (букв. как черемуха) глаза» < *хура çĕмĕрт пек* «как черная черемуха», *ӳкерчĕк пек* «как картинка» <*ӳкерчĕк çинчи пек* «как на картинке» <*хут çине ӳкернĕ пек* «красивая» (букв. словно нарисованная на бумаге), *чие пек* «румяный, здоровый» (букв. как вишня; русск. соотв.: кровь с молоком)» <*хĕвелпе пиçнĕ чие пек* «румяный, здоровый» (букв. как вишня, поспевшая на солнце), *çырла пек* «румяный» (букв. как ягода) <*хĕвелпе пиçнĕ çырла пек* «румяный» (букв. как ягода, поспевшая на солнце).

Однако в том случае, когда сокращение компонентного состава сравнительных оборотов может привести к изменению или искажению их утвердившегося в языке смыслового содержания, эллипса не происходит. Так, в чувашском языке бытует идиоматическое сочетание в

[32] *Ларин Б. А.* Указ. раб., с. 145.

форме сравнения *шăрчăк çинĕ çырла пек (хĕрĕ)* «несвежая, некрасивая» (букв. как ягода, которую ел сверчок). Редукция части данной идиомы *шăрчăк çинĕ* «сверчок ел» нарушила бы ее семантическую структуру. За сравнительным оборотом *çырла пек* «словно ягода» в языке закрепилось значение «здоровый, красивый» (кровь с молоком), оно, по сути дела, антонимично значению, которое выражается сравнительным оборотом *шăрчăк çинĕ çырла пек*.

Выделяются два структурных типа адъективных идиом в форме сравнений: 1) адъективные идиомы, равнозначные по форме соединениям полнозначного слова со служебным, и 2) адъективные идиомы, равнозначные по форме словосочетаниям.

Адъективные идиомы первого структурного типа в основном представляют собой сочетание имени существительного с послелогом *пек* «как, словно, точно»: *уха пек (пӳ)* «стройная (букв. как стрела) фигура», *(ачи) çалтар пек* «(у него ребенок) здоровый, красивый» (букв. как звезда), *кунта пек (пуçĕ)* «очень большая (букв. как лукошко) голова» (русск. соотв.: голова с пивной котел).

Адъективные идиомы второго структурного типа — по строению большей частью простые словосочетания: *ик улма пек (куç)* «большие, красивые (букв. как два яблока) глаза», *лаша куçĕ пек (çумар)* «как лошадиные глаза (дождь)» (если капли дождя падают на пруд, и при этом образуются пузыри, то говорят: *çумăр лаша куçĕ пек çавать), вĕри вут пек (çилли пур)* «он очень вспыльчив» (букв. как огонь), *хура çĕмĕрт пек (асла)* «черное (букв. как черемуха) сусло» (т. е. очень хорошее сусло), *çерçи пуç пек (юр)* «крупный (букв. как воробьиная голова) снег».

Идиомы-сравнения со структурой сложных словосочетаний сравнительно редко наблюдаются: *хут çине ӳкернĕ пек (хĕрĕ)* «у него дочь как картинка» (букв. как нарисованная на бумаге), *вилнĕ лаша шăмми пек* «очень худое (букв. как кости дохлой лошади) тело», *йĕп куçĕнчи пурçăн пек* «как шелк в ушке иглы» (о красивых девушках).

4.3. Синтаксические функции

Функциональная значимость названного семантико-грамматического разряда идиоматических сочетаний в

целом совпадает с синтаксической функцией имен прилагательных. Иными словами, адъективные идиомы в предложении выступают в основном в роли тех же членов, что и имена прилагательные. Ср.: 1. *Шăтăк тӳпеллисем пирĕн ӗмӗре çитеççĕ-ха* (Ашм.) «Глупых (букв. тех, кто с дырявой головой) на наш век хватит». 2. *Аллинкукри пур* (Ашм.) «Он занимается мелким воровством (букв. у него есть кривизна руки)» 3. *Ăна унăн ялĕнчи çыннисем пурте пĕр хутлă çын, теннĕ* (Ашм.) «Его за это односельчане все называли глупым человеком (букв. человеком в один слой). 4. *Шăл çеммиллĕ тул çамах* (Ашм.) «Пшеничные клецки, которые по зубам».

Из приведенных в 1 и 2 предложениях идиомы употребляются в роли подлежащего, в 3 и 4 предложениях— в роли определения.

Все же следует особо указать, что в отличие от прилагательных соотносительные с ними идиомы-фразеологизмы редко употребляются в роли подлежащего, дополнения и определения. Основная функция рассматриваемых идиоматических сочетаний — это функция сказуемого. Вполне понятно, адъективные идиомы, как и многие другие фразеологизмы, призваны в языке прежде всего для образной и экспрессивно-оценочной характеристики признаков лица. Наиболее благоприятствующим условием для реализации ими названной функции является позиция сказуемого. Именно в данной позиции значения идиом приобретают характер утверждения. Поэтому эти значения уместно называть предикативно-характеризующими[33]. Ср. примеры:

Пахма тем чул лайăх çын, ăшĕ-чикки хура кăмрăк (Ашм.) «С виду очень хороший человек, а черная душа (букв. у него душа черная)». *Санăм хура, ăсăм кĕске* (Ашм.) «Сам я черный (некрасивый), ума немного (букв. ум мой короток»). *Унăн хăлхи шăхăрмасть* (Ашм.) «Он плохо слышит (букв. у него уши не свистят)». *Сирĕк турта вăл, кĕрĕкне частавăрса тăхăнать* (Ашм.) «Очень вспыльчив он, может быстро рассердиться (букв. вывернет шу-

---

[33] *Солодуб Ю. П.* К вопросу о продуктивности предикативно-именных фразеологизмов со значением качественной оценки лица.— В сб.: Русский язык. Сб. трудов МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1975, с. 295—303.

бу наизнанку и наденет)». *Йыснаҫамăм авă пур, тутине кушак ҫулана* (Ашм.) «У меня зять есть, разиня (букв. губы его облизала кошка)». *Ҫаварĕ ҫӳлте-ха унăн. Никама та паранасшăн мар* (Ашм.) «Он грубый. Никому не хочет подчиняться».

Адъективные идиоматические сочетания, являющиеся сравнительными оборотами, по их роли в предложении отличаются некоторым своеобразием. Они в роли подлежащего и дополнения не встречаются, функционируют главным образом как определение и сказуемое. Например:

1. *Ухă пек пĕве ӳстертĕм, ҫиче ют хури пулайрĕ* (Ашм.) «Выросла стройная (букв. как стрела), стала осрамленной чужим человеком». *Вăл чее, харсăр, вут пек хĕр пулнă* (Ашм.) «Она была хитрой, бойкой, работящей (букв. как огонь) девушкой».

2. *Пирĕн ял хĕрĕсем йĕтĕр пек, пичĕ-куҫĕ чĕкеҫ пек* (Ашм.) «Девушки нашей деревни стройные (букв. как скалка), лица нежные, ласковые (букв. как ласточка)». *Вăл парчăкан пек* (Ашм.) «Он очень проворен (букв. как трясогузка)».

В первой группе примеров идиомы-сравнения выступают в роли определений, во второй группе — в роли именных сказуемых.

5. Адвербиальные идиоматические сочетания

5.1. Основные семантические признаки

В системе идиом-фразеологизмов чувашского языка большое место занимают адвербиальные, или наречные, идиоматические сочетания. Это устойчивые словесные комплексы, соотносительные по смысловому содержанию и функциональным особенностям с наречиями. Общей их характеризующей чертой является экспрессивно-оценочное, эмоциональное определение признака действия. Признаковость, связанная с действием или состоянием,— это категориальное свойство названных соединений слов. Данным свойством определяется то, что стержневые компоненты адвербиальных идиом не обладают формами словоизменений, они застыли в одной форме. Например, в наречных идиомах *алă (ал) айне (хур)* «близко» (положить), *чĕлхе вĕҫне (тухса тăр)* «быть на языке» (о слове) стержневые компонен-

ты закрепились в форме дательного пад. ед. ч., в словесных соединениях *патак айĕнче (пуран)* «жить и переносить побои, терпеть побои», *куç хыçĕнче* «за глаза» — в форме местного пад. ед. ч. Следует еще раз подчеркнуть, что свойство стержневого компонента быть в одной фиксированной форме — это свойство и наречных идиоматических сочетаний, ибо формальные признаки стержневого слова — это средства выражения категориального значения и идиом как семантически целостных единиц языка.

В качестве стержневых компонентов в адвербиальных идиоматических сочетаниях обычно выступают имена существительные и неспрягаемые формы глагола, которые в составе идиом закономерно утратили присущее им лексическое значение, соответственно значение предметности и процессуальности в связи с тем, что сочетания слов в целостном виде адвербиализовались.

С характером категориального значения адвербиальных идиом-фразеологизмов связаны особенности их функционирования в предложении: анализируемые соединения слов выполняют те же синтаксические функции, что и наречия.

5.2. Структурная характеристика

Адвербиальные идиомы, по сравнению с другими семантико-грамматическими разрядами идиоматических сочетаний, отличаются большим разнообразием своего внешнего строения. Изучение особенностей их структуры особенно наглядно показывает гибкость языка в использовании всего многообразия форм для выражения тончайших оттенков, нюансов значения признака действия.

Одни из адвербиальных идиоматических сочетаний по своей форме соответствуют словосочетаниям, другие — свободным соединениям знаменательных слов со служебными, третьи — свободным предложениям. Наличие в языке трех структурных разновидностей идиом объясняется их происхождением.

5.2.1. Адвербиальные идиоматические сочетания со структурой словосочетаний

В зависимости от способа выражения стержневого компонента наречные идиоматические сочетания, имею-

щие структуру словосочетания, разделяются на две группы: 1) адвербиальные идиоматические сочетания, соответствующие по форме именным словосочетаниям, и 2) адвербиальные идиоматические сочетания, соответствующие по форме глагольным словосочетаниям.

В первой структурной группе наречных идиоматических сочетаний стержневые компоненты выражаются именами существительными. Они в составе рассматриваемых словесных соединений закрепились в следующих падежных формах:

1) в основном пад.: *пĕр кĕвĕ* «однообразно, без перемены» (букв. один лад), *пĕр сасартăк* «в один миг, в одно мгновенье» (букв. один миг), *çул май (майĕ)* «по пути», *пĕр саса* «в один голос» (букв. один голос; ср.: *пĕр саслăн* «единогласно»), *пĕр каса* «в один прием» (букв. часть чего-либо, часть целого»);

2) в старом орудийном пад.: *ала вĕççĕн* «без оружия, на кулаках», *ала çеммĕн* «по силам, по средствам, по карману» (букв. по руке), *чĕр пуççăн* «в живых» (букв. живой головой), *çара аллăн* 1) «голыми руками, без оружия» 2) «без варежек» (букв. голой рукой), *куç вĕççийĕн* «концом глаза» (русск. соотв. одним глазком), *куç айĕн (пăх)* «(смотреть) исподтишка», *пуç чиккĕн* «вниз головой, верх тормашкой»;

3) в дательном пад.: *ала(ал) айне (хур)* «близко (положить)» (букв. под руку положить), *йĕп çине (юл)* «при одной иголке (остаться)» (букв. на иголке остаться), *куç хыçне (тăрса юл)* «за глаза (остаться)», *шăл хушшине (хума çăкăр çук)* «очень бедно живут» (букв. нет хлеба, чтобы положить меж зубов), *чĕлхе вĕçне (тухса тăр)* «быть на языке» (о слове), *сăмах çине (кил)* «легок на помине» (букв. ты пришел тогда, когда речь шла о тебе), *пĕр чăмăра (пух)* «(собрать) в единый кулак»;

4) в творительном пад.: *вăй питтипе* «изо всей силы (мочи), изо всех сил, всеми силами», *йăта аллипе (ĕçле)* «(работать) спустя рукава» (букв. собачьей рукой), *сăмах майĕпе* 1) «к слову» 2) «между прочим», *уçă кăмăлпа (савăнса пуăн)* «с открытой душой (жить, радуясь)», *хăм куçпа (хăм куртăм)* «своими (собственными) глазами (видел)», *хура куççульпе (макăр)* «горько плакать» (букв. черными слезами), *шурă (сивĕ) куçсемпе (пăх)* «сердито, неприветливо (смотреть, встре-

ить и т. д.), «косо, недовольно (смотреть)», *куç хӳрипе (çеç пăх)* «искоса (смотреть)»;

5) в местном пад.: *ал ылмашӗнче* «между делом, на досуге», *ал айӗнче* «под рукой (рукою), при себе, очень близко», *йӗп тарринче* «на кончике иголки, в страхе, неспокойно, тревожно», *кашни утăмрах (пусăмрах)* «на каждом шагу», *куç хыçӗнче* «за глаза» (букв. за глазами), *куç умӗнче* 1) «на глазах» 2) «в глаза» 3) «очевидно» 4) «то,что перед глазами» (букв. перед глазами), *патак айӗнче (пуран)* «жить и переносить побои, терпеть побои» (букв. жить под палкой), *пӗр куç хупăмӗнче* «в один миг, в одно мгновенье», *сăмах айӗнче* «быть (постоянно) бранимым» (букв. под словом), *çак кунсенче* «на днях, на этих днях (в будущем)», *çын çинче* «в обществе других» (букв. на людях);

6) в исходном под.: *кӗтмен (туман) çӗртен* «неожиданно, внезапно, нежданно-негаданно (букв. от того места, откуда не ждали), *пӗр енчен (майӗнчен).., тепӗр енчен...* «с одной стороны,.. с другой стороны...», *пур çӗртен те* 1) «во всех отношениях» 2) «отовсюду» (букв. со всех мест), *вал тӗлӗшрен (тӗлӗшӗнчен)* «в этом отношении», *пур тӗлӗшрен те* «во всех отношениях», *чӗлхе çинчен (вӗçерӗннӗ сăмах)* «с языка (сорвавшееся слово)», *кӗтмен хутран* «неожиданно, внезапно, нежданно-негаданно» (букв. с того раза, которого не ждали), *сăмах вӗçӗнчен* «в конце концов» (букв. в конце слова);

Составной частью адвербиальных идиом описываемой структурной группы являются сравнительные обороты. Разнообразны особенности их внешних признаков. Одни из наречных идиом — сравнений формально совпадают с простыми именными словосочетаниями, другие — со сложными.

Адвербиальные идиоматические сочетания со структурой простых именных словосочетаний в зависимости от принадлежности компонентов к тому или иному лексико-грамматическому разряду и особенностей их морфологического строения разделяются на следующие подгруппы:

1) «имя существительное — имя существительное в 3 лице ед. ч. +*пек*»: *авăс çулçи пек (чӗтре)* «(трястись) как осиновый лист», *вӗлле хурчӗ пек (ӗçле)* «как пчела (работать)», *куç шарçи пек (сыхла)* «беречь, как зеницу ока», *макань çеçки пек (тӗлкӗш)* «(переливаться) как маков цвет», *çерçи пуçӗ пек (юр çăвать)* «снег па-

дает крупными хлопьями» (букв. как воробьиная голова), *çĕлен сăнни пек (кас)* «(резать) как змеиное жало»;

2) «имя существительное — имя существительное +*пек»: сара хурт пек (пуран)* «(жить) как трутень», *юхан шыв пек (юхтар)* «очень красноречиво (букв. как движение реки) говорить»;

3) «имя прилагательное — имя существительное +*пек»; выç кашкар пек (ула)* «(выть) как голодный волк» (говорят плачущему), *çивĕчĕ çĕçĕ пек (кастар)* «(резать) как острый нож», *хура вăрман пек (хупланса кил)* «как темный лес (заволакивать)», *хура çĕлен пек (авкалан)* «(извиваться) как черная змея»;

4) «причастие на *-на(-нĕ)* — имя существительное +*пек»: шăннă юпа пек (тарса юл)* 1) «как истукан (стоять)» 2) «один-одинешенек (остаться)» (букв. как замерзший столб), *шăнна çавар пек* «как ротозей» (как обледенелый, замерзший рот), *вилнĕ çын пек (çывăр)* «(спать) мертвым сном» (букв. как мертвый);

5) «имя существительное — имя существительное на *-чи* +*пек»: куç умĕнчи пек (кур)* «представлять что-либо воочию» (букв. видеть как перед глазами), *çу çинчи пек (пыр)* «как на мази, как по маслу (идти)», *хăяр çинчи пек (тумлан)* «(одеться) безобразно» (букв. как чучело на загоне, где посеяны огурцы).

Адвербиальные идиоматические сочетания — сравнения со структурой сложных словосочетаний встречаются редко, они в основном четырехкомпонентны: *çатма çинчи пăрçа пек* «мучительно, горестно» (как горох на сковороде), *шур сĕт çинчи хăйма пек* «в довольстве» (букв. как сметана на белом молоке), *пĕр пичкери сăра пек* «дружно, в согласии» (букв. как пиво в одной бочке), *пĕр пуслăхри чăхă чĕппи пек* «все вместе дружно» (букв. как выводок цыплят), *пĕр килти çын пек* «как родной человек» (букв. как человек, живущий в одном доме), *пусма лартнă чăхă пек* «не находит места, потерял покой» (букв. как курица-наседка), *алăри пилĕк пӳрне пек (пĕл)* «(знать) как свои пять пальцев».

Адвербиальные идиоматические сочетания со структурой глагольных словосочетаний часто представляют собой деепричастные обороты, в которых стержневым компонентом выступает деепричастие на *-са(-се)*. И это не случайно. Среди неспрягаемых глагольных форм

названные деепричастия более всего склонны терять черты глагольности и приобретать свойства слов, указывающих на признаки действий. Ср.: *вара тытса (кул, макар)* «держаться за животы (за бока), надрывать животики (от смеха, плача)» (букв. хватая живот смеяться, плакать), *камала хытарса* «скрепя сердце», *курпун каларса (ĕçле)* «гнуть горб (спину, хребет), т. е. выполнять тяжелую работу, заниматься тяжелым трудом», *пуçа чиксе (ĕçле)* «не поднимая головы (работать)», *пуçа чиксе (кĕнеке вула)* «уткнуть нос в книгу», *çавар карса (итле)* «разинув рот (слушать), развесить уши» (букв. раскрывая рот слушать), *çанна тавăрса (ĕçле)* «засучив рукава (работать)», *çавартан капак каларса (тупаш)* «с пеной у рта (спорить)», *çĕр çĕмĕрсе* 1) «сотрясая землю, с грохотом» 2) «неистово, бурно, вовсю» (букв. разрушая землю), *тар (хура тар) каларса (ĕçле)* «до пота, в поте лица (работать)», *ура хуçса (ташла)* «плясать вприсядку», *урасене хул çине çаварса хурса (вĕçтер)* «во весь дух (помчаться)» (букв. положив ноги на плечо бежать), *халхасене тăратса (итле)* «внимательно (слушать)» (букв. поднимая уши слушать), *хĕçпăшал тытса (хŭтĕле)* «с оружием в руках (защищать)», *пуçа ухса (çŭре)* «гордо, важно (ходить)» (букв. кивая головой ходить), *юнашар тăрса* «плечом (плечо) к плечу».

Изредка в составе адвербиальных идиоматических сочетаний деепричастия на *-са(-се)* употребляются в отрицательной форме, с компонентом на *(масар-месĕр)*: *пуçа çĕклемесĕр (хăпартмасăр)* «не поднимая головы», *урана çĕре тивертмесĕр (чуп)* «во весь дух (бежать)».

Иногда в качестве главного компонента в составе идиоматических сочетаний выступают деепричастия на *-иччен*. Деепричастные обороты с этим компонентом образно, с экспрессивно-эмоциональным оттенком обозначают такие свойства и обстоятельства, которые являются результатом интенсивного развития глагольного действия: *çăвартан куранниччен çисе тултар* «доотвала (букв. до того, что видно изо рта) наесться», *ку вăл пĕр куç хупса иличчченех пулса иртрĕ* «это случилось в мгновенье ока».

По-видимому, к адвербиальным идиоматическим сочетаниям следует отнести образования типа: 1) *«хăть* + деепричастие на *-са(-се)* — глагол в повелительном наклонении» (например, *хăть, хуть ларса (выртса) ма-*

кар «хоть плачь» (букв. сидя или лежа плачь), *хать çаканса вил* «хоть в петлю залезай», *хать тупăка кĕрсе вырт* «хоть в гроб ложись») и 2) «имя существительное—деепричастие на *-сан(-сен) +та (те)*» (например, *йытăпа шырасан та* «с собаками не сыщешь», *майран пуссан та* «хоть зарежь»).

Вероятно, как адвербиальные идиоматические сочетания следует рассматривать и такие словесные соединения, которые по смысловому содержанию преимущественно соотносятся с наречиями, нежели с глаголами. Так, например, идиома *шăла çырт* «стисуть зубы» (букв. кусать зубы) в большинстве случаев встречается в форме деепричастия на *-са(-се)* и выполняет обстоятельственную функцию, редко наблюдается в личной форме. Например:

Ташман ращана хай аллинчен вĕçертесшĕн мар, шăлне çыртса хирĕç тарать (Аленд.) «Враг не хочет выпустить из своих рук рощу, стиснув зубы сопротивляется». *Тарас Андреевич шăла çыртса вай пухрĕ те хайне хай алла илчĕ* (Льв.) «Тарас Андреевич, стиснув зубы, собрался духом, взял себя в руки».

Большую группу адвербиальных идиоматических сочетаний, имеющих структуру глагольных словосочетаний, составляют сравнительные обороты. По своему строению они так же, как и идиомы со структурой именных словосочетаний, могут быть в форме простых и сложных словосочетаний.

Адвербиальные идиомы-фразеологизмы со структурой простых глагольных словосочетаний состоят из следующих подгрупп:

1) «имя существительное (в основном и дательном пад.) — причастие на *-на(-нĕ) +пек»: йĕп шырана пек (шыра)* «как иголку (искать)», *куçа сыхлана пек (сыхла)* «(хранить) как свои глаза», *çу хывна пек (пулчĕ чĕре)* «будто отраду влили в сердце» (букв. будто масло положили), *чĕлхине çатна пек (лар)* «(сидеть) будто язык проглотил», *шыв сыпна пек лар* «(сидеть) словно в рот набрал воды», *шыва путна пек (çухал)* «(исчезнуть) как в воду канул»;

2) «имя существительное (в творительном пад.) — причастие на *-на(-нĕ) +пек»: савăлпа (савăлпала) хĕснĕ пек (халăх)* «битком набилось (народу)» (букв. будто клином затиснули), *çилĕмпе çыпăçтарна пек (çы-*

паçса лар) «очень крепко примерзнуть» (букв. будто клеем приклеился);

3) «имя существительное (в исходном пад.) — причастие на *-на(-нĕ)* +*пек»: витререн (каткаран, çӳпçерен, чĕресрен) такна пек (çумăр çăвать)* «(дождь льет) как из ведра» (букв. как из ведра, кадки, сюпсе, чиряса);

4) «имя существительное (в дательном пад.) — причастие на *-ас(-ес)* +*пек»: куçне шăтарас пек (пăхса лар)* «уставиться» (букв. смотреть, будто просверливают глаза), *чĕрине çурас пек* «как ножом по сердцу» (букв. будто разрывает его сердце);

5) «деепричастие на *-са(-се)* — причастие на *-на(-нĕ)* +*пек»: çăпса хĕснĕ пек (халăх)* «(народу) битком набито» (букв. как будто ударяя затискали), *тĕвсе тултарнă пек (çын)* «(людей) битком набито» (букв. будто колотя наполнили);

6) «деепричастие на *-са(-се)* — причастие на *ас(-ес)* +*пек»: шăтса тухас пек (ыратать)* «ужасно болит» (букв. как будто продырявится), *сиксе тухас пек (чĕре тапать)* «очень сильно (бьется сердце)» (букв. будто хочет вырваться), *çăтса ярас пек* «будто хочет проглотить», *тытса çурас пек (çилленсе çитет)* «обозлился как зверь» (букв. как будто хочет взять и разорвать);

Адвербиальные идиоматические сочетания со структурой сложных глагольных словосочетаний обычно бывают четырехкомпонентными. Среди них можно выделить следующие подгруппы:

1) «имя существительное (в разных падежных формах) — глагольно-именное словосочетание (имя существительное в основном и дательном пад. + причастие на *-на(-нĕ)* +*пек»)»: йĕппе пуса чавнă пек* «как иголкой колодец рыть», *сĕтпе шыва кĕртнĕ пек* «словно в молоке купали», *хыçа вут хунă пек* «как на пожар» (букв. будто сзади огонь зажгли), *чĕререн çĕçĕпе каснă пек* «как ножом по сердцу»;

2) «именное словосочетание — причастие на *-на(-нĕ)* +*пек»: куç шăрçине сыхланă пек (сыхла, упра)* «беречь как зеницу ока», *пĕр йăвара ӳснĕ пек* «очень дружно» (букв. словно в одном гнезде выросли), *картари выльăха тытнă пек (тыт)* «(держать) очень строго, никуда не выпуская» (букв. как скот в изгороди);

3) «глагольно-именное словосочетание (имя существительное в основном и дательном пад. + деепричас-

тие на *-са(-се)* — причастие на *-на(-нӗ)* +*пек»: вутта пăрахса ӗнтнӗ пек (хӗне)* «жарить как в огне, т. е. жестоко избить» (букв. словно бросая в огонь палили), *савăл çапса хӗснӗ пек (халăх)* «(народу) битком набито» (букв. клином забивая затискивали).

5.2.2. Адвербиальные идиоматические сочетания со структурой соединений знаменательных слов со служебными

Адвербиальные идиомы названной структурной группы в чувашском языке получили довольно широкое распространение. Этим словесным соединениям свойственна предельная краткость, сжатость выражаемого ими смысла. В рассматриваемой разновидности идиоматических сочетаний выделяются следующие структурные подгруппы:

1) «имя существительное в основном пад. +*пек»: арлан пек (харкаш)* «(злиться), как хомяк» (говорят о маленьких детях, ругающихся со взрослыми), *ăман пек (йăралан)* «еле-еле тащиться, двигаться» (букв. как червь тащиться), *вăкăр пек (ӗçле)* «как вол (трудиться)», *кавар пек (пӗçерсе вырт)* «лежать в жару» (букв. как горячий уголь обжигая лежать), *кӗсен пек (çыпăç)* «(приставать), как банный лист» (букв. как короста), *пӗлӗт пек (хӗвӗш)* «(виться) тучей» (букв. как тучи);

2) имя существительное на *-ри, -ти* +*пек: вутри пек (ăшалан)* «(метаться), как в огне», *килти пекех (туй)* «(чувствовать себя) как дома», *райри пек (пурăн)* «(жить), как в раю», *тăмăкри пек (асаплан)* «(мучиться, страдать) как в аду»;

3) «причастие на *-на(-нӗ)* +*пек»: вӗçнӗ пек (пыр)* «как стрела (идти), как птица лететь» (букв. будто летит), *вилнӗ пек (çывăр)* «(спать) мертвецким сном» (букв. как будто умер), *курман пек (çи)* «с жадностью (есть)» (букв. будто никогда не видел);

4) «причастие на *-ас(-ес)* +*пек»: вӗлерес пек (хӗне)* «избить до полусмерти, чуть ли не до смерти», *вилес пек (макăр)* «до изнеможения плакать», *вилес пек (çиес килет)* «смерть как хочется есть», *йӗрес пек (йăлăн)* «со слезами (умолять)», *çурăлас пек (тарăх)* «готов лопнуть от злости», *çурăлас пек (пуç ыратать)* «голова разламывается (от боли)», *шăтарас пек (пăх)* «уставиться на кого-либо; пожирать глазами кого-либо» (букв. как будто хочет продырявить).

5.2.3. Адвербиальные идиоматические сочетания со структурой предложений

Адвербиальные идиомы, сходные по своей структуре с предложениями, как правило, употребляются в составе сложноподчиненных предложений, являясь их придаточной частью. Средствами связи идиоматических сочетаний — придаточных предложений с главными служат послелоги и аффиксы. Ср.:

1. *Кӳрше темӗскер пулчӗ: вут çапна пек вӗçтерчӗ* (Ашм.) «С соседом что-то случилось: как угорелый (прямо и стремительно) помчался». *Вут хыпна пек васкаса чупрӗ* «Как будто на пожар стремительно побежал». *Çан-çурам хурт сахна пек вӗтӗлсе тарать* (ЧРС-82) «Все тело горит, словно пчела укусила». *Чӗри таталас пек* кашкарать «Изо всех сил (букв. будто сердце разрывается) кричит».

2. *Пӗр шарпак юлмиччен çунса кайрӗ* (ЧРС-82) «Сгорело все до последней щепки». *Нумай çул хушши таван халаха вар хытиччен култарна* (Чав. кал.) «Он в течение многих лет до колик смешил родной народ». *Юлашки юн тумламӗ юлмиччен çӗнӗ пурнăçшăн кӗрешӗп* «До последней капли крови буду бороться за новую жизнь».

В первой группе примеров выделенные придаточные предложения с главными соединяются с помощью сравнительного послелога *пек* «как, будто, словно», во второй группе — с помощью аффикса деепричастия *-иччен*.

5.3. Синтаксические функции

Адвербиальные идиоматические сочетания, как было отмечено, в предложении выполняют те же синтаксические функции, что и наречия. Здесь следует особо отметить, что данные соединения слов чаще всего в составе предложений употребляются в роли обстоятельства образа действия. Это, по-видимому, связано с функциональным своеобразием адвербиальных идиом. Их основное назначение в языке — это живое, рельефное отображение признака действия. Ср. примеры:

Вуникӗ хӗр, пӗр купăс янраçке пӗр саса (Ашм.) «Двенадцать девушек, одна скрипка звенят в один голос. *Йӗп тăрринче иттертӗм ку çӗре* (Ашм.) «Очень тревожно (букв. на кончике иголки) провел я

эту ночь». *Йыт урипе утиччен, сивĕре шăнса çӳриччен, лаша кӳлсе ларас та, ним хуйхи те пулас мар* (Ашм.) «Чем бесполезно (букв. собачьими ногами) ходить, чем мерзнуть в морозе, лучше запрячь лошадь и сесть (в сани), и никакого горя».

Наречные идиомы — сравнительные обороты, выступающие в обстоятельственной функции, могут определять как признак действия, так и признак признака. В первом случае они занимают позицию перед глаголом и обозначают признак, свойственный ему, во втором случае — употребляются перед именем прилагательным и живо, ярко, с экспрессией указывают на степень проявления качества. Ср.:

1. Сравнительные обороты перед глаголом:

Пит çăмартисем каварпек çунса тараççĕ (Ашм.) «У него щеки пылают огнем» (букв. горят как горячие угли). *Вăрăмтуна пĕлĕт пекхĕвĕшет* (Ашм.). «Комары вьются тучей (букв. как тучи). *Ашшĕ-амăш вилнине тĕлĕкри пек астуна* (Ашм.) «Смерть родителей помнил, как сквозь сон (букв. как во сне)». *Ӳсрĕмĕр ӳснĕ чух пĕр йăвари кайак пек, салантăмăр хурлахла куян чĕпписем пек* (Ашм.) «Росли мы вместе, как птенцы в одном гнезде, разошлись печально, как зайчата».

2. Сравнительные обороты перед прилагательным:

Валĕçе тытăнсан арăсланпек харсăр пулнă (Ашм.) «Он, когда принимался за работу, был очень (букв. как лев) усердным». *Унăн лаши пачăрпек мăнтăр* (Ашм.) «У него лошадь как рябчик упитанная». *Шăрçапек тикĕс çырать* «Пишет бисерным (букв. как бусы) почерком». *Вăрманăн тепĕр хĕрринче тăрна куçĕпек тăрă шыв шăнкăр-шăнкăр туса вырtать* (Ашм.) «На другом краю леса звонко журчит прозрачный (букв. как журавлиные глаза) ручей».

6. Глагольные идиоматические сочетания

6.1. Общая семантическая характеристика

Значительный слой чувашской фразеологии составляют глагольные идиоматические сочетания. У них, как и у других семантико-грамматических разрядов идиом-фразеологизмов, разнообразны семантика и структура. Глагольные идиомы включают в себя двучленные и мно-

гочленные словесные соединения, которые по категориальному значению и синтаксической функции соотносятся с глаголами. Так например, идиома *пуç хур* «сложить голову» (букв. положить голову) по грамматическому, обобщенному, значению совпадает с глаголами: как и глаголы, обозначает действие, процесс. По своей индивидуальной семантике, на которую накладывается категориальное (абстрактное) значение процессуальности, названная идиома *пуç хур* «сложить голову» соотносится с глаголом *вил* «умереть». И в той, и в этой единице присутствует сема «прекратить существование». Разумеется, соотнесенность содержаний сопоставляемых единиц номинации не говорит об эквивалентности их смысловой структуры. Существование в языковой системе глагольной лексемы *вил* «умереть» и глагольного идиоматического сочетания *пуç хур* «сложить голову» предопределено тем, что они по семантике не равнозначны. Глагол *вил* «умереть» выражает обобщенное значение «прекратить свое существование». Названное этим глаголом действие не зависит от характера обстоятельств, при которых оно происходит. Что касается идиомы *пуç хур* «сложить голову», то обозначаемое им действие может протекать лишь в определенной ситуации, а именно в боевой обстановке. Кроме того, следует особо подчеркнуть, что *вил* «умереть» и *пуç хур* «сложить голову» — и стилистически не равнозначные единицы. Первое принадлежит к нейтральному стилю речи, а второе характерно для поэтического, возвышенного стиля. Смысл, выражаемый идиомой *пуç хур*, содержит в себе, помимо отображения существенных сторон называемого им процесса, экспрессивно-эмоциональную оценку этого действия, а также образное представление о нем. Следовательно, семантическая структура идиоматического сочетания *пуç хур* «сложить голову» представляет собой органический сплав семемы «прекратить свое существование» с сопутствующими ее дополнительно-стилистическими оттенками, иначе говоря, значение приведенной идиомы *пуç хур* по сравнению с значением глагольного слова *вил* «умереть», характеризуется коннотативностью. Сказанное проиллюстрируем следующими двумя группами примеров (в первой группе употребляется глагол *вил* «умереть», во второй — идиоматическое сочетание *пуç хур* «сложить голову»):

1. *Ĕç ачи вăл. Çĕнĕ пурнăçа сыхласа вилнĕ вăл — çапаçса* (Çеçп). «Сын труда. Погиб он, защищая новую жизнь в огне сражений». *Çук, çак каччăн вилесси килмерĕ* (Турх.) «Нет, этому парню не хотелось умирать».

2.*Хăйĕн пуçне летчик çĕршыв чысĕшĕн хучĕ* (Сад.) «Летчик сложил голову за честь Родины». *Çапах, çапах та кам-ха мантăр Çав тĕрлĕ юнла тапхăра! Мĕн чул герой Герой пулмасăр Вутра пуç хучĕ!?* (Орл.) «И все же, все же кто может забыть это кровавое время? Сколько героев, не став героями, сложило голову в огне!?»

Нередко глагольные идиоматические сочетания не имеют соотносительных с ними по смыслу глагольных слов, такие идиомы в языке выступают как единственно возможные номинации (составные названия) действий, состояний, процессов, для обозначения которых отсутствуют отдельные слова. В данном случае мы о соотнесенности глагольных идиом с глагольными лексическими единицами говорим условно, исходя из их свойства обозначать действие, т. е. по присущему им признаку глагольности. Так, например, единственным выразителем значения «отделиться от семьи и начать самостоятельную жизнь в собственном доме» выступает идиома-фразеологизм *уйрăлса тух* (букв. отделяясь выходить): *Çак çулсенчех Унтрин пиччĕшĕ Ехрем те ӳссе çитсе авланать. Вăл авланна хыççăн Унтри ашшĕн уйрăлса тухмалла пулать* (Элк.) «В эти же годы и брат Ундрия Ефрем, достигнув совершеннолетия, женится. После его женитьбы отцу Ундрия придется отделиться от семьи и начать жить самостоятельно (в собственном доме)».

6.2. Функциональная характеристика

Глагольные идиоматические сочетания, как и другие семантико-грамматические разряды идиом-фразеологизмов, в зависимости от выполняемой функции в языке разделяются на два вида: 1) глагольные идиоматические сочетания с номинативной функцией и 2) глагольные идиоматические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией.

6.2.1. Глагольные идиоматические сочетания с номинативной функцией

Основное назначение глагольных идиоматических сочетаний с номинативной функцией состоит в том, что они называют действия или состояния и выражают значения, связанные с ними. Эти значения не осложняются дополнительными экспрессивно-стилистическими оттенками, т. е. не обладают свойством коннотативности. Соединения слов рассматриваемого вида относятся к так называемым безобразным фразеологизмам. Сфера приложения глагольных идиом с назывной функцией ограниченна. Эти словесные соединения в основном выступают номинациями действий, связанных с хозяйственно-бытовой деятельностью человека: *ала (ал) пус* «подписаться, расписаться», *алла вĕрент* «приручить (животного)» (букв. приучить все время быть на руках), *киле кĕр* «войти в дом в зятья», *пачка çур* «пилить, заниматься пилкой» (букв. пилу пилить), *çерем кас* «поднимать новь, целину» (букв. резать дерн), *çип çап* «отбить прямую линию (например, на бревне)» (букв. нитку бить), *куç пав* «гипнотизировать» (букв. душить глаза).

6.2.2. Глагольные идиоматические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией

Идиоматические сочетания названного вида совмещают в себе номинативную функцию с экспрессивно-оценочной при доминирующей роли последней. Они не только называют действия или состояния, но содержат в себе образно-характеризующее значение, выражают отношение субъекта речи к сущности именуемых действий. Это так называемые образные фразеологизмы.

Определение тематических групп глагольных идиоматических сочетаний с рассматриваемой функцией сопряжено с большими трудностями. В отличие от субстантивных идиом, семантические разряды которых сравнительно четко выделяются, глагольные идиомы-фразеологизмы в тематическом плане представляют собой чрезвычайно разнородную массу. Тем не менее представляется возможным определить отдельные их семантико-тематические разряды.

В современном чувашском языке многочисленен сос-

тав экспрессивно-оценочных глагольных идиом, ярко и красочно характеризующих психическое состояние человека. К ним, в частности, относятся следующие: *алла ус* «опустить руки», *пуçа çĕмĕр (ват)* «ломать голову», *куçран пăх* «быть зависимым от кого-либо» (букв. смотреть в глаза), *пĕр çаварпа сур* «быть единодушным» (букв. плевать одним ртом), *питне пĕçерт* «заставить краснеть» (букв. жечь его лицо), *пуçа йытта хыв* «притворяться (букв. положить голову собаке), *пуçа каçарт* «важничать, быть высокого мнения о себе» (букв. задирать голову), *пуçа çавăр* «кружить голову», *сăмса каçарт* «задирать нос, быть спесивым», *сăсăл вĕçтер* «нагнать страху, напугать» (букв. отруби веять), *çунат сар (хуш)* «расправить крылья; обрести силу», *урапи çине лартса кустар* «гладить по шерсти» (букв. посадить на его телегу и покатить), *чуна ил* «вымотать душу, замучить» (букв. взять душу), *шала çырт* «сдерживать себя» (букв. стиснуть зубы), *чĕре пусарăнчĕ* «сердце успокоилось, отлегло от сердца» (букв. сердце успокоилось), *чун чĕрне вĕçне çитрĕ* «душа ушла в пятки» (букв. душа дошла до кончика ногтей), *çӳç-пуç вирелле тăчĕ* «волосы дыбом встали».

Особый семантический разряд составляют глагольные идиоматические сочетания, которые образно и эмоционально обозначают действия, определяющие поведение человека, его отношение к труду, людям, общественной жизни и т. д. Например: *çынна çи* «распространять дурную славу о других» (букв. есть человека), *çын аллипе кăвар турт* «загребать жар чужими руками», *сăмахпа кас* «резать на словах» (букв. словом резать), *сăмаха тӳр перет* 1) «не распространяется в разговоре, говорит лаконично» 2) «неразборчивый в словах» (что придет в голову, то скажет) (букв. слова прямо кидает), *çине тар* «быть настойчивым, настойчиво добиваться», *хурапа шурра палла* «разбираться в вещах» (букв. различать белое и черное), *туртаран тухать* «не может говорить на одну тему» (букв. выходит из оглобель), *алла вăрăм яр* «проявлять алчность, зариться» (букв. длинно пускать руку), *çын юррине юрла* «петь с чужого голоса» (букв. петь чужую песню), *çын мĕлки пул* «слепо подражать кому-либо», *тути хупăнма пĕлмест* «без конца разговаривает, смеется и т. п.» (букв. у него рот не закрывается), *ĕнсе çинче лар* «сидеть на чьей-либо шее», *пуç çине хăпарса лар* «садиться

верхом на кого-либо» (букв. забираясь сесть на голову), *çын юнне ĕç «жить* за чужой счет» (букв. пить чужую кровь).

Нередко та или иная черта в поведении человека изображается целой группой (синонимическим рядом) глагольных идиоматических сочетаний, очень образно и точно, с самых разных сторон характеризующих определенное действие лица. Так, например, в чувашском языке для образного выражения значения «бездельничать» существует большое количество идиом, каждая из которых отличается своеобразием присущих ему экспрессивно-эмоциональных качеств. Ср.: *ала ярса тар* «оставаться праздным, не работать» (букв. стоять, опуская руки), *ик алла пĕр çĕре тытса лар* «сидеть сложа руки» (букв. сидеть держа в одно место обе руки), *кĕл парçине суйла* «бить баклуши, бездельничать» (букв. перебирать горох в золе), *маччана сурса вырт* «плевать в потолок, бездельничать», *çил хавала* «шататься, шляться, ходить, слоняться без дела» (букв. гонять ветер), *урла выртана тарах илсе ан хур* «ничего не делать» (букв. не взять и положить вдоль то, что лежит поперек), *хаяккан вырт* «лентяйничать, бездельничать» (букв. лежать на боку), *шапа таканлама кай* «слоняться без дела» (букв. пойти подковать лягушку) и т. д.

Среди экспрессивно-оценочных глагольных идиом сравнительно четко очерчивается круг соединений слов, характеризующих физическое состояние человека, указывая на его определенные действия или состояния: *вилĕм тăпри çине пусса тăр* «стоять одной ногой в могиле» (букв. стоять, наступая ногой на могильный холм или могилу), *выранпа вырт* «тяжело болеть (хворать), лежать в лежку» (букв. лежать в постели), *патне çит* «дойти до крайности, быть на грани чего-либо», *тăр-тăр чĕппи тыт* «мерзнуть, зябнуть» (букв. поймать птенца дрожания от холода), *ура çине тăр* «встать на ноги», *ураран ӳк* «валиться с ног; занемочь, слечь от недуга», *сывлăш çавăр* 1) «перевести дыхание» 2) «оправиться, встать на ноги», *чĕре сури ту* «заморить червяка», *чун кĕрт* «вдохнуть жизнь в кого-либо, оживить», *юн тăк* «лить (проливать) кровь».

Целую группу составляют глагольные идиоматические сочетания — образные, экспрессивно-эмоциональные обозначения действий, характерных для сферы об-

щественно-производственной и хозяйственно-бытовой деятельности человека. Например: *алăсăр хăвар* «причинить кому-либо чувствительный урон» (букв. оставить без руки), *ёнсе çине тиен* «свалиться на чьи-либо плечи», *кĕпеллĕ (кĕпепе) çурал* «родиться в счастливой сорочке», *намăс юпи çумне пăтала* «пригвоздить к позорному столбу», *сут умĕнче (умне) тăр* «быть привлеченным к суду» (букв. стоять перед судом), *çăкăр çи* 1) есть чей-либо хлеб» 2) «жить в достатке», *çын çине алă хур* «ударить (бить) кого-либо» (букв. на человека руку положить), *тĕнче (тĕнче çути) кур* «всего испытать» (букв. видеть свет), *хура-шур (симĕс-кăвак) кур* «немало перевидеть разных невзгод, обстоятельств, испытать невзгоды» (букв. видеть черное-белое или зеленое-синее), *туртана (турта хушшине) кĕр* «начинать трудовую жизнь» (букв. впрягаться в оглобли), *ура çине тăр* «встать на ноги», *хире-хирĕç çитер* «сводить концы с концами», *кĕнеке çинче лар* «сидеть за книгами» (букв. сидеть на книге), *хут çинче лар* «заниматься» (букв. сидеть на бумаге).

Рассматривая состав глагольных идиоматических сочетаний с экспрессивно-оценочной функцией, нельзя не обратить внимания на следующую их характерную особенность: они в абсолютном большинстве случаев имеют отвлеченно-обобщенное значение и соотносятся с отвлеченной глагольной лексикой. Идиомы-фразеологизмы, обозначающие действия, большей частью образовались в языке переосмыслением семантики свободных глагольных сочетаний. Обобщенное значение, свойственное анализируемым словесным соединениям, представляет собой результат смыслового развития их буквального значения, основанного на конкретно-образном представлении действительности.

6.3. Грамматическая характеристика

Общность глагольных идиоматических сочетаний с глаголами проявляется прежде всего в том, что они, как было отмечено, обладают категориальным, или грамматическим, значением процессуальности. Описываемые словесные единства, исходя из характера обозначаемого ими действия, как и глаголы, распределяются на две тематические общности: 1) глагольные идиомы, обозначающие действия, например, *ура выранне*

пустар 1) «подчинить себе» 2) «позволить ухаживать за собой» (букв. заставить наступить на след своей ноги), *çăвара хуп* «замолчать» (букв. закрыть рот), *алăпа йăтса çӳре* «носить на руках», *çил хăвала* «гонять ветер» и 2) глагольные идиомы, обозначающие состояния, например, *выранпа вырт* «тяжело болеть, в лежку лежать» (букв. лежать в постели), *хуп турттар (турт)* «дрыхнуть» (букв. возить лубок), *выртса йăван (йăвалан)* «кататься по земле» (сильно выражать какое-либо чувство; букв. лежа валяться).

Значение действия или состояния глагольные идиоматические сочетания выражают в основном в тех же категориях и формах, какие свойственны глаголам. В них формы глагольного словоизменения являются свойством не одного глагола, а всего сочетания в целом. Глагольное слово придает им категориальное значение глагольности и служит средством связи с другими словами или устойчивыми словесными комплексами в высказываниях. Следовательно, роль глагола в исследуемых соединениях слов значительна. Глагольный компонент, по существу, выступает основным элементом, оформляющим их грамматическую семантику, и важным синтагматическим средством. Именно глаголы вносят в глагольные идиоматические сочетания всю совокупность форм и значений, присущих им как семантически целостным единицам языка.

С характером категориальных свойств глагольных идиоматических сочетаний связана и их синтаксическая роль. Они в предложении выполняют те же функции, что и глаголы; типичной для описываемых единств является функция сказуемого. Например:

Пысăк ĕçе пĕччен ан пуçăн: ĕнсӳне хуçан (Ват. сăм.) «Не принимайся один за большое дело: шею сломаешь». *Упашку пуç хуна вăрçăра, Ачусем çӳреççĕ аякра* (С. Ш.) «Твой муж сложил голову на войне, дети живут далеко». — *Юрамасть! — кăшкăрса ячĕ çавăнтах тиек,— Эсир мĕн, патша указне сӳтсе явăш ăн-и?* (Турх.)» — Нельзя! — тут же закричал дьяк.— Вы хотите обсуждать указ царя?»

В роли других членов предложения глагольные идиомы употребляются главным образом в неспрягаемых формах. Например:

1. В роли подлежащего: *Çирĕм миллион пуç хуни хăех вăл чăтми хуйăх* (Ем.) «То, что двадцать миллио-

нов сложило голову, это уже невыносимо тяжелое горе». *Каласа памаллисем, сӳтсе явмаллисем вӗсен темӗн чухлех* (Аленд.) «У них сколько угодно что рассказывать и обсуждать между собой».

2. В роли дополнения: *Эпир нихҫан та манмастпăр туссене, Таван ҫӗршывшăн пуҫ хунисене телейшӗн, миршăн пына варҫăра* (Алга) «Мы никогда не забудем друзей, сложивших голову на войне за Родину, за счастье и мир на земле». *Апла пулсан, ыйтусене пӗрле сӳтсе явассинчен ма хăратăр?* (Ухли) «В таком случае, почему боитесь совместно обсуждать вопросы?»

3. В роли определения: *Ҫын ҫаварне кӗнӗ сăмах кирек хăҫан та пулатех вал* (Асл.) «Людская молва (букв. слово, вошедшее в уста) всегда сбывается». *Тата эпӗ астăвасса, эсӗ ҫав ыйтусене сӳтсе явнă ҫӗрте вăйлах та марччӗ* (Турх.) «Как я помню, ты не так был силен при обсуждении этих вопросов».

4. В роли обстоятельства: *Ҫаварне карса итлесе тăракан Ухливанов председателе ырламасăр чăтса тараймарӗ* (Кр. -А.) «Ухливанов(слушающий, разинув рот, не мог не одобрять председателя». *Вăл пуҫне хурса ютра Ҫӗнчӗ вилӗме вутра* (Урд.) «Он победил смерть в огне, сложив голову на чужбине».

Наблюдения над глагольными идиоматическими сочетаниями показывают, что глагол в одних из них полностью, в других лишь частично сохраняет формы словоизменения. С учетом этого признака анализируемые словесные соединения разделяются на две группы: 1) идиомы с глагольным компонентом, имеющим полную парадигму, и 2) идиомы с глагольным компонентом, имеющим неполную, или частичную, парадигму.

6.3.1. Глагольные идиоматические сочетания с полной парадигмой

Идиомы данной группы участвуют в оппозициях по всем категориям и формам, свойственным глаголам. К ним, в частности, принадлежит сочетание слов *ухмаха ер (тух)* «сойти с ума». Оно может иметь грамматические категории лица, числа, времени, залога, может выступать в форме супина, причастия, деепричастия, а также в качестве имени действия. Сравните две группы примеров:

1. *Санпа юнашар чух ухмаха еретӗп эпӗ* (Красн.) «Когда я рядом с тобой, с ума схожу».— *Ар-*

кадий! У х м а х а е р е т ӗ н-и эсӗ?!—тесе Анна ун патне чупса пычӗ (Талв.)» — Аркадий! Ты с ума сошел?!— подбежала к нему Анна». *Унсăран сирӗн тӗкӗрçӗ, халиччен лаша тытса курманскер, у х м а х а е р е т. Кӗçӗр çӗрӗпе çав лаша патӗнче упаленчӗ вăл, мӗскӗн пӗрре те куç хупмарӗ* (Турх.) «Иначе ваш стрелок, раньше не правивший лошадью, с ума сойдет. Всю ночь напролет он ползал на четвереньках у этой лошади, бедняжка совсем не смыкал глаз».— *Эсир мӗн унта, пурте у х м а х а е р т ӗ р-и?* (Пайм.) «— Что вы там, все с ума сошли?»

2. *Ун чухне тухатмашӗ те пуç çавăрса у х м а х а е р т н ӗ* (С. Ш.) «В то время и знахари, колдуя, сводили с ума».— *Эсӗ у х м а х а ернӗ пуль, Римма,— терӗ хирурги сестри, ватăрах хӗрарам.— Эсӗ ахаль те ырханкка: мӗнле юн пама пултаратăн* (Агак.) «Ты, наверное, с ума сошла, Рима,— сказала хирургическая сестра, пожилая женщина.— Ты и так худая, как ты можешь давать кровь». *Ху, юратса, у х м а х а т у х а с патнех çитнӗччӗ вӗт. Шеллесе кайча илтӗм* (Пет.) «Ты так полюбила меня, что чуть с ума не сошла. Пожалел тебя и женился». *Ыванма мар, у х м а х а е р м е л л е кун пеккипе,*— *ассăн сывласа ячӗ сестра* (Агак.) «С таким человеком не только устать, но можно и с ума сойти».

В первой группе примеров идиома *ухмаха ер* представлена формами 1, 2 и 3 лица ед. ч. и 2 лица мн. ч. настоящего времени *(ухмаха еретĕп — ухмаха еретĕн — ухмаха еретĕр)*, во второй группе примеров — формами причастий прошедшего и будущего времени, причастия долженствования *(ухмаха ернӗ — ухмаха ертнӗ* (понуд. форма) *— ухмаха тухас (патне) — ухмаха ермелле)*.

По-видимому, к глагольным идиоматическим сочетаниям с полной парадигмой следует отнести и такие, которые могут употребляться в формах и положительного, и отрицательного аспекта, но в речевой практике предпочитаются формы одного из названных аспектов. Так, например, идиома *алă çитер* «удосуживаться» (букв. дотянуться рукой до чего-либо) наблюдается преимущественно в отрицательной форме:

Чылай колхозра çапса тӗшӗленӗ тырпула çийӗнчех кирлӗ пек тасатса тата типӗтсе хума а л ç и т е р е й м е ç ç ӗ (Комм. ял.) «Во многих же колхозах не удосуживаются незамедлительно как положено очистить и высушить обмолоченное зерно».

Примеры употребления словесного соединения *ала çитер* «удосуживаться» в положительной форме встречается редко: *Яланах вăл çавнашкал,— пур çĕре те ал çитернĕ: салтаксен тӳми таран асăрханă, тĕрĕсленĕ* (Хус.) «Он всегда такой,— удосуживался доходить до всего: замечал и пуговицы солдат, проверял».

Ограниченностью употребления в формах положительного аспекта отличаются и глагольные идиоматические сочетания *аларан вĕçерт (яр)* 1) «выпустить из рук что-либо» 2) «упустить кого-либо», *куç ил* «оторвать (отвести) взгляд от кого-чего-либо». Например: *Ырă курĕ пирĕн ял-хула, Алран вĕçертмĕ ирĕкне* (Ивн.) «Будут счастливыми наши города и села. Не выпустят из рук (свою завоеванную) свободу». *Ташман ращана хăй аллинчен вĕçертесшĕн мар, шăлне çыртсах хирĕç тарать* (Аленд.) «Враг не хочет выпустить из своих рук рощу, стиснув зубы, сопротивляется». *Вăл, çуна çинче хыçалалла пăхса лараканскер, йăмралла таван ял çинчен нумайччен куçне илмерĕ* (Аленд.) «Он, сидевший в санях и смотревший назад, долго не мог оторвать взгляд от своей родной деревни в ветлах».

В языке художественной литературы приведенные идиоматические сочетания изредка попадаются и в положительной форме: [*Дарья Игнатьевна — Нинана:*] *Венедикт Ильич вара кĕнекесемпе ĕçлесех сана аллинчен вĕçертсе ячĕ* (Осип.) «[Дарья Игнатьевна — Нине:] Венедикт Ильич, занимаясь с книгами, упустил тебя». *Старик хайпе юнашар утса пыракан Стасик çинчен куçне илет те Соня еннелле пăхать* (Уяр) «Старик отрывает взгляд от идущего с ним рядом Стасика и смотрит в сторону Сони».

6.3.2. Глагольные идиоматические сочетания с неполной парадигмой

Глагольные идиоматические сочетания названной группы характеризуются ограниченностью форм словоизменения, т. е. они не могут участвовать во всех возможных оппозициях по формам и категориям, присущим глаголам. Данное свойство рассматриваемых идиом связано с характером их означаемых (десигнатов). Означаемые немалого числа глагольных идиом, как правило, связаны с таким действием, которое по своей сути исключает отрицание, и эти означаемые существуют

в сознании носителей языка лишь в положительном аспекте, поэтому попытка оформить их в плане отрицания обычно приводит к разрушению их семантической структуры или к переводу в категорию свободных сочетаний слов. Так, например, идиома *куççуль (куççульсене) çат* «глотать слезы» употребляется только в формах положительного аспекта, ибо ее означаемое «стараться сдержать плач, рыдание» предполагает именно этот аспект и исключает формы отрицания. Например: *Хĕрарăмсем, куççульсене çăтса, ĕсĕклесе тăнă, арçынсем шалĕсене çыртнă* «Женщины, глотая слезы, всхлипывали, мужчины стиснули зубы». *Çапла пĕтрĕ пирен Уртем,— терĕ те Ванюков лапланчĕ, унтан, куççульне çăтса, хушса хучĕ: —Вăл ман куккаччĕ* (Арт.) «Так пропал наш Урдем— сказал Ванюков и успокоился, потом, глотая слезы, добавил:— Он мой дядя».

К глагольным идиоматическим сочетаниям, бытующим только в формах положительного аспекта, относятся еще следующие: *ху (хай) çине ала хур* «наложить на себя руки» (букв. положить на себя руки), *питрен сур* «плевать в глаза (в лицо, в рожу) кому-либо», *сăсал вĕçтер* «нагнать страху» (букв. веять отруби), *пуç хыв* «жертвовать жизнью (собой), сложить голову», *алла пăх* «быть (прийтись) ко двору» (о скотине; букв. смотреть руку). Например:

Шăхал пуян качча куличчен хăй çине ал хуни, сарамсăр вилĕмпе çĕре кĕни лайăхрах (Юхм.) «Чем быть посмешищем богатого парня Шыхыла, лучше наложить на себя руки и умереть неожиданно». *Манăн ура çине сиксе тăрса ăна* [*Тройкина*] *питĕнчен сурас килет* (Алга) «Мне хочется вскочить и плюнуть ему [Тройкину]в лицо.» *Пĕлсех пуплет-ши ĕнтĕ хайĕ е сăсăл çеç вĕçтерет-ши?* (Турх.) «Соображает ли, о чем говорит, или просто страху нагоняет». *Выльăхчĕрлĕх алла пăхать* (Ват. сăм.) «Качество скота (в отношении ручности, плодливости и т. п.) зависит от того, ко двору он или нет».

В языке нередко наблюдаются факты и обратного порядка. В ряде случаев глагольные идиомы функционируют лишь в формах отрицания. Это также обусловливается тем, что логико-грамматической основой их означаемых может быть только отрицательный аспект. Так, например, идиоматическое сочетание *ăша (çăвара)*

пĕр хĕлхем те ан яр «ничего не есть» (букв. в желудок или в рот ни одной крошки не пустить; русск. соотв.: ни маковой росинки во рту не было) представлено в языке лишь в отрицательных формах, ибо оно призвано фиксировать именно такое значение, которое по логике вещей связано исключительно с отрицанием: *Яра кунах ашне пĕр хĕлхем ямарĕ Яриле, никампа пĕр сăмах калаçмарĕ* (Уяр) «Яриле весь день ничего не ел, ни с кем не разговаривал». *Виççĕмĕш кун ĕнтĕ çавара пĕр хĕлхем апат яман* (М. Ухс.) «Вот уже третий день, как ни маковой росинки во рту не было».

К глагольным идиоматическим сочетаниям, утвердившимся в отрицательной форме, относятся еще следующие: *кун çути ан катарт* «не давать житья» (букв. дневного света не показывать), *пӳрнене те ан хускат* «пальцем не шевельнуть (не двинуть)», *çавар (сăмах) ан уçтар* «не давать рта раскрыть», *çывăха (яхăна) ан яр* «близко не подпускать». Приведем примеры их употребления: *Халь тăна кĕтĕн-и? Колхозра ĕçлемен кахалсене эп кун çути кăтартман, кăтартмастăп та* (Ем.) «Ты теперь понял? Я не работающим в колхозе лодырям не давал житья и не буду давать». *Ним тума аптăрана Макар çынсене тĕпелелле иртме сĕнесшĕнччĕ, анчах ăна Тимак арăмĕ çавар та уçтармарĕ* (Асл.) «Макар растерялся и хотел было пригласить людей в переднюю, но жена Тимака не дала ему рта раскрыть». *Варуççи çав катра çӳçлĕ варăм каччăпа çеç сăмах тупрĕ, ыттисене çывăха та ямарĕ* (Аленд.) «Варуся только с этим кудрявым и высоким парнем нашла общий язык, других она близко не подпускала». *Ачаранах пĕр хĕршĕн асапланать Азаров, мăнтăрăн, Лешĕ яхăнне те ямасть* (Арт.) «Еще с детства страдает за одну девушку Азаров, бедняжка. Та и близко не подпускает».

Таким образом, среди глагольных идиоматических сочетаний с неполной парадигмой четко выделяются две разновидности: 1) идиомы, употребляющиеся лишь в положительной форме, и 2) идиомы, употребляющиеся лишь в отрицательной форме. Способность этих соединений слов функционировать в той или иной из названных форм зависит от того, в каком — положительном или отрицательном — аспекте закрепилось их означаемое в системе значимых средств языка.

Отдельную группу составляют полисемантичные

глагольные идиомы, которые в одном (одних) значении (значениях) употребляются в формах обоих аспектов, в другом (других) значении (значениях) используются в формах или отрицательного, или положительного аспекта. Так, например, идиома *куç (куçсене) уç* имеет три значения: 1) «открыть (раскрыть) глаза кому-либо» (вывести кого-либо из заблуждения; помочь правильно понять истинное положение вещей) 2) «проснуться (пробудиться) от сна» 3) «раскрыть тайну». Во втором значении *куça уç* «открыть глаза» употребляется и в положительном, и в отрицательном аспекте:

Офицер темиçе сехет иртсен куçне уçрĕ. Умра таракан боец иккĕллĕ те виççĕллĕ куранать (Бурн.) «Через несколько часов офицер открыл глаза. Фигура впереди стоящего солдата двоится-троится». *Хĕвел тахçанах тухна, анчах ачасем куçĕсене уçман-ха* «Солнце давно взошло, но дети еще не раскрыли глаза».

Что касается первого и третьего значений названного сочетания, то им свойственно реализоваться только в положительном аспекте: *Кам пире çутта каларчĕ, кам пирен куçсене уçрĕ, кам пире çын евĕрлĕ турĕ* (Хып.) «Кто нас вывел в свет, кто открыл нам глаза, кто нас сделал людьми?» *Вал ашшĕ куçне уçать* (Ашм.) «Он раскрывает тайну отцу (букв. раскрывает глаза отцу)».

6.4. Структурные типы

Глагольные идиоматические сочетания возникли в языке главным образом путем семантического переосмысления свободных сочетаний слов. И закономерно то, что идиомы рассматриваемого семантико-грамматического разряда с точки зрения их грамматической структуры совпадают со свободными сочетаниями слов. Выделяются два их структурных типа: 1) глагольные идиомы, соответствующие по форме словосочетаниям, и 2) глагольные идиомы, соответствующие по форме предложениям.

6.4.1. Глагольные идиоматические сочетания, соответствующие по форме словосочетаниям

В глагольных идиомах названного структурного типа сохраняется тот порядок расположения компонентов, который характерен для глагольных словосочетаний: определяющее слово (имя, наречие, глагол и др.) пред-

шествует определяемому — глагольному компоненту. Учет этого основного закона словосочинения в глагольных соединениях слов должен лежать, на наш взгляд, и в основе классификации идиоматических сочетаний данной структурной разновидности.

В зависимости от способа выражения первого (генетически определяющего) компонента глагольные идиомы, равные по форме словосочетаниям, разделяются на следующие три основные группы: субстантивно-глагольные,глагольно-глагольные и адвербиально-глагольные.

Встречаются в современном чувашском языке и глагольные идиомы-фразеологизмы, первые компоненты которых выражены именами прилагательными, местоимениями и подражательными словами. Однако количество таковых незначительно, поэтому они здесь не рассматриваются.

Субстантивно-глагольные идиоматические сочетания. В современном чувашском языке наибольшее распространение получили субстантивно-глагольные идиоматические сочетания со структурой простых глагольных словосочетаний, в которых первый, именной, компонент выражен существительным в основном или дательно-винительном падеже. Это объясняется спецификой семантики главенствующего, глагольного, компонента в глагольно-именных словосочетаниях, к которым восходят идиомы названной группы. В чувашском языке, как и в других языках, во многих случаях глаголы имеют относительное значение и для полноты выражаемого смысла обязательно требуют словесного окружения[34]. Оно при подобных глаголах большей частью состоит из имен существительных в формах основного и дательно-винительного падежа. Относительность значений глагольных слов в словосочетаниях обусловливает еще одну важную особенность последних, как тесная семантическая связь между составляющими их компонентами. Вполне понятно, что такие словосочетания как наиболее компактные чаще всего использовались носителями языка в качестве вторичных номинаций фактов действительности. Например: *çил хавала* «гонять ветер, ходить без дела, шататься, шляться», *пуç (пуça) кас (кастар)* «погубить кого-либо» (букв.

[34] *Виноградов В. В.* Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка).— В кн.: *Виноградов В. В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975, с. 237.

отрубить голову), *çиеле тух* «взять (одержать) верх» (букв. выйти на верх, поверхность), *танатана çаклан* «попасть (попасться) в сеть (в сети)» (букв. попасть в тенета, в сеть), *тӗтӗм сӳнтер* «заставить вымереть» (букв. погасить дым).

Сравнительно небольшое место занимают в языке субстантивно-глагольные идиоматические сочетания, именные компоненты которых выражены формами других косвенных падежей: *хутаçпа кай* «пойти по миру с сумой» (букв. пойти с сумой), *тилхепере лар* «править лошадью» (букв. сидеть в вожжах), *ураран ӳк* «свалиться с ног», *туртаран тух* «не мочь говорить на одну тему» (букв. выйти из оглобель), *çӳлтен çӳре* «гордиться» (букв. ходить по верху).

К идиомам-фразеологизмам, равнозначным по форме простым глагольным словосочетаниям, примыкают субстантивно-глагольные идиоматические сочетания, соответствующие структурной схеме «имя существительное—служебное имя или послелог — глагол». Служебные имена обычно представлены в форме дательного, местного и исходного падежей: *ӗнсе çине ларт* «посадить на шею», *куç умне ӳк* «возникнуть (перед глазами)» (букв. падать перед глазами), *ура çине пустар* «опозориться» (букв. позволить наступить на свою ногу), *шалçа тӑрринче тӑр* «висеть (держаться) на волоске» (букв. стоять на кончике кола), *патак айӗнчен ан тух* «(постоянно) терпеть побои, быть битым» (букв. не выходить из-под палки).

Субстантивно-глагольные идиоматические сочетания с послеложным элементом редко встречаются: *сӑмса тӑрӑх пăхтар* «заставить смутиться», *вут витӗр кăлар* «заставить пройти сквозь огонь и воду», *ала витӗр тух* «пройти через руки».

В чувашском языке нередко наблюдаются субстантивно-глагольные идиоматические сочетания со структурой сложных словосочетаний. Они большей частью состоят из трех компонентов. Выделяются две группы субстантивно-глагольных идиом рассматриваемого структурного вида: 1) «именное словосочетание — глагол», 2) «имя существительное — имя существительное — глагол».

Первая структурная группа анализируемых идиоматических сочетаний является наиболее продуктивной. В них второй именной компонент (генетически главное

слово именного словосочетания) в большинстве случаев бывает в формах основного и дательно-винительного падежей: *йĕплĕ çăмах хыптар* «обдуть, обмануть» (букв. заставить проглотить колючие клецки), *енчĕк тĕпне якат* «тратить деньги» (букв. обчистить дно кошелька), *пăшăл (пăшăлти) патти пĕçер* «секретничать, шептаться, шушукаться» (букв. варить кашу шушуканья), *пуш параппан çап (çаптар)* «болтать языком» (букв. бить пустой барабан), *тип мунча кĕрт* «задать баню кому-либо, дать жару кому-либо» (букв. помыть в сухой бане).

Трехчленные субстантивно-глагольные идиомы второго вида в языке встречаются сравнительно редко. В них именные компоненты (генетически зависимые слова словосочетания) употребляются в форме дательно-винительного падежа: *алла ирĕке яр* «дать волю рукам» (букв. пустить руку на волю), *пуçа вута чик* «лезть в огонь» (букв. сунуть голову в огонь), *пуçа йытта хыв* «притвориться (например, больным)» (букв. положить голову собаке).

Субстантивно-глагольные идиоматические сочетания более сложной конструкции (четырехкомпонентные, пятикомпонентные) в чувашском языке редко встречаются: *урла выртана (выртакана) тарăх илсе ан хур* «ничего не делать, лентяйничать» (букв. не взять и не положить вдоль то, что лежит поперек), *çунакан вутта (вучаха) çу (краççын) сап* «подлить масла в огонь» (букв. в горячий огонь или очаг масло или керосин подлить), *тăра шыв çине кăлар* «вывести на чистую воду», *пуç тăрне (çине) улăхса (хăпарса) лар* «сесть на голову кому-либо» (букв. поднимаясь сесть на чью-либо голову или макушку головы).

Глагольно-глагольные идиоматические сочетания. В чувашском языке названная группа идиоматических сочетаний занимает немалое место. Они в большинстве своем представляют собой двучленные образования, состоящие из деепричастий на *-са(-се)* и спрягаемых форм глаголов. Рассматриваемые словесные соединения, как идиомы-фразеологизмы вообще, обладают целостным значением, возникшим в результате семантического преобразования свободных глагольных сочетаний: *çапса хуç* 1) «сразить» 2) «разбить» (букв. ударяя ломать), *çавăнса пăх* «уделять внимание на кого-что-либо» (букв. оборачиваясь смотреть), *выртса тăр*

1) «квартировать» 2) «иметь постоянное жительство» (букв. ложиться и вставать), *иртсе кай* «избаловаться, опуститься нравственно» (букв. проходя идти), *çухал-са кай* «растеряться» (букв. заплутаясь идти).

В зависимости от того, к какому структурно-семантическому типу глагольных словосочетаний восходят, выделяются две структурные группы глагольно-глагольных идиоматических сочетаний: 1) глагольные идиомы, соответствующие по форме глагольным словосочетаниям типа «деепричастие на *-са(-се)* — спрягаемый глагол» (деепричастие указывает на способ протекания основного действия): *тапса сиктер* «вышибить» (букв. пиная заставить прыгать), *тăсалса вырт* «протянуть ноги, умереть» (букв. вытягиваясь лежать), *выртса çӳре* «валяться» (букв. ложась ходить), *уйăрса кăлар* «выделить из семьи» (букв. выделяя выпустить), *персе антăр* «свалить» (букв. бросая спускать), *сиксе кай* «взрываться» (букв. прыгая уйти) и др.; 2) глагольные идиомы, соответствующие по форме глагольным словосочетаниям, в которых деепричастие на *-са(-се)* и спрягаемый глагол обозначают последовательно протекающие действия: *касса тат* «обрезать, резко ответить» (букв. резая рвать, резать и рвать), *сӳтсе яв* «обсуждать, разбирать; обмениваться мнениями», *каласа тăк* «всячески обругать» (букв. высказывая выливать), *парса илӳ* «обмениваться» (букв. давать и брать), *ĕçсе çи* «угощаться» (букв. пить и есть) и др.

Адвербиально-глагольные идиоматические сочетания. Данная группа глагольных идиоматических сочетаний в чувашском языке представлена сравнительно небольшим количеством. Они обычно двухкомпонентны: *каялла чак* 1) «отступить» 2) «уступить в тяжбе» (букв. пятиться назад), *хăяккăн вырт* «бездельничать, лентяйничать» (букв. лежать на боку), *хире-хирĕç çитер (сап-лаш)* «сводить концы с концами», *алăкăн-тĕпелĕн кустар* «побить, задать баню» (букв. заставить бегать взад и вперед), *тирĕс шăл* (диал.) «гладить против шерсти» (букв. гладить против), *хыççăн кай* «повиноваться» (букв. идти за кем-либо).

6.4.2. Глагольные идиоматические сочетания, соответствующие по форме предложениям

Глагольные идиоматические сочетания, имеющие строение предложения, большей частью совпадают с

простыми двусоставными нераспространенными предложениями. Это свидетельствует о том, что язык в качестве средств вторичной номинации действий, состояний и процессов главным образом использует простые, неосложненные по форме структуры. Причем особо следует подчеркнуть, что глагольные идиомы рассматриваемого структурного типа в большинстве случаев генетически восходят к таким простым предложениям, сказуемые которых выражаются глаголами 3 лица ед. и множ. ч. настоящего и прошедшего очевидного времени и причастия на *-на(-нӗ)*. Названные глагольные формы, на наш взгляд, наиболее приспособлены для живого и яркого изображения характера протекания действий, которые являются существенными и стабильными для агенса. Данное свойство глагольных слов сохраняется и в смысловой структуре идиоматических сочетаний. Ср.: *тути уҫалать* «он решается что-либо сказать» (букв. у него рот раскрывается), *куҫ ӳкет* «кто-либо подвергается сглазу» (букв. глаза падают), *хӗвел пахать* «кто-либо смеется (после того, как только что поплакал)» (букв. солнце светит), *ала кӗҫтет* «руки чешутся (что-нибудь сделать)», *аш пиҫрӗ* «измучился» (букв. душа изжарилась), *пит пиҫрӗ* «я осрамился, мне было стыдно» (букв. лицо горело), *шапи тулчӗ* «он получил сполна, по заслугам» (букв. судьба наполнилась), *чун тапранчӗ* 1) «душа ушла в пятки» 2) «надорвался» (букв. душа сдвинулась с места), *тути макарална* «он надул губы» (букв. у него губы надуты), *хӳри хӗсӗннӗ* «он утихомирился» (букв. у него хвост прижался), *тӗтӗм сӳннӗ* «род вымер, прекратил свое существование» (букв. дым погас), *чӗлхисем шаннă* «не смеют пикнуть» (букв. у них языки замерзли), *йӗрӗ те юлман* «не осталось и следа, и след простыл».

Приведенные глагольные идиоматические сочетания состоят из двух компонентов. Однако они могут быть и трехкомпонентными. Это бывает в тех случаях, когда идиоматические сочетания восходят к нераспространенным предложениям со сказуемыми сложной конструкции. Например: *пуҫ ҫурăлса тухать* «голова разламывается» (букв. голова раскалываясь выходит), *куҫ хуралса килчӗ* «в глазах помутилось» (букв. глаза чернея пришли), *ӗнси тачкала пуҫланă* «кто-либо стал богатеть» (букв. у него шея стала толстеть).

В системе глагольных идиоматических сочетаний со

структурой коммуникативных единиц немалое место принадлежит и соединениям слов, имеющим строение простых двусоставных распространенных предложений. Такие идиомы чаще всего состоят из трех компонентов. Например: *кутне куршанкă çыпăçнă* «приобщился к труду» (букв. к заду пристал репейник; о ребенке), *пӳрт никĕсĕ тухрĕ* «нашли монету под фундаментом» (букв. вышел фундамент дома), *хĕрлĕ вăкăр сĕкнĕ (ун çуртне)* «он сгорел, его дом сгорел» (букв. красный бык боднул), *куçсенчен вут тухса кайрĕ* «из глаз посыпались искры», *аш-чик вăр-вăр çаврăнать (чун савнине курсассăн)* «на душе не спокойно (когда встречаюсь с милым)», *шăна вĕçни илтĕнет* «стоит мертвая тишина» (букв. слышно, как муха летит).

Глагольные идиоматические сочетания анализируемой структуры, состоящие из четырех или более компонентов, редко встречаются. Например: *пуç çинче вут çунать* «чья-либо жизнь в опасности» (букв. на голове огонь горит), *шăши кĕнекине вулама кайрĕ* «понес волынку» (букв. пошел читать мышиную книгу; так говорят о стариках, ворчливых людях), *куçран сăсăл вĕçсе тухрĕ* «перепугался» (букв. из глаз полетели отруби), *чунăм чĕрне вĕçне çитет* «душа ушла в пятки» (букв. моя душа доходит до кончика ногтей), *хĕрлĕ авăн сиксе çӳрет* «скачет красный петух» (о пожаре).

В чувашском языке нередко наблюдаются и глагольные идиомы, адекватные по строению односоставным предложениям. Они образовались на базе свободных односоставных предложений, характерной особенностью которых является отсутствие в их составе подлежащего. Оно в подобных предложениях ясно определено формой глагола-сказуемого. Например: *хăнт та тумаççĕ* «и в ус не дуют», *шăл шурри те катартмарĕ* «он и рта не раскрыл» (букв. он белизну своих зубов не показал), *шик те тумасть* «нисколько не боится», *хӳрине тухса тӳлерĕ* «его след простыл» (букв. свой хвост выходя завязала узлом), *хăй таттаратнех перет* «он все свое тростит», *курса та юлаймарăмăр (ăна)* «только мы его видели», *никамран та ӳксе юлмасть* «он никому не уступает» (букв. он ни от кого падая не остается), *пĕр çăвартан сурса (пурăнаççĕ)* «очень дружно живут» (букв. живут и плюют из одного рта), *питне кĕççе çĕленĕ* «потерял совесть, стыд» (букв. к своему лицу пришил войлок).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В чувашском языке, как и в других языках, интеграция единиц предшествующего уровня в единицы последующего, высшего уровня преимущественно подчинена определенным правилам, или закономерностям, существующим в языковой системе в виде структурно-семантических моделей (образцов) различной сложности. В соответствии с этими моделями из ограниченного набора языковых единиц производится неограниченное количество их комбинаций. Однако в любом языке на всех структурных уровнях получили довольно широкое распространение соединения значимых элементов, которые представляют собой то или иное отступление от установившихся в языке закономерностей интеграции его единиц. Факты отступления от правил комбинаторики единиц языка большое место занимают и в сфере сочетаний лексем. Они обычно возникают в результате семантических сдвигов, которые претерпевают слова при выполнении ими функций косвенной номинации в рамках определенных словесных соединений. Характерной особенностью сочетаний слов, выступающих как факты отклонения от действующих в языке правил сочетаемости его элементов, является их несвободный характер, проявляющийся в ограничениях свободы выбора слов-компонентов. Соединения слов такого типа принято называть несвободными сочетаниями, или фразеологизмами (фразеологическими единицами).

Полной свободы сочетаемости значимых единиц языка ни на каком его уровне, в том числе на уровне сочетаний лексем, нет, ее всегда ограничивают различные факторы, среди которых существенными являются лексическое и/или грамматическое значение слов, его стилистическая окрашенность, общественно-историческая

практика употребления слов. В одних фразеологизмах сочетаемость компонентов не зависит от их семантики, а определяется установившейся в языке традицией словоупотребления, т. е. узусом. Многие значения слова (слов) и, соответственно, их знаковая функция реализуется в сочетании со строго определенным кругом слов. В сочетаниях слов, в пределах которых вычленяются подобные значения, свободной сочетаемостью обладают семантически ключевые, или опорные, слова, а сочетаемость семантически реализуемого слова — слова с фразеологически связанным значением ограничивается одним определенным словом или рядом определенных слов.

В других же фразеологизмах компоненты вообще утрачивают словесные признаки и как следствие этого — способность вступать в какую-либо связь с другими словами; такие словесные соединения лишь при совместном употреблении составляющих их компонентов обладают свойством выражать определенное значение и выполнять знаковую функцию. Таким образом, фразеологизмы — это прежде всего семантически несвободные сочетания слов.

2. Фразеологизмы, как и другие значимые единицы языка, характеризует целый комплекс дифференциальных признаков: раздельнооформленность (сочетания слов), семантическая спаянность компонентов (семантически несвободные сочетания слов), утвердившаяся в языке устойчивость семантики и определенного лексико-грамматического состава (устойчивые сочетания слов), воспроизводимость в речи (готовые к употреблению сочетания слов). Сочетание названных признаков отграничивает фразеологизмы от смежных с ними структур (слов, свободных сочетаний слов, пословиц, терминологических словосочетаний). Среди выделенных свойств фразеологизмов в качестве релевантных выступают смысловая связанность компонентов и раздельнооформленность.

3. Выделение в чувашском языке двух структурно-семантических типов фразеологизмов связано с тем, что одни из них возникли в результате переосмысления одного из компонентов соединения слов, другие — в процессе семантического преобразования всего сочетания в целом. Переосмысление семантики одного из слов сочетания обусловливает, как правило, возникновение у дан-

ного слова фразеологически связанного значения, т. е. такого значения, которое проявляется в строго определенном лексическом окружении. В результате реализации связанного значения слов образовались устойчивые словесные комплексы, обладающие аналитичным значением. Преобразование семантики свободного сочетания слов в целостном виде приводит к образованию устойчивых словесных соединений, характеризующихся идиоматичностью, т. е. невыводимостью значения целого из значений частей. Для них характерна целостность, или нерасчлененность, значения.

4. Фразеологизмы, характеризующиеся аналитичностью значения, называются фразеологическими сочетаниями. По характеру своей семантики названные соединения слов соотносятся со свободными сочетаниями: общее значение и тех и других вытекает из значений составляющих их компонентов. Это позволяет соединения слов названного типа классифицировать по принадлежности их стержневых компонентов к определенной части речи. В чувашском языке выделяются два семантико-грамматических разряда фразеологических сочетаний: 1) субстантивные фразеологические сочетания и 2) глагольно-именные фразеологические сочетания.

Однако фразеологические сочетания от свободных сочетаний слов отличаются тем, что в их составе имеется слово с фразеологически связанным значением, которое и наделяет названные устойчивые словесные комплексы такими специфическими чертами, как немоделируемость, отсутствие отношений грамматической зависимости между компонентами в фразеологических сочетаниях со структурой словосочетания, подлежащно-сказуемостного отношения в фразеологических сочетаниях со структурой предложения.

В зависимости от характера соотнесенности с обозначаемой действительностью различаются две разновидности фразеологических сочетаний: 1) фразеологические сочетания — нерасчлененные номинации и 2) фразеологические сочетания — расчлененные номинации.

В фразеологических сочетаниях первой разновидности слова с фразеологически связанным значением или полностью десемантизированы и выступают как грамматикализованные (морфологизованные) элементы, или, подвергаясь в той или иной степени десемантизации, сохраняют свойственные им значения. Однако и в том,

и в другом случае слова в связанном значении выполняют функцию, аналогичную роли словообразовательных морфем, т. е. выполняют строевую функцию. Фразеологические сочетания данной разновидности представляют собой несвободные аналитические структуры, или конструкции. К ним относятся прежде всего фразеологические сочетания с номинативной функцией (например, субстантивные фразеологические сочетания — составные названия, глагольно-именные перифразы). Фразеологические сочетания — нерасчлененные номинации, бесспорно, выступают в предложении в роли одного члена предложения.

В составе фразеологических сочетаний второй разновидности слова с фразеологически связанным значением сохраняют свое лексическое значение. Именно эти фразеологические сочетания обнаруживают сходство со словосочетаниями. Здесь более четко выделяются определяемые слова и определения. Учитывая это, некоторые исследователи утверждают, что фразеологические сочетания, расчлененно называющие факты действительности, построены на основе грамматической связи между компонентами. Однако нет достаточных оснований для отождествления фразеологических сочетаний названного вида со словосочетаниями и свободными предложениями. Фразеологические сочетания во всей их совокупности отличаются от словосочетаний как соединений знаменательных слов тем, что в них один из компонентов, как было отмечено, имеет фразеологически связанное значение. Данное значение проявляется в языке лишь при посредстве семантически опорных слов. Следовательно, фразеологически связанное значение — это не самостоятельное лексическое значение слова. Слова в связанном значении лишены автономной знаковой функции, характеризуются синсемантичностью. Поэтому между словом с фразеологически связанным значением и словом, реализующим названное значение, не возникают грамматических отношений. Применительно к фразеологическим сочетаниям мы можем говорить лишь о семантической, а не о грамматической зависимости слов-компонентов. Отношения подчинительной или координируемой связи могут возникать только между полнозначными словами. В фразеологических сочетаниях — расчлененных номинациях слова в связанном значении, несмотря на полновесность их знаковой

функции, настолько тесно связаны с семантически опорными словами, что не могут выступать в качестве самостоятельной синтаксической единицы. Следовательно, и фразеологические единицы второй разновидности функционируют в предложении в качестве одного члена.

К фразеологическим сочетаниям, расчлененно связанным с фактами действительности, обычно относятся словесные соединения с экспрессивно-оценочной функцией. Экспрессивно-эмоциональными оттенками обладают только те слова с фразеологически связанным значением, которые не утрачивают своего реально-вещественного содержания.

5. Фразеологизмы, характеризующиеся семантической целостностью, т. е. слитным значением, называются идиоматическими сочетаниями, или идиомами-фразеологизмами. Исходя из возможности или невозможности мотивировать значение идиоматических сочетаний, различаются два их типа: мотивированные и немотивированные. К мотивированным относятся идиомы, в значении которых можно установить внутреннюю форму, т. е. определить смысл, вытекающий из обычных значений слов-компонентов. К немотивированным принадлежат идиомы, в значении которых с точки зрения синхронии невозможно выделить внутреннюю форму. Все идиоматические сочетания, мотивированные и немотивированные, характеризуются и объединяются одним общим, определяющим их сущность, признаком — идиоматичностью. Компоненты идиом лишь по форме являются словами, а функционально не имеют признаков слов, выступают как элементы плана выражения, совместно реализующие определенное значение и выполняющие номинативную функцию. Поэтому с фактом действительности, как правило, соотносится идиоматическое сочетание как целостная семантико-грамматическая единица, а не каждый его компонент в отдельности. И значение, выражаемое идиомой, связано с одним нерасчлененным «кусочком» действительности. Причем особенно важно подчеркнуть, что смысловая структура идиомы с экспрессивно-образным значением богаче соотнесенных с ними по содержанию словесных единиц. Идиоматические сочетания подобно полнозначным словам в целостном виде обладают категориальным, или грамматическим, значением, соотносятся с определенными лексико-грамматическими разрядами слов,

функционируют в качестве одного члена предложения.

По соотнесенности с определенными частями речи выделяются следующие основные семантико-грамматические разряды идиоматических сочетаний: субстантивные, адъективные, адвербиальные и глагольные.

6. С точки зрения выполняемой функции в языке выделяются два типа фразеологизмов: 1) фразеологизмы с номинативной функцией и 2) фразеологизмы с экспрессивно-оценочной функцией.

Фразеологизмы с номинативной функцией являются единственно возможными названиями предметов, действий, состояний, качеств, свойств и т. д. Фразеологические единицы названного типа восполняют «недостаточность» лексических средств в номинативном инвентаре языка для называния фактов действительности. Широкое распространение в чувашском языке фразеологизмов — составных названий свидетельствует, что аналитический способ обозначения предметов реального мира является характерной его особенностью.

Фразеологизмы с экспрессивно-оценочной функцией — это весомая составная часть образных средств чувашского языка. Экспрессивно-образное значение в фразеологических сочетаниях создается своеобразием фразеологически связанного значения, свойственного одному из компонентов соединения слов. В идиомах же экспрессивно-эмоциональное, оценочное значение заложено в самой их смысловой структуре. Коннотативность значений фразеологизмов вызывается прежде всего эмотивным отношением субъекта речи к обозначаемым фактам действительности, иными словами, квалификативной деятельностью человеческого сознания.

7. По своей структуре фразеологизмы — краткие и сжатые единицы языка, состоящие главным образом из двух или трех компонентов-слов. Это объясняется их происхождением. Фразеологические единицы в большинстве случаев генетически восходят к свободным сочетаниям слов. В языке в качестве средств предметной, или элементной, номинации утверждались прежде всего такие словесные соединения, которые характеризовались компактностью, частотностью. Именно подобные сочетания слов преимущественно использовались для обозначения новых фактов действительности и приобретали значения, связанные с этими фактами.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Агак.— Л. Агаков
Алаг.— В. Алагер
Алга — А. Алга
Алекс.— А. Александров
Аленд.— В. Аленде́й
Арт. — А. Артемьев
Асл. — С. Аслан
Атт. — М. Аттай
Ашм. — Н. И. Ашмарин
Бурн. — В. Бурнаевский
Ват. сам. — Ваттисен самахĕсем, каларăшсем, сутмалли юмахсем. Н. Романов пухса хатĕрленĕ. Шупашкар, 1960.
Вороб. — А. Воробьев
Долг. — В. Долгов
Ем. — А. Емельянов
Ивн.— И. Ивник
Игн. — В. Игнатьев
Илп. — Н. Илпек
Калк. — А. Калкан
Кип. — М. Кипек
Кр.-А. — В. Краснов-Асли
Красн. — Г. Краснов
Кузн. — И. Кузнецов
Льв. — П. Львов
М. Ухс. — М. Ухсай
Орл. — Г. Орлов
Осип. — П. Осипов
Пайм. — В. Паймен
Патм. — Н. Патман
Пет. — Т. Петĕркки
Сад. — В. Садай
Сем. — Ю. Семенов
Скв. — Ю. Скворцов
С. Ш. — С. Шавлы
Талв. — А. Талвир
Тах. — Н. Тахти
Тукт. — И. Тукташ
Турх. — К. Турхан
Уйап — Уйап Мишши
Урд. — В. Урдаш
Ухли — В. Ухли
Уяр — Х. Уяр
Хус. — П. Хусанкай
Хып. — Хыпар
Х. Çем. — Хумма Çеменĕ
Чав. кал. — Чăваш календарĕ
ЧРС — 82 — Чувашско-русский словарь. М., 1982.
Чулк. — К. Чулкаç
Шел. — Н. Полоруссов-Шелепи.
Шуп. — Н. Шупуççынни
Элк. — С. Элкер
Эсх. — А. Эсхель
Юхм. — Юхма Мишши
Я. Ухс. — Я. Ухсай
бран. — бранное
букв. — буквально
диал. — диалектное
ед. — единственное
жарг. — жаргон
ирон. — ироническое
книжн. — книжное
мн. — множественное
пад. — падеж
посл. — пословица
презр. — презрительное
устар. — устарелое
ч. — число
шутл. — шутливое

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Введение 5

Глава первая

Предмет фразеологии чувашского языка как лингвистической дисциплины. Фразеологический состав чувашского языка 8
1. Несвободные сочетания слов как предмет фразеологии —
2. Определение фразеологизма 16
3. Типы связанности слов 19
3. 1. Способы вторичной номинации. Функции слов, связанные с опосредованным отображением внеязыковой действительности . . . . . —
3. 2. Связанность слов, вызванная функцией контекстуально обусловленной номинации . . 22
3. 3. Связанность слов, обусловленная их строевой функцией 28
3. 4. Связанность слов, обусловленная функцией совместной номинации 31

Глава вторая

Фразеологические сочетания 36
1. К истории изучения фразеологических сочетаний . —
2. Основные признаки фразеологических сочетаний. Определение фразеологического сочетания . . 41
3. Классификация фразеологических сочетаний по стержневому компоненту 52
4. Субстантивные фразеологические сочетания . . —
4. 1. Функциональная характеристика . . . 53
4. 1. 1. Субстантивные фразеологические сочетания с номинативной функцией . . . . . —
4. 1. 2. Субстантивные фразеологические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией . . . 54
4. 1. 2. 1. Адъективно-субстантивные фразеологические сочетания 55
4. 1. 2. 2. Субстантивно-субстантивные фразеологические сочетания 61
4. 2. Структурная характеристика . . . 67
4. 2. 1. Субстантивные фразеологические сочетания, соответствующие по структуре словосочетаниям . —

4. 2. 2. Субстантивные фразеологические сочетания, соответствующие по структуре предложениям . 69
5. Глагольно-именные фразеологические сочетания
5.1. Семантическая характеристика . . . 70
5. 2. Функциональная характеристика . . . 74
5. 2. 1. Глагольно-именные фразеологические сочетания с номинативной функцией . . . . —
5. 2. 2. Глагольно-именные фразеологические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией . . 76
5. 3. Структурная характеристика 78

Глава третья

Идиоматические сочетания 80
1. Идиоматические сочетания — составная часть фразеологизмов 80
2. Классификация идиоматических сочетаний по соотносительности с частями речи 98
3. Субстантивные идиоматические сочетания . . 99
3. 1. Функциональная характеристика . . . 100
3. 1. 1. Субстантивные идиоматические сочетания с номинативной функцией 101
3. 1. 1. 1. Субстантивные идиоматические сочетания с конкретным значением и их тематические группы 103
3. 1. 1. 2. Субстантивные идиоматические сочетания с отвлеченным значением 104
3. 1. 2. Субстантивные идиоматические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией . . . . —
3. 1. 2. 1. Субстантивные идиоматические сочетания — названия лиц по признаку и их тематические группы 108
3. 1. 2. 2. Субстантивные идиоматические сочетания — названия предметов 120
3. 2. Структурная характеристика . . . 122
4. Адъективные идиоматические сочетания . . 125
4. 1. Семантическая характеристика . . . —
4. 2. Структурная характеристика . . . 129
4. 3. Синтаксические функции 133
5. Адвербиальные идиоматические сочетания . . 135
5. 1. Основные семантические признаки . . . —
5. 2. Структурная характеристика . . . 136
5. 2. 1. Адвербиальные идиоматические сочетания со структурой словосочетаний . . . . . —
5. 2. 2. Адвербиальные идиоматические сочетания со структурой соединений знаменательных слов со служебными 143
5. 2. 3. Адвербиальные идиоматические сочетания со структурой предложений 144
5. 3. Синтаксические функции . . . . —
6. Глагольные идиоматические сочетания . . . 145
6. 1. Общая семантическая характеристика . . —
6. 2. Функциональная характеристика . . . 147
6. 2. 1. Глагольные идиоматические сочетания с номинативной функцией 148
6. 2. 2. Глагольные идиоматические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией . . . . —
6. 3 .Грамматическая характеристика . . . 151

6.3.1. Глагольные идиоматические сочетания с полной парадигмой 153
6.3.2. Глагольные идиоматические сочетания с неполной парадигмой 155
6.4. Структурные типы 158
6.4.1. Глагольные идиоматические сочетания, соответствующие по форме словосочетаниям . . —
6.4.2. Глагольные идиоматические сочетания, соответствующие по форме предложениям . . 162
Заключение 165
Условные сокращения 171
Оглавление 172

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ атындағы ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

Ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР

Мефодий Федорович Чернов

Фразеология современного чувашского языка

Редактор издательства *А. П. Павлов*
Художник *В. И. Агеев*
Технический редактор *Г. С. Самсонова*

Сдано в набор 04.07.85. Подписано к печати 05.10.85. НТ 35247. Бумага типографская № 2. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 9,45. Учетно-изд. л. 9,55. Заказ 2785. Заказное. Тираж 1000 экз. Цена 75 коп.

Чувашское книжное издательство,
428000, Чебоксары, пр. Ленина, 4.

Типография № 1 Государственного комитета Чувашской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
428019, Чебоксары, Канашское шоссе, 15.

6.
в
6.
п
6
6.
в
6
в
Закл
Усло
Огл

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
АТЫНДАҒЫ
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

Чернов М. Ф.

Ч49 Фразеология современного чувашского языка.— Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1985.—176 с.

75 к. 1000 экз.

В книге рассматриваются основные, ключевые проблемы чувашской фразеологии: определение фразеологизма и фразеологического состава чувашского языка, структурно-семантическая и функциональная характеристика фразеологизмов.

ББК 46.2

Ч $\frac{4602000000-122}{М\ 136(03)-85}$ без объявл.—85

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
атындағы
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ